

Книжка
Дружеского. Ч. 21.
1841

ЛАСТОВКА.

Сочиненія

НА МАЛОРОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКЪ.

Гг. Л. Боровиковскаго, Е. Гребенки, Грицька - Основьяненка, В. Забѣлы, И. Котляревскаго, Кореницкаго, П. Кулеша, Мартавицкаго, П. Писаревскаго, А. Чужбинскаго, Т. Шевченка, С. Шерепери и другихъ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ,

**НѢКОТОРЫЯ НАРОДНЫЯ МАЛОРОССІЙСКІЯ
ПѢСНИ, ПОГОВОРКИ, ПОСЛОВИЦЫ, СТИХО-
ТВОРЕНІЯ И СКАЗКИ.**

Собралъ Е. Гребенка.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Книгопродавца *Василья Полякова.*

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ.

С. Петербургъ. 12 Марта 1840 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

Копія

ТАКЪ СОБИ ДО ЗЕМЛЯКИВЪ.

Уже я такъ думаю що нема й на свити кращого мисця якъ Полтавська губернія. Господы Боже мѣи мылостывый що за губернія! И степы и лисы и сады и байракы и щукы и караси и вышни и черешни и усяки напыткы, и волы и добри кони и добри люде, усе е, усе го—багацько! А тихъ мовлявъ дивчатъ та молодыць... не протывъ ночи згадуючы! о бодай ихъ! доси зъ думкы не йдутъ. Одну зпысавъ покійничекъ Котляревскій Наталку Пилтавку, та увесь свить звеселывъ; уси и наши и москали и нимци и туркы не нахва-

лютця, спасибо, говоріють, хоть хахолъ,
а выкинулъ штуку знатную! що жъ
бы було, якъ бы всіхъ знысать!... Та
годи зъ шимы! у мене така кумедна на-
тура; якъ тільки заговоривъ про див-
чатъ то й до завтріого переставъ бы.
А я таки свое: до вѣку не забуду якъ
я жывъ у Полтавскій губерніи, недалеко
видъ Пырятына. Може вамъ колы пе-
реиздомъ траплялось бувать у Пыряты-
ни? городъ путящій: усяки тамъ е кра-
мари и бублейныци, е и церковь Божа,
якъ слидъ, зъ дзвонницею, и пошта е
и поштари ходіють, мовъ ти москали зъ
чорнимы комирамы, и письма розда-
ють чесно не розпечатувавши. Гарный
городъ! а краще усего у іому бублыки:

ни въ Прилуци, ни въ Лубняхъ, ни въ самому Нижени нема такихъ бублыкивъ. Зъ Кіева произжаючи купують, да не нахваляються. Отъ що! Жывъ я соби недалеко одъ сіого лепського города у селн. Кожныйй тоби день було що небудь тамъ веселить сердце: Ждешъ було весны якъ бозна чого. Отъ шеля Стретенья и стане подувать гень видтня зъ запорожья тепленькій витерець; сонечко выбравшише у гору уже геть пришикае, а сиромы волькы, стоя била тыну знай выгривають свои бокы. Не забаромъ снжокъ понаяся водою; скризь вода! степь сыше якъ море, а по нему одъ сонця якъ жарь грають искры. Де неберетя у Господа тией птыци: скризь летять гусы, журавли, лебеди, мовъ

яке летуче вїйсько кудысь поспишае. Жайворошки щебечуть пидъ небесамы, ласточки вьются, бугай гуде у болоти а биля іого знай, разъ у разъ, свыстыть овчарикъ. Усе живе, усе дыше! Дали трохи просохне, стануть палыть степы: Выйде чоловикъ у поле выкреше огню, положить іого у соломьяный вихоть, розмаха гарненько да й кине на доливку; затрещить кругомъ сухой комышь и пошло пожарище гулять степомъ!... Геть покотыть и дымъ и поломья, гуля якъ той запорожець. А въ ночи, батечкы мои! якъ воно горыть хороше прехороше! кругомъ гоготыть та сямовъ орда пидступае, та розыклала огныща — и страшно и весело!... Черезъ тыждень и не пизнаешъ паленого

степу — якъ рута зеленіє. Тільки то тамъ то тамъ синіє сонъ та жовтіє горьцвितъ — по садамъ цвितуть голу-бенъки пролискы, и вышенъкы и черешенъкы и груши и яблуни окынутся пахучимъ биленькимъ цвитомъ; тамъ що ранокъ кусе зозуля, цилисенъкій день высвыстує иволга: *покънь сани визмы визъ*, що вечиръ спива соловейко, а на выгощи дивчата затынають веснянки, ажъ округи луна иде.

Такъ тобі легко дыхать, такъ весело... Прійдешь у хату, шапку объ землю, а самъ мерщій на коліна передъ образами мольшься и плачешь, плачешь и мольшься! За що то Богъ святой такъ любить свое созданіє? Чи достойни жъ мы сіого!...

А якъ настане косовиця, та вийдуть наши хлопци у степь! Попереду Атамань, заломить брыль на бакирь, шаркне по коси разивъ зо два лопаткою, и пошовъ косить! за нимъ другій, третій, уси вытягнутся, мовъ, стричка, по степу, идуть мовчки только косы блискають, только травиця да квіточки лягають передъ ними; у долини недалеко піднидіомка перепельця, а одъ покосивъ такъ и пахне материнкою та чебрецемъ; підъ ногами, мовъ розсыпане добре намисто червоніють половниці. Ось уже вечоріе; кашоваръ почепывшы на выла свѣтку зыйшовъ на могилу та знай маха щобъ ишли вечерять. Биля куреня уже стоять ваганкы повнисиньки

галушокъ зъ саломъ, або колы въ писть то зъ таранею. Прышлы хлопци, выпылы по корячку, силы, идять соби галушкы настромлюючы на спычкы. И пышлы розказувать—Семень каже пидкосывъ деркача, Мыкита божитъся що накрывъ було шапкою на яйцяхъ перепельцю, та якось то выскочыла, Хто доить трохи не наступывъ на зайця. Смихъ, реготъ, гудуть якъ ти бджолы! А святый вечиръ сходыть на землю, и ничъ маты засвичуе зирочки на сышнему неби.

Або у жнива. Жарко о полудни, сонечко зъ горы такъ и облывае тебе тепломъ, пишовъ бы куды такъ и ноги не несутъ. Овечята лежать соби у холодку, волы тожъ полягалы биля став-

ка, кони зыбравшысь до купы стоятъ по-
нурывшы головы, тильки хвостамы об-
ганяють оводивъ. Шпаки, годи вже
гулять по степу хмарою, силы одпо-
чивать биля ричкы; такъ и вкрылы
прездоровенну тополю, ажъ гилля чор-
ніе; нащо дыке утя сторожка птыця,
да и те забылось соби межъ сытнягъ,
завернуло пидъ крыльце головку тай
куняе на озерци; кача его вода мовъ
той цурупалокъ. Усе одночива. Пидешь
соби у садъ, ляжешь доли догорыче-
рева пидъ грушею, и рука тоби лежыть,
и нога лежыть, и голова лежыть, у весь
лежышь, хотъ не спышь а очи закры-
ешь. Такъ и умеръ бы лежучы. Тыхо
тыхо травыця не шелестыть тилько ко-
лы ни колы задзежчить летячы мимо

тебе роботяща бджола. Создавъ же Господь такую трудящу тварь!.... Лупнешь очима въ гору, а тамъ надъ тобою межъ темнымъ гильямъ якъ золоти капелькы висять спили груши; дрыгнешь нехотя ногою, обь дерево; такъ на тебе мовъ той дощъ и брызнуть груши. Отъ не встаючи полапцемъ намацаешь котру била себе тай іісы. Та що то за груши пахучи та солодки! якъ визмешъ у ротъ такъ и ростають, изъисы ажъ губы злыпаются ажъ у грудяхъ полегшае, таке спиле, та свиже, та гарне! Щобъ я трычи Нимцемъ ставъ колы отъ тутъ у Петербурси хто й нюхавъ таки груши!...

Уберуть добри люде зъ поля хлибъ. Обтрусють у саду зимныци. Уже уран-

ци той водыця у корыти, де напувають товарь, зашерхае, по токамъ цилисинькій день лопотять ципы. Зовсимъ осень! у поли пусто тилько гаври литають; уккрыють шыву, поклюють чи ни поклюють зерпять, и полетилы дальше, да такъ сумно крячуть. Поихать бы у степь розбыть тугу. Гей цюцю стрилка! сюды! давай хлопче коня. Отъ и выихавъ у степь на бурому, коныкъ вишь крипкенькій, сиделичко на іому, справне козацьке, биля боку бижыть стрилка. Ажъ гулькь пидь перекоты-полемъ зайчыкъ зобгався мовъ рукавычка, ушкы прыщувывъ, духъ прытанывъ и окомъ не здвыне а пыльно дывыться, тутъ такъ у тебе пидь серцемъ и тіохне... спугнувъ зайця нагайкою....а тю іого! зыркь,

стрилка зосталась ззаду, обнюхує дурна якый-сь кущикъ, а тю іого стрилка! вона сердешна туды сюды, блысь блысь очицямы, якъ уздрила, якъ уляже! и пишла и пишла моя ластивочка!... стриже сиренькій степемъ тильки хвостикомъ кыває, а вона за нимъ такъ и уляга, такъ здається отъ-отъ ухопыть— а ты летышь за нею на бурому чи стерня, чи рилля, чи толока, ничого не бачишь, тильки витерьъ свыстыть мимо ушей, ажъ духъ тоби захвачує. . . . то то весело. У село вертаешся уже повагомъ, а заецъ мовъ порося годаване телипається увъязаный у торокахъ (бо небуло зайця щобъ утикъ подъ стрилки) «Глянъ глянь кулыно! Якій заецъ! Ходи сюда присько отце кумедія,» балакають у сели

на вульци дивчата — «Та що тобі зайця видьнего и лысыця никола невтикае!» каже видвя тай за регочуться вражидиты. А ты мовь не дочуваєшь, идешь соби ходою, тильки люлечьку потягуешь. А що на души не пытай!... Мовь тебе комысаромь выбралы!... Пидъизжаешь до дому а туть исты ажъ за живить бере... Мерщій убигь у хату на гайку на колочокъ а самъ за столъ исы соби добрый борщъ зъ уткою, каша пшоняна такъ и розсыпается, печене порося ажъ прысмагло, та ще що не будь; выпьешь съ пивкварты тернивкы а бо що; тай видпочывай добродію. Самъ соби панъ и знать никого не хочешь!

Зимою було якъ доживешь Роздвяныхъ святъ, туть тобі и одна и

друга кутя, тутъ и новѣй годъ, тутъ и водохрище! Гуляй душа безъ кунтушалыха прыкупывшы! мовлялы запорожци! Ни, я вамъ кажу що нема насвити кращого мисця якъ Полтавська губернія! Якъ згадаешъ про неи тильки здвинешъ плечима, цмокнешъ, тай замовчишь!... Отъ же послушайте: Жывъ я тамъ довго, весельвсь дуже, а скучавъ, чи вы повірите сіому? скучавъ часомъ ище дуже! Бувало зимою якъ пиднимется заверюха! Батечки мои, свита божого не видно!... замуруе тоби викна засыпле снигомъ двери хотъ не выходъ, та сутокъ трое, четверо гуля, а дали хотъ стихне то все тоби не лехше: снигъ завалить по степу уси шляхи, ни выйты, ни выихать, сыдышь соби, то спышь то исы—

нема другои работы. бо зна якъ обра-
довавсябъ колыбъ хто прїихавъ. Та ни,
хиба кому души не треба, або исты ни-
чого, щобъ кынувь хату. Було загавкають
собакы завалують якъ на вовка — про-
хукаешь окно глянешь на двирь, ажъ
лизе якась рогожана халабуда, здоровен-
ный коняка насылу тырыть їи по снї-
гу, а въ халабуди москаль сидить;
борода йому забузована снїгомъ, патлы
тожь, а шыя гола; якъ глянуть на його
собакы — мовъ у котли закиплять. Но-
сыть же, подумаешь, чоловіка печы-
ста сыла, десь у його своєї хаты не
ма!... Хлопче а зовы лышь сюды мо-
скаля, здається воно купецъ чи що!

Увійде москаль у хату, мотне патла-
мы, перехрыститися та й пыта: *не завгод-*

но лы тавару. А щожъ тамъ у тебе е?
Тутъ винъ тоби й тыче у руки бумагу
пысану чысто по московски, такъ що
нашъ братъ простый чоловикъ то де
чого й не розбере; воны уси на одынъ
штальть ось якъ воны починаются:

Ргьестъ купца Ивана Иванова.

Узюмъ

Картины разніе

Узори по канве

Апойки хлебавскія

Чай лясинъ-цветочнай

Купарось жѣлезнай

Андре, ладилаванъ,

Шоточки зубніе

Трупки всякія

Ладиколонъ

Шоточки для зубофъ

Подсвѣшники и шипцы обликъ.
Книги московскія

Та оттакъ цильй лысть зпыше! що тилько е на свити, усе у іого у діяволо-вй халабуди е! було читаешъ, читаешъ, розбираешъ, розбираешъ, що тамъ до чого прыходытсья, та якъ дойшовъ до книги московскія; той гукнешъ: а давай ихъ сюды. Прынесе тобі коробку кныжокъ и велькихъ и маленькихъ и жовтихъ и червонихъ, выбирай яку хочъ. Дасы москалеви рубливъ пять грошей, мирокъ зо дви овса, та печеного хлиба, та масла, то меду то ще чого, а соби оставышь пивъ—десятка кныжокъ. Пришовъ вечиръ, стало скушно, отъ и визмешъ кныжку, прочытавъ лысточокъ, ни

не бере! другій, ще гірше, третій, ажъ у голови закрутытса! таки ничогисинького не розберешь. Щось такъ чудне матери іого лыхо! почне зъ одного, при миромъ одъ воздухивъ одъ планеты, а переведе на шыло або на гвиздокъ; думаешъ и такъ, и сякъ, и зъ того боку зайдешъ, и зъ другого — шкода! невторонаешъничого! мовъ тобі що небудь розказуе отъ той цесарець, що въ козубеньци ликарство носыть. Визмешъ другу — тежъ, третю, четверту, пьятю — усе тежъ! А здається знаешъ московску мову, и изъ крамарямы изъ щетынныкамы и зъ животынныкамы балакаешъ якъ слидъ и торгуесся и гроши розщитаешъ, а дойшло дило до кныжки — якъ одризано. Уже було позову Димида,

винь чоловік грамотный, покличу и Куця, тай прочитаю имь лысткивъ зо два («а що хлопци понялы?») — «ни добродію хоть бы тоби слово!» — а воны и выросли по ярмаркамъ! — Ничого робить, положишь на польцю новеньки книжечки, хай полежать поки порозумнишаю — тай станешь у сто десятый разь читать Котляревского Энея, або повисти Грыцка Основьяненка. и читаешь и смієшся и плачешь.....

Усе отце я згадавъ колысь — здает-ся позавчора — тай задумався. Добре що мене привела доля у стольцю, що й поскучать николы, що незнаешь гараздъ колы середа колы пьятниця, коли свято колы будень, крутышся якъ той медведыкъ у млыни — не самъ винь кру-

тыться вода його крутыть. Щожъ то роблять землякы отсимы довгимы темными зимними вечорами? Давай зыбью имъ кныжку. Позбиправъ що було у мене пысано по нашому и свое и добрихъ людей, що спасибн имъ наприсылалы, одишсь у друкарню — отъ вамъ и кныжка! Чытайте хлопци колы уподобасте— а ни, якъ зволите, усе таки паширѣ у хозяйствн здасться, колы часомъ кабаку завернете або люльку запалыте, — и то добре.

Е. Гребенка.

7 Генваря.

С. П. Б.

ЧОРНОМОРЕЦЬ.

То не сирый туманъ
Съ Черноморья пиднявъ
Пиднимаются гусы то сиріи;

То не хмару снигивъ
Буйный витерьъ навивъ
Пиднимаются лебеди биліи.

Крычатъ гусы: гель гель...

А за ными орель

Испускается съ хмары високою;

«Не тикайте вгори,

Гусы сиріи мои!

Пидождите орла, мои любіи!

Я не быты лечу,

Роспытаты хочу:

Чы не бачылы ясного сокола?

Чы не стритылы вы.
Богатырь — головы
Съ Чорноморіи доброго молодця?»
«Коло моря убыть
Чорноморець лежить;
Его ручки лежать на тры штученькы,
Его ніжки на зглядъ
Край дороги лежать;
Кризъ реберця — трава пробывається.
Середъ степу того
Нихто къ тилу ёго
Изъ живой души не ласкается:
Тильки ластивкы тры,
Зь-пидъ сидой горы,
Прыгортаются: першая ластивка
Маты ридна рыда;
А другая-сестра;
Третя ластивка — жинка покійного.
Де матуся рыда

Тамъ кровава рика
Протикає до моря глибокого;
Де ридненька сестра
То вже ричка пройшла
И просохла, не влившыся до моря;
А де жинка була
И росыци нема
И завьяла трава край покійнаго.

Л. Боровиковскій.

ВИТРЕ БУЙНЫЙ.

Витре буйный, витре буйный
Ты зъ моремъ говоришь,
Збуды его, заграй ты зъ нимъ,
Сытай сыне море.

Воно знае де мій мылий,
Бо его посыло;

Воно скаже, сыне море,
Де его подило.

Колы мылого втопшло,

Розбый сыне море,

Пиду шукать миленького

Втоплю свое горе,

Втоплю свою недоленьку

.

Найду его прыгорюся

На серци зомлію.
Тогди хвыле неси зъ мылымъ
Куды витерьъ віе!
Колыжъ мылуй на тимъ боци,
Буйнесенькій знаешъ
Де винъ ходыть; що винъ робыть,
Ты зъ нимъ размовляешъ!
Колы плаче, той я плачу,
Колы ни, спиваю,
Колыжъ сгинувъ чорнобривый
Той я погибаю.
Тогди неси мою душу,
Туды де мій мылуй,
Червоною калыною
Постовъ на могыли,
Буде легше въ чужимъ поли
Сыроты лежаты,
Буде надъ нимъ его мыла
Квиткою стояты;

И квіткою й калыною
Цвисты надъ нимъ буду,
Щобъ не пекло чуже сонце,
Не топталы люде.
Я въ вечери посумую
А въ ранци поплачу,
Зыйде сонце утру слёзы,
Нихто й ни побачить!
Витре буйный, витре буйный
Ты зъ моремъ говоришь,
Збуды его, за грайты зъ нимъ,
Спытай сыне море?...

Т. Шевченко.

ВЫВИДКА.

I.

Въ чистимъ поли

Дви топо́ли

Щидъ топольмы крыныченька,

Въ ній холодна водыченька.

Тамъ дивчына

Чорнобрыва

Съ крыныченькы воду брама,

Съ козаченькомъ размовляла:

«Козаченьку

Бурлаченьку

Зелененькій барвиноньку!

Сватай мене дивчиноньку!»

«Дивчинонько,

Рыбчышонько!

Ой радъ бы я тебе сватать
Та боюся твоего брата.

Ой Галочко,
Коханочко!

Отруй сердце своего брата
Тоди буду тебе сватать.»

«Дежъ отруты
Роздобуты?»

Умеръ батько, вмерла маты
Не навчили чаруваты.»

Ой дивчыно,
Сыротыно!

Стоять въ поли дви ялыни,
На ялыни дви гадыны.

Вейды Ганно,
Въ поле рано:

Тамъ ялыну сонце пече,
А зъ гадыны ропа тече:

Прыгни спыну

Пидь ялыну.

Пидставь, дивко коновочку

Пидь гадючу головочку.

Братъ твій Марко

На ярмарку:

Навары ты ёму пыва

Щобъ имъ брата отруила.»

Въ недиленьку

Веселеньку

Братъ зъ ярмарку пріизжае

Сестра брата прывитае.

Брату пыва

Выносыла:

«Напыйсь брате, того пыва

Що я вчора наварыла.»

Не пье Марко

Тыи чаркы:

Напыйсь сестро, впередь сама,

Щобъ не звела мене зъ ума.»

Сестра-змія

Поблиднила:

«Пыла брате, вже я сама

Се для тебе зоставыла.»

Братикъ пывця

Якъ напывся

За серденько ухватывся

И съ коныка повалывся

«Яке дыво

Твое пыво

За серденько ухватило,

Зъ вороного повалило?...

II.

Въ чистимъ поли

Дви топóли:

Пидь топольмы крыныченька,
Въ ній холодна водыченька.

Тамъ дивчына

Чорнобрыва

Съ крыныченькы воду брала,
Съ козаченькомъ размовляла:

«Козаченьку

Бурлаченьку

Зелененькій барвиноньку!

Сватай мене дивчыноньку!»

«Дивчынонько,

Рыбчынонько.

Твое пиво, пиво — дыво

Брата за серце схватило

И схватило

И звалыло

Съ коныченька вороного.

Струишь мене молодого!

За науку

Зміє-суко

Теперь иды — хоть за ката

Отруила свого брата!» —

Л. Боровиковскій.

СЕРДЕШНА ОКСАНА.

(Любій моїй жинци Анни Григорієвни Квитка)

Нема́ на свити ничо́го луччого и Богу мылишого, якъ сердце матери до своихъ диточо́къ! — Скилки бѣ ихъ у неї ни було, чы десяткомъ Богъ благословывъ, чы тилки однимъ-одно; для неї ривни, жб́дного любить, усихъ ривно пестуе, за усякимъ ривно вбываетця. Девять здоровеньки край неї, потишають іи, а одно морщытця, кысне, не дуже; вже вона за нимъ вбываетця, тужыть, вже и боитця, що бѣ ще дужче

не занедужало, або щобъ — нехай Богъ борóныть! — що бь ще и не вмерло!—
Вона ихъ обмывá, обпатрюе, обшывá, зодягá — и никóлыжъ то не втóмытця, никóлы не поскуча зъ ными и усяка робота на диточóкъ ий не важкá. Коли зъ дитей ё якé шаливлыве, не слухняне, то батько — якъ ботько — грымне на такого, скубнэ, щыпкы дасть, по-пибье; а маты — якъ маты! Вона почнэ ёго уговорюваты, пестоваты: «Не робы такъ, сыночку! не ходы туды, голубчыку! Такъ не гараздъ. Ты мыми досаждаешъ. Я глядючы на тебе, частисенько плачу, та думаю : колыбъ-то винь зхаменувся, та покышувъ такé робыты, та слухавъ бы батькового вченьня, та пожалковáвъ бы моихъ слизочóкъ; то щé зъ нёго бувъ

бы чоловікъ; ще бѣ я дождала на старосты радоватыся глядючи на нѣго.»

Нехай же теперъ усякъ про себе згада́ — бо хто не бувъ зъ молоду шаловливый? — видѣ чого билшъ жаль визьме? Чы видѣ батьковихъ скѹбокъ, або хочъ и пѹжки — чы видѣ материного голубленья? — А ще, якъ яка, часомъ заплаче? такъ — Господы милостывый! Уси пакосты покынешь, и на вечерныци зъ мисяць не навидаешся, и зробишь за трѣхъ. — Що то маты! Святе дило! — Господь милосердный, якъ ё Винь на небесахъ, такъ замисця себе, давъ намъ на земли родитивъ: батько що бѣ навчавъ, та до розуму доводивъ — а що бѣ чоловікъ молодой зъ дуру не затужывъ, та не

збывся зъ панталыку, такъ тутъ маты зъ такою любовыю, якъ ё Самъ, Господь, мылосердный, до насъ гришныхъ.

Ось протывъ чо́го я трошкы закинувъ про матерынське сердце и душу.

Була удова, Векла Ведмедыха, — и що́ то жинка на усе село! розумна, розсудлива, Богобоязна и чесного роду. Було и самъ голова частисинько до неї за порáдою и вона такый совить добрый дасть, що не тилки голова, та и уси старыкы такъ не прыдумаютъ, якъ вона скаже, и усе гараздъ буде по ії. Сама жъ було не ходыть до волосты и никобы не розпытуе, чого и за чимъ зыбралася громада? ії и нужды мало ни до чого. Прыйды жъ до неї за порадою

объ якимъ хочешъ дили, такъ - та́къ!
Вже добре навчыть. Тяжко́ розумна
була!

Була собі и замóжненька. Була въ
неи земелька, скотынка, бувъ и витря-
чóкъ, та якъ зосталася удовою, та и по
роздавала усе: землю на скипчыну, ви-
трякъ зъ миркы, та усе чеснымъ, Бого-
боязнымъ людямъ, що бь не зобиждали
їи и щобъ у зрокъ знóсылы що треба.
Скотынку попрóдала и стала собі зъ
копійкы жыты.

Вже ии Охримъ вмеръ, а тутъ ста-
ла ревызія. Отъ, пишла Сѣмена, пишла
вона до волосты, почувшы що громада
зыбралася. Отъ увишедшы, вона помо-
лылась Богу, поклоньлась голови, и
усимъ якъ довгъ велыть и стала каза-

ты: — «А що, пане голова и вы панове громада! Отъ вже и Семена прійшло, покровы святой швидко диждемся, а десятицькь до мене ни разу не заходывь и не зага́довавь обь подушнимь.»)

— Та дже твій Охримь вже вмерь? казавь голова.

«И состоить исключеннымь изь ревизскихъ сказокъ и зь общественныхъ ведомостей.») Підхопывь пысарь, мотнувши патламы и покынувь пысаты.

— Та знаю що вмерь — казала Векла — и стоить заключеннымь у ведомости, якъ пань пысарь по письменному каже. Та я такы усе хочу за мого Охрима платыты, ажъ покы жыва буду. Спасыби Богу, мыни ё зь чого знóсыты и буде веселишь, що я за душу

Охрима, нехай царствує — буду платити, та й сама буду бодритися, що и я мовь чоловік на свити, туды-жъ за добримы людьмы, зношу царєви и свою копійчыну на вїйско, що насъ оберига. Та й зъ общественного не выпикуйте, нехай и я буду зносити, почому тамъ зъ души.)

«Та якъ можно — казавъ голова:— що бь женська душа, та платила подати?»

— Казуснее дило! — обизвався такы пысарь, штрыкаючи себе пальцемъ у лобъ. — Не имієтця прымиру. Треба надобно изспросить у господына исправныка розришенія. —

«Та ничогисинько сего не треба. — Сказала удова. — «Ты такы пане пыса-

рю, и не розришайся и не казыся, а ось що, панове громада, зробить: вы пышить, лышень, якого калику, або бидного сыроту, а зь мене справляйте. Нехай такы я не даромъ жытему на-свити.

— Хыба такъ — хыба такъ! Загу-ла громада и зробылы по Веклыному, и пишла по селу слава, що Векла стоить у ревызи и подушне платыть. — «Такъ и треба — Векла було у водвить каже: — лучче жь мыни видь достатку пла-тыты, чымъ зь сыроты, та зь бидности требоваты. Адаже и я у Царя нашого чоловикъ; зможу за людьми зносыты! Дочку виддамъ, прыньмыть буде, за двоухъ буду платыты.»

Вже тужь-тужь Векла дожыдала зя-

тя. Отъ-отъ писля зачатя, у пылыпивку, почнуть старосты швандяты до неи, бо вже іи дочка, Оксана, якъ диждемо риздвяннихъ мьясныць, то буде ій шиснадцятый годъ. А що́ то за дивка була? Билявенька, мотóрненька, швыдка, прудка, на ричахъ бойка, протывъ усякого звычайненька. Де вона, тамъ зъ неи и реготь, и смихъ, и играшкы и выгадкы. Якъ то́ въ матери не було ни якого хазяйства, а усе жыла зъ копійкы, то Оксаниничого и робыты було. Чы вчыныла хлибця, чы зпекла, мерщій до подругъ: тамъ іи ждуть, дожыдають якъ обь весни ластивкы; бо якъ защебече, якъ за балянтрасыть, такъ усімъ весело, хочъ цильй день слухавъ бы іи; а вже розсмишыты, такъ подавай! Кольбъ мерт-

вѣй чувъ якъ вона балясы точыть, то и той бы розреготався, не то вже жывый, що такъ и лягають, видъ смиху, де вона у беседи. На вульци, на вечерницяхъ, у колядци наша Оксана перѣдъ ведѣ, безъ неи не зналы бъ що и робыты.

Маты було почне їи зопыняты: — Сыды, доню, дома; чого такы бигаешъ? Чомъ не робышъ? Озьмы, лышень, або пряды, або шый, ничо́го невміешъ.»

Кынетця було до матери на шыю, обнима їи, цилуе, прымовляты стане: — «Матусенько, риднисенька, рыбочко, голубочко, перепилочко! Не зопыняй же мене. Яжъ соби ще молода, нехай же я погуляю, якъ тая птычка на воли пидъ небесамы литае. Буду згадуваты свое дивованья, що я въ

тебе якъ рыбонька у рѣчечци гуляла, куды хотила, туды плавала, та тебе дяковала, що ты въ мене матусенька, жалитлыва, добра, пестувала мене. Отъ-вже якъ пиду за-мижъ, надину очипокъ, тогди вже никуды гуляты, тогди вже зопынюся, тогди вже прыньмусь робыты; рукъ непокладатему и мужыка и диточокъ буду обшываты и тебе мамочко, що ты въ мене була така добра, жаловала мене, пускала усюды гуляты.»

— Колы-то ще буде! — стане старá казаты:—звыкла бигаты та гуляты, такъ хто тебе прысадытъ за роботу. Та чы вміешъ що робыты? Ныткы не выведешъ. . . . —

«И вже сѣго, мамо, не кажы. Я ды-

влячыся якъ ты робышъ , усёго навчылася. Ке, лышень, гребень сюды.»—Заразь выхопыла у матери гребень и почала прясты—ажъ хурчыть веретено , а вона нѣтку выводить тонку, та довгу, а тутъ писенькы весняночкы спива́. Стара дывытця, та дывуетця.

«А що, мамо , не вмію скажешъ прясты?» та покыне гребинь, та за рушныкъ, що маты вышыва ій же на прыдане; и почне таки-жъ цвиткы ставыты, якъ и маты, и заведе весильныхъ писенёкъ. То маты ажъ сплесне рукамы , и рада бѣ то що таке добро росте, и весело бѣ то ій зѣ нею , и жалкуе іи зоставыты била себе, щобъ не сумовала , и боитця іи пустыты, що бѣ часомъ. . . . дивча молоде, щобъ не загубыла славы. . . .

Дали, скризь зубы, ще тилки намирытця казаты:—«Та і́ды жъ, і́ды.»... вже та и захопылась, вже и на шыи у матери, вже и выциловала, вже и побигла... и дверей не зачыныла... вже тилки чуте по вульци і́де и выспивуе.....

Нехай же колы маты хочъ трохи змóрщытця, що або недужа чимъ, або що таке; вже Оксаны зъ хаты и не выженешъ, вже усé забула и вже хочъ у дружкы сама перша прыятелка клыкатеме, не пиде ни за що. Уже видъ матери ни на пьядъ; усє і́й у вичи дывытыметця, усє пытатеме: «що въ васъ, мамо, болыть? Чого вы бажаєте? Чы не поклыкаты зна́хуркы? Чы не розсердыла я васъ чимъ, та се вы не кажете, та стогне,

та жалкуете, на мене.» Тамъ уже якъ прыстане, та й видведе видъ матери усяку журбу, усяку тугу, та хочъ бы й справды недужа була, то Оксана їи розвадыть, розговорыть и лыхо забуде.

А хочъ бы яка весела була, та побачить старця, калику, або погорилого, вже вона усе покыше, заразъ до нѣго, розпытуе, розспрошуе, озьме за руку, поведе до себе, нагодуе, обдѣлить чимъ Богъ пославъ, на дорогу дасть и вѣпрововадыть за село; тилки и выдко їи, якъ вона коло бидности вѣетця, та знай слизонькы утыра́. Обдильла, выпроводыла, слизонькы втерла, бижыть... вже впѣять у беседи, вже и верховодить впѣять якъ була.

От-сежъ тилки що весна настае, и

сонечко позлы́зуе снігъ дѣ зъ якыхъ горбыкивъ на писку, вже Оксана и зыбрала свою команду: шатнулася, мотнулася зъ кинця въ кинецъ, веде нызку дивчатъ и прыговорюе: «та чого вы будете сидиты по хатамъ? Богъ дае весну, сонечко прыгрива́, витерець тепленькый, годи вамъ по за-пичкамъ тультыся. Не обрыдла вамъ зима? Не докучыло кыснуты у хаты? Будете стари, тогди ще належытеся по печамъ, нагрымаетеся зъ мужыкамы, налаетеся зъ дитворою. А чимъ будете згадувать свои молодыи лита? А бодай вамъ весело було! (се вже въ неи усимъ и завсегда така лайка була) А нуте, лышень, побижымо! . . . а беритеся; у хрещыка, у ворона, поведемъ кривого танця, коро-

вода, кострубонька, у жоны.» Заразъ и попаровала усѣхъ. Вже уси дивчата гарни, уси прыбрани, уси повыряжовани... та ба! їи знате видъ усихъ. Така баева юпка зъ рукавами, така и плахотка, и запасочка, и косы такъ убрани, и бачетця ѣ рушныкомъ также пидперезана, и усе-усе такъ, и въ неи, якъ на усихъ дивчатахъ... Эге! та щось усе не такъ. Усе на ній такъ штепененько, чепурненько, общыпано, такъ усимъ дивкамъ краса; тилки бѣ на неи одну и дывывся.

Тилки почують дивчачый гоминь на вульци, то ѣ повзуть зъ хать и диды и бабы, и жинкы, и молодыци повыбнгають, та що то: и дитвора уся вѣсыпле зъ хать, и уси кажутъ: «а

ХОДИМЪ, ЛЫШЕНЬ, НА ВДВИРЬЯ, ВЖЕ ОКСА-
НА РОЗГУЛЯЛАСЯ.)) И ПОСИДАЮТЬ УДОВШЪ
ПО ВУЛЫЦИ НА ЗАВАЛЫНАХЪ, НА КОЛОДКАХЪ
И ДЕ МОЖНО ПО ПИДЪ ТЫНАМЫ. А ПАРУ-
БОЦСТВО-ЖЪ; ВЫРЯДЫВШЫСЯ ПО СВОЕМУ,
ШАПКИ НАБАКЫРЪ, ЛЮЛЬКЫ ПОЗАТЯ-
ГАЮТЬ, ТА КУПАМЫ ХОДЮТЬ КРУГОМЪ ДИВ-
ЧАТЬ, ТА АЖЪ ОБЛЫЗУЮТЦЯ ДЫВЛЯЧЫСЬ
НА ОКСАНУ. И ВОНЫ, И УВЕСЬ НАРОДЪ ЩО
ПО ВУЛЫЦИ ДЫВЫТЦЯ, ОДНУ ІИ БАЧУТЬ, НА
ОДНУ ДЫВЛЯТЦЯ, ПРО ОДНУ ОКСАНУ ГОВО-
РЮТЬ. . . .

ОТЬ И ПОПАРУВАЛЫСЬ ДИВЧАТА У ХРѢ-
ЩЫКА; ОТЬ И ГРѢБЫ СТАЛЫ. ДА Й
ЧКУРНУЛЫ. ФИТЬ-ФИТЬ! НЕ РОДЫВСЯ
ТОЙ ЧОЛОВИКЪ, ХТОБЪ ОКСАНУ ПІИМАВЪ!
ХТОБЪ ГРОБАМЫ НИ СТАВЪ, ХОТЬ БЫ ЗЪ
ПАРУБКИВЪ, ХТО ПРУДКО БИГА — И НЕ

кажы щобъ іи уловыты! Хто іи зна!
Уси бигають — то пидь ными ажъ
земля стугоныть, засапаютця, задыхают-
ця, спотыкаютця, инша сторчака дасть
такого, що. . . . тилки друга бижыть
швыдче закрываты іи. . . . Побижыть же
Оксана! такъ на 'удывовыжу! Бижыть,
ныначе муха летыть, до земли недотор-
каетця, тилки, знай, нижкамы дрибнень-
ко перебира, а рученькамы не мота, а
тилки — буцимъ и протягне, щобъ-то
пиддатыся, та тилки що пидпустыть до
себе близьенько. . . . дрыбъ — дрыбъ —
дрыбъ. . . . вже тилки й бачивъ. Сама жъ
то ни зогнѣтця, ни згорбытця; якъ стру-
ночка!

Набигалысь у хрещыка, выморыла
усихъ, давай короводы водыты. Повела

кривого танця, такъ що други дивчата! Ихъ и не выдно за нею. Якъ зирочка вечирня, межъ усимы зирками; якъ утинка по води плыве, та выхыляецця, та головкою поводитьъ, та веселенько на усихъ погляда. . . . а якъ заведе писеніокъ, знаєте, що пры короводахъ треба спиваты, такъ якъ та сопилочка, або тыхесенькый дзвоникъ. . . . Уси прочи спивають на увесь ритъ, а вона и губонекъ не роззива, та іи голосочокъ чуть видъ усихъ, що такъ за сердце и бере. . . . усебъ іи й слухавъ. . . .

Яково-жъ то було Векли, матери іи, дывытысь на свою доненьку, що, хочъ вона була и іи дытя, и що кожній матери своя дытына мыла, а тутъ сама бачыть, що іи Оксана краса усему селу

и що уси люде, зыбралысь за тимъ, щобъ подывытысь на Оксану и що уси, у водынь голось, не перестаючы похваляють іи мылу Оксану. Якъ прыйде вже до дому зовсимъ у вечери, тутъ вже маты цилуе-цилуе свою доню, выцилуе іи усю, прыговорюючы: «Ты моя донечко... ты моя ластивочко... ты моя краса ты моя слава... черезъ тебе я й весела, и здорова, и видъ людей у почоти!... Ты мою старисть весельшь, ты мене на свити держышь!»... и усякыми такимы прыговорками довго-долго пестуе свою дытыну.

А Оксана жъ то й мовчить? — Ну-ну!—Та соби цилуе матери и руки, и щокы, и голову, и соби у водвить: — «Мамочко, голубочко, моя риднисенька

Та яжъ вся у тебе; у мене твоя натура. . . . А бы бѣ ты була здорова, весела, та не переставала любыты мене, такъ я земли пидъ собою не чую, мыши такъ легко, полетила бѣ мовѣ тая птычка. Що ты любишь мене та жалуешь, видѣ того и я така веселенька и ни обѣ чимъ не думаю, тилки бѣ тобі вгодыты, розвеселыты тебе. Тыжѣ въ мене сама матусенька! Нема въ мене ни ба-тенька, ни братика, ни сестрыци, ты мыни и сонечко, и мисяць, и здоровьячко, и щастытячко. . . . Яжѣ знаю, що и я въ тебе одна, якъ тая порошышка у воци; то я себе такъ и держу, щобѣ ты весельлася черезъ мене до кинця вику свого, що бѣ радовалася глядючы на мене и чуючы добру обѣ мыни славу. —

Матиночко риднисенька! Не виддавай мене за-мижъ. Мужыка треба любви, а я не хочу никого любви тилки тебе матусеньку мою, зирочку мою!...

Векла и слуха ии и не на слухаетця!—Дывытця ий у ти оченькы, що якъ небо сыне блестятъ, дывытця; любитця, поцилуе ихъ, перехрыстытъ дитя свое, здыхне, пидведе свои очи до Бога мылосердного, подума: кому таке добро достанетця?) заплакне, та и стане Богу молытысь.

Така дивка, якъ наша Оксана, не вже-жъ то не вподобалась парубкамъ? Не знаю! Чы бувъ же то хочъ одынь зъ нихъ, щобъ не гостривъ зубивъ на неи? Жоденъ бы заславъ людей до пей по передъ усихъ; такъ боялысь-бо гарбу-

живъ Не одынъ запытовався зацьматы
їи, такъ, знаєте, на женыхивське дило....
такъ куды-жъ ни прыступу! У беседи
зо всима и говорыть, и регочытця, и
пидсмїюе, и що хочъ кажы, буде слу-
хаты. Запытайся жъ заняты їи, або
пхнуты, або ногу пидставыты що бь
спиткнулась, якъ водытця у парубкивъ,
що зальщяетця до дивкы.... не знаю!
Вона такъ видриже, такъ обсоромыть
усякого, що не знатеме на яку ступыты!

Де яки смилиши, такъ ти такъ, на
простець стануть казаты: «Оксано! Я
тебе полюбивъ; щыро, крпкко полю-
бывъ. Отъ така и така у мене худоба,
от-то и то е. Пидешъ за мене?... Пры-
сылаты людей?»—Вона заразъ у вод-
вить:—«Спасыби тобі, чоловиче добрый,

що ты мене полюбывъ. Мыни весело, якъ мене люблять. А людей не турбуй. Не те, що за тебе ыменно не хочу, я й ши закого не хочу.»

Такъ було и матери скаже, що не хоче за-мижъ, якъ до неи, до старои прыйдуть сами батькы, або матери, що бь свататы Оксану за сына. Стара Векла було людей розвадыть, почастуе, та зь тимъ и видпустыть, а сама прыньметця за дивку.

«Скажы ты мыни, сдилай мылость, Оксано! Де твй розумъ, де голова? Чомъ такы ты не пидешь ось за сего? Такъ видризала й тому, й тому (туть усихъ згада, що сваталы ин) отъ и туть тежъ Колыбь сказаты люде якы — небудь, а

а тожъ люде на усе село. Що ты зъ собою думашь, моя дѣтино?

— А те я зъ собою думаю, мамочко, що не хочу за-мижъ за мужыка.

«Що се ты здумала, доню? — ажъ зкрыкнула Векла, сплеснувши руками.— Чы не здурила ты? — За кого-жъ ты думаешъ питы?»

— Охъ, мамочко риднисенька! Я й сама часто про себе думаю, що, троха, чы не обожеволила я! А вже що хочъ лай мене, хочъ бий, а якъ здумаю ійти за мужыка, такъ мыни и свить не милый! Ось бачъ що. Якъ и стала я на-ногы зхвачуватця и росла, и выросла, то усе, и видъ тебе, и видъ людей чую и сама бачу, що я хороша та красыва, що й у сели у насъ такой нема. Та якъ

ще й натура прыдалась у мене така весела, що мене уси люблять, такъ у мене и заройлось у голови: не хочу за мужыка, та й не хочу. Пишовшы за мужыка, треба покынуты обь соби думаты, що якъ бы нарядытысь, якъ бы убратыся, а пиды лышень на вгородъ, у поле, и дома возысь и зь дитворою товчысь, и тилки и знай, що дома порайся, мужыкови годы и слухай его и поважай, а колы ще и попибье, такъ ты и терпы. Не хочу за мужыка?

«Кого-жь тобі треба? За кого ты думаешь пійты?»

— А ось, мамо, що. Колыбь мы жылы у городи, то я бь зь своею красою, швыдко бь знайшла соби якого паныча. А якъ мы жывемо тутъ, у сели, то я бь

пійшла за купця, або за поповыча. — Охъ матусенько моя! — та сее кажучы и кынулась до матери на шыю. — Якъ бы мыни таке щастья! — Що то люблю що бь у роскоши жыты! Не по-ратысь ничого, а тилки хороше жыты, щобь пыты й исты, и хороше ходыты було що. Та якъ згадаю, що якъ я тебе тогди шановатему на старосты, такъ и себе не тямлю видь радосты! Буду тобі годыты, буду тебе нижыты, чого забажаешь, усе поставлятому. Сама не зымь ни зипью, а усе обь тобі убыватемуся....

Довго и пылно на неи дывылась стара Векла, дали якъ заплаче: — Господы мылостывый! — каже: — Та справди Оксано, чы обь своему ты уми? Видкиля таки думкы тобі прыйшылы? Се

я вышша, що натолковала тобі обь твоїй краси; матери усяка дытына хороша здається. Та хочь бы й такь; хыба жь уси хороши ійдуть за паньчивь, або за купцивь? Потурай. Буде хороша якь тая квитка, а такы ійде за хлибороба; и у поли зь нымь робыть и дома пораетця, и краса іи не пропала; вона породыла диточокь и дякуе Богу! а дивчата іи тежь красыви якь и вона була. Та оть ня: и я була на усе село дивка. Не то що по селу славылася, та и произжающи паны, якь уздрять мене, та ажь зь колясы оть-поты вылизе, та дывытця, та хвалыть, а иншый ажь шапку зниме, та скаже: «зрастуй красавыця! Та яжь не дуже що подумала и не загордылась, а такы, якь лучывся чоловикь

зъ нашихъ, пишла за твого батька, за Охрима, хочъ и удовецъ бувъ, та чесна душа була; и жыла за нымъ дякуючы Бога мылосердного. — Эй, доню! кынь таки горди думкы. Се тобі смущенье видъ нечыстого — Господы насъ бороны видъ нёго! — Гляды тилки, щобъ тебе си думкы не завелы у погыбель — нехай тебе сохраныть Маты Божа!» — Та й обняла дочку, стала иициловаты и хрестыты.

Оксана й каже: — «Якъ хочъ, мамо а покы така думка е въ мене. Буду слухаты, що мыни казатемещъ, буду й сама розбираты.»

От-такъ часто воны соби мырковалы; и стара, то просючы, то плачучы, довела такы дочку до того, що сказала:

«Що жъ мамо! пиду и за мужыка, а бы бѣ чесный, та добрый бувъ протывъ тебе. . . .»

Ажъ ось и лучывся швыдко парень важный. Одынѣ соби, ни батька, ни матери, никому буде орудоваты. Самъ соби хозяинѣ, а добра усякого, хочъ скотыны, хочъ поля, чы мало; парень молодой, друзьяка, роботящый, смырный, не пьющый и вже ни съ кимѣ ни залаетця, ни заведетця, та чорнявый, та красивый. Стара Векла обома руками ухопылась за сего, Петромѣ его звалы, и сама Оксана и сюды й туды, и вже не дрогачысь сказала: «пиду, тилки нехай обѣ осены.»—Дарма й пидождемо.—Сказала Векла зрадовавшыся.

Якъ тутъ. . . и розказуваты не хо-

четця!... От-то у ту слободу, де жыла Векла зь Оксаною, та прыйшлы салдаты на постой. Що жь тогди сталося зь дивчатамы!... Самы себе не тямлють зь радощивъ!... Ой згадаймо лышень братця, свои молодьи лита, якъ ще мы парубковалы: чы втямки вамъ, якъ було прыйдемо на чужи вечерныци, то дивчата якъ ясочки коло насъ и вже на своихъ не хочуть и дывытысь. Звисно ихъ дивоча натура: сегодня уподобала червону скиндячку, завтра зелену, а червону пидъ ногамы топче и байдуже. Сегодня бажа молошнои каши, а завтра вже и не треба, давай ій коржа зь саломъ. Сегодня мылый ій Стецько, зь нымъ жартуе, зь нымъ жєныхаєтця; колды жь побачыла завтра Хведька, та

ще зъ чужого села, то вже Стецькови й цуръ и пекъ, и не зацьмай їи и не рушь їи, вона тебе й знать не зна и видаты не вида; їй тилки и мылишьї усихъ Хведько.... та й то на сегодня тилки, а завтра зновъ кого уподоба. А вже найпаче якъ вздрять служывихъ!... У! до сего торгу воны пишкы. Якъ имъ мундъръ, а ще пуще усы и тилки побачить доведетця, то вже усе забула, и ничого не чуе, и никого не бачыть, опричь усивъ.... От-така натура у сихъ дивтатъ. Уси воны однимъ мыромъ ма-зани....

Такъ було и теперычкы. На тутешнихъ парубкивь нихто зъ дивчатъ и не дывытця; усе бъ имъ салдаты, та салдаты; подавай ихъ и на вульцю и на ве-

черныци и усюды. Такъ бо Царськи служиви не те думаютъ: ему треба муныцю справыты, мундѣръ на лагодыты, зпочыты; николы имъ за дивчатамы. Чы мало воны свиту прійшлы и усюды жъ то дивчата имъ на шыю вишались, и вже стали ни по-чому.... Дивчата, бачачы, що ихъ постояльци не заньмають, прынялысь за свои хытрощи: порозряжуютця, повбираютця такъ що ну, и саме у таку пору, якъ салдаты на муштру сбираютця, отъ Мелашка ухопыть видра и ійде по воду. Якъ разъ протывъ салдативъ. Зострилась зъ Наталкою, що ійде за-чимсь до дядька. Отъ якъ зострилыся, та й давай базикаты, то объ скиндячкахъ, то объ червычкахъ, то ни знать объ чимъ; якъ

туть гулькѣ!—видтыля Домаха, видсиля
Ивга, а тамъ Хвеська, та Педора; та ся,
та та, та й назбираетця ихъ до сына.
Балакають, балакають про межъ собою,
та й посидаютъ на колодкахъ, усе бала-
каючы, а на салдатовъ, буцимъ то, и не
дывлятця; а въ самихъ, ажъ жыжкы
трусютця, думаючы: колы бѣ от-той вы-
сокый, та чорнявый, занявъ мене. Та
такъ усяка сыдыть и дожыда ажъ до
пизного вечера. А матери сами: ждуть
дочокъ — нема; ничого робыты; сама
воды наносыть, сама розведе, пичъ зато-
пыть, вечеряты варыть; нехай, каже,
дивка погуля....

«Де то ты, доню; такъ довго була?»
Але вже й не рано. Де то такъ запиз-
нылась? — пытала маты нашу Оксану,

що прыйшла до дому прытьмомъ у вечери.

— Де була? — одвить дала Оксана знимаючы свою билу, нову свыту, зкыдаючы баеву, червону юпку, а зъ головы ленты та скиндячкы и покладаючы усе гарненько що на пилъ, пидъ головы соби, а ленты заворочуючы у бумажку и ховаючы, зъ хрестамы и намыстомъ, у свою скрыню. «Де була? Дывылась зъ дивчатамы на москаливъ. Що то якъ гарно муштру выкыдають, якъ одынъ. То все ихъ вчыть ихъ старшый. Кажуть нема и у всимъ сели старше видъ него. Та якый же то, мамо, розумный! Та якъ его уси слухають! Що скаже! такъ уси мерщій и роблять. Колы брыкне на нихъ, що бь пиднялы руш-

ныщи, такъ якъ разъ и пиднимуть, ажъ забрязкотыть усюды... Такъ весело що не можно!... И куды имъ скаже іѣты, чы на право, чы на ливо, тилки крыкне, такъ ни хто ѣ не спорыть, уси стиною такъ и іѣдутъ. Що-то, десь, розумный. А що вже красывый, такъ и мины. ... Чы ты... мамо, солыла дрова?)

— Що ты, що ты, що ты? Богъ зъ тобою! — крыкнула Векла на дочку, що вхопыла пшона у жменю; та ѣ почала по прыпичку посыпаты, мовъ солять страву. — Чы ты одурила, чы обожеволила? Що се ты робышь? —

«Бачъ!... тѣфу! — зхаменулась Оксана и покынула пшено, та ухопыла виныкъ, та давай хату месты... Тутъ впѣять маты гукнула на неи, попры-

каючы што не знать што робыць. — Чы о
своему ты умн? Чы то вже надывылася
на салдативъ, такъ воны у тебе у голо-
ви.»

— Та ни, мамо; цуръ имъ! Будто
усе на нихъ и дывытысь, якъ ихъ той
старшый вчить... А якъ дуже кры-
чыть! Его далеко чутъ; вже такъ що го-
лось! Якъ стане передъ ными, то якъ
орель. Высоченькый, та пряменькый
якъ стрілочка, и усы е невелычки;
чорнявый соби на выду...»

— Хто тамъ такый чорнявый? —
пытала маты засмажуючы борщъ у Ок-
саны, що позклаговавши ручки сыдыть
на полу, та усе свое дума и про те тил-
ки й розказуе.

«Та то я, мамо, такъ соби; то я

про старшого. . . .)» та й задумаетця. . . . а дали вп'ять прыньметця розказуваты: почне про Явдоху, а зведе на старшого; розказуе про Хиврю, а зведе на старшого. . . . А маты, знавшы про свою билоручку, що вже не прыньметця ни завищо, и байдуже; усе сама пораетця и не прыслушаетця що тамъ дочка розказуе.

И за вечерею, Оксана закыдала про старшого, а маты й не слуха. . . тадесь и усю пичь нашій Оксани снылысь салдаты. . . а не такъ салдаты, якъ ихъ старшый. . . .

У ранци, чы зробыла що, чы ни, по своїй натури, побигла до подругъ, що бь вп'ять зыбратысь имъ дывытысь на муштру. Пидмовыла и веселенька. Не гараздъ зь матирью пообидала, вже

й чуркнула, вже й на колодкахъ, вже й дывытця. . . .

Ажъ вбигла смеркомъ наша Оксана у хату до матери. . . . Раденька, веселенька, сміетця, щебече, бигае; сяде, впьять скочыть, кыдаецця матери на шыю, розказуе и де була, й що бачыла, и зъ якою дивкою говорыла, и якъ салдаты муштровались, а про старшого ни чычыркъ. Кругомъ коло него що було, усе розказуе и тилки бь про него що сказаты, то й замовчить, задумаецця, и такъ якъ разъ якъ поломья зпыхне, зачервоніетця, засоромытця, рученькамы закрыетця, перемовчить, та впьять за свое: поратысь кынетця, то й гляды, те розылье, те переверне, те розибье. . . Матты стане на неи гриматы, а вона жар-

туе, регочетця..... та й розвадыть матирь.

Сежь така була сегодня. Завтра жь то якъ увійшла у хату, такъ ныначе и не вона. Смутна, не весела, очи понурить, сидыть, ни зь мисьця и мовчыть якъ стина. Чого маты ни спыта: «Не знаю. Не бачыла. Не чула. Не доглядалась.» Отъ и уся розмова. Маты коло неи убываетця: «може хочешь сего-того?» розважа усимъ, а Оксана й не слуха ии. Вечеряты не зхотила, и лежучы усе тяжко здыхала.

Що жь се сталося зь нашою Оксаною? Ма-буць що не даромъ? Эге!—такъ такы й е не даромъ. Отъ бачыте: прыйшлы у ту слободу де вона жыла салдаты на постій; а надъ ными бувъ копы-

танъ , и збиравъ ихъ на муштру надъ вечеръ , а дивчата зходьлыся дывытыся на салдатовъ , та розглядаты бѣ то , зъ якимъ бы то описля пожартоваты. Отъ межъ ными и наша Оксана. Вона на салдатовъ не дуже й доглядалася , а усе дывылася на копытана : якый-то винъ бравый , якый молодой , якый красивый , якый проворный и усе его розглядувала , такъ що , опричь его , никого й ничого не бачыла. От-то у першый вечеръ , такъ и хочетця , такъ и кортыть їи , усе про него матери й щебетала.

На другый день выйшла зарани , а тутъ и ахвыщеры выйшлы и копытанъ зъ ными , та якъ ще не уси салдаты позбиралысь , такъ ахвыщеры и давай зъ дивчатамы розговорюваты , та сміятися ,

та де що выгадуваты. А копытанъ пакы-
нувъ окомъ Оксану, та й почавъ їи хва-
лыты: яка-то вона, каже, красавыця!
Скилки, каже, ни походывъ по-свиту,
скилки чого ни выдавъ, та не выдавъ
такои красавыци и межъ панянкамы.
Се, каже, чудо! Се все Оксана чула и
якъ на вогни горила. Дали якъ пидій-
шовъ до самой їи, такъ вона бь скризь
землю провальлася, зчезла бь, забигла
на край свита. Винъ почавъ їи розпы-
товаты... такъ що жь бо! Пыта «де
ты жывешь? А вона каже: «Окса—на.»—
Е вь тебе маты? — А вона каже: — «по-
завчора.» — И сама не тямить що каже:
Дали поглядывъ їи по щоци, та й каже:
«Не стыдысь душынька! Мы познакомы-
мось зь тобою.» — Тутъ вона трохи —

трохы не сказала : — Та я вже й такъ васъ люблю! — Такъ бо языкъ въ неи не повернувся, засоромылась и свита не побачыла. А дивчата-жь то, подругы їи, ажъ регочутця зъ своимы ахвыщерамы, не такъ якъ Оксана, що й слова не пидбере, що ёму й сказаты. Покры салдаты муштровались, то копытанъ частинько поглядавъ на Оксану, а та зъ него очей не зводыла, такъ и пылновала на него, и вже въ неи серденько такъ и бьетця, якъ тая рыбонька на удочци; а на души жъ то такъ весело, превесело, що й розказаты не можно! Описля усихъ дивчатъ, пишла до дому Оксана, якъ розійшлысь салдаты и якъ копытанъ їйдучы била неи, знявъ шапочку, та сказавъ : «прощай красавыця!» такъ

вона й не з'ямилась, и отъ-то така весела прыбігла до матери.

На другый день, побігла Оксана попередъ усихъ на муштру дивытысь. Щожъ? ... дивытця, ажъ їи копытанъ вже зъ другою дивчыною стоить, жартуе, заньма їи ... а вона жъ то и пры людяхъ, и посередъ вульци, и ще куды ще до вечера, а вона сміетця, та регочетця, що вже радисинька, що їи копытанъ занявъ. Такъ-то думала Оксана дывлячысь на се; та їй чы досадно стало на копытана, що винъ, де вздривъ дивку, та й почавъ їи заньматы — и стыда ему нема! чы стыдно за дивку, що не втика видъ него, та й сама стоить зъ нымъ и розговорюе; та видъ сего ажъ поблидла, затрусилась, та мер-

щій и вернулася до дому.... А колы правду сказаты, Оксана и сама себе не тямыла: вона думала такъ, а се їй було досадно, що копытанъ занявъ другу, а не їи.... Знаете, серденько въ неи молоденьке, сама себе не розбере; полюбыла копытана, защемыла серденько, та якъ зъ роду въ перше, такъ вона й сама не зна, що зъ нею е....

Отъ у такимъ гори вернулася до дому, ледве-ледве дійшла.... и усе у їи на думци от-та дивка, що не постыдилася зъ копытаномъ розговорюваты, та й той копытанъ.... бачъ якый! нехай бы возывся зъ своими салдатамы, яке ему дило до дивчатъ? Хыба мы ему ривня? Жартуй соби зъ панянкамы!.... Такъ бо ничого бь и не було, якъ бы

вона втекла, а то й стоить; и регочетця. . . . у! безстыдныця! Побачыла бь іи маты, що бь тогди ій було? . . . От-такъ то усе сердылась и на неи и на копытана увесь вечиръ, и якъ спяты лягла, то усе у неи одни таки думкы та гадкы. . . . ажъ зплакне, сердешна, якъ іи допече до сердца, що дивка себе не поберегла и що копытанъ описля посміетця зь неи. . . .

Чы спала, чы не спала, а въранци ухопыла видра и пишла по воду — и троха чы не перше зь роду! — Бо й правда: де крыныця, а вона потягнула ажъ геть вулицею до базарю. . . . думаючи, тамъ близько кватера копытанова, то мабуть вже учорашня дивка снуе коло неи; щобъ тилки зь нымъ побачытысь. . .

Та вже не я буду — ажъ крикнула Оксана: — колы тилки вздрю їи зъ нымъ, то далеби, що матери їи скажу; нехай зопыныть їи; нехай вона не робыть славы на насъ усихъ!»

Ажъ — гулькѣ!.... копытанъ изъ за-хаты.... и пизнавъ Оксану, та до неи. — «Здраствуй, Оксано!»

А у Оксаны и руки и ноги затрусылысь, стала якъ укопана, якъ прыросла до земли, ни зъ мисьця, ни пары зъ усть....

Копытанъ и ставъ до неи казаты по нашому, бо хочъ и зъ Москаливъ бувъ, та, ма-буть, розумный бувъ, що й по нашому вмивъ. — Што ты не выходяла учора на салдацьке ученья смотрить, га?»

Оксана мовчить.

«Мыни безъ тебе скучно було.»

Оксана тутъ бы ему й сказала, що ему и безъ неи було весело зъ другою дивкою, такъ позабувала жъ усе те що думала зъ вечора и у ночи. А якъ позабувала, такъ и мовчыть, оченькы по-нурьла у землю, ныначе личыть стеблынкы що пидъ ногами.

«Скушно було безъ тебе. Я кращои дивкы и не выдавъ нигде... и полюбывъ тебе... крипко полюбывъ...») та узявъ ии за руку и каже тихенько: — «Тилки полюбы мене, я тебе щасливою сдилаю!»

Оксана якъ у раю! Вона, що не хотила ни за якого мужыка йты, та усе думала объ панстви, объ роскоши, чуе

теперь що їи любить пань, молодый, хороший, богатый — бо по мундѣру усе у него золото; и ма-буть спражній пань, що уси-жъ то салдаты его слухаютъ и боятыця, и такый пань каже, що винь їи любить и щасливою зробить; вирно винь дума їи узяты за себе, от-отъ вона пансю стане, що жъ їй тутъ казаты? Вона видь щырого сердца, тутъ и каже: — Якъ же васъ ще полюбиты?...

«Полюби одъ щырого сердца... обь мыни думай... выходи до мене... полюбы якъ я тебе люблю!»

— Та яжъ такъ и... люблю... та ще й дужче!...

Оксано, Оксано! якъ бы ты билше панивѣ знала, ты бѣ сего николы не

сказала; ты бѣ зъ першого слова выдбигла бѣ видѣ него, якѣ видѣ лыхой годины! Ты не знала панивѣ, чы ще лучше панычивѣ! Не дыво имѣ одуриты селянку, що зъ роду ихѣ не бачыла, не чула якѣ воны брешуть, якѣ запрысягаютця, якѣ описля гублять тихѣ, що имѣ пиддастця! Панычи звиклыся на тихѣ бидныхѣ, що озьмутъ видѣ батька, видѣ матери у двирѣ за панночкамы ходыты, заразѣ обстрыжуть имѣ косы и пиднимуть на грибишокѣ, що такѣ и тырчыть на голови, мовѣ на пивневи; зъ православної плахты, та нарядять ин у той проклятый компоть; зъ Явдохы, перевернуть на Дуняшку, изъ Ивгы на Евгенью, зъ Приськы на Афроську.... отъ вона й подума, що й вона стала панноч-

кою и чипляетця до панычивъ; и якъ тилки побачить цилкового, то й бижыть и вишаецця имъ на шыю.... Такъ на такыхъ, панычи звыкшы, кыдаютця и по селянкамъ и обдурюють ихъ дуже, а описля хочъ плачь, хочъ пропадай, винъ и байдуже, сміетця, та другу пидмовля....

Не знала сего наша Оксана! Вона бо зъ малу начулася, що вона красива, миры нема! Вона усе бажала выйты за пана, а теперь панъ їи полюбывъ.... Вона и въ головахъ не покладала, що бь панъ мусывъ збрехаты.... оть и призналася копытанови що любыть его.... тилки се вымовыла на-лыхо соби, тутъ вже копытанъ самъ не свій, кынувся до неи, обнявъ, поцеловавъ.... ему жь не вдывожу, дивчатъ

циловаты; мовъ горихы лускаты; яково-
жъ то було нашій, бидній Оксани?
земля пидъ нею запалала, небо надъ
нею загорилося, сонечко, якъ макъ, по-
червонило, вона, мовъ птыченька, пид-
нялася видъ земли, що бь полетиты. . . .
швыденько вхопылася за свого копыта-
на, обвылася коло него рученьками, що
бь не розлучытыся зь нымъ, що бь
вишь не зостався самъ безъ неи. . . . об-
няла его и що бь ще ій такъ гарно
було, вона вже его поциловала. . . . та
туть и зомлила и не видырветця видъ
него. . . .

Згадайте, лышень, братця, якъ вамъ
тогди було, якъ вы зь роду въ перше
поциловалы ту дивчыну, котру вы щы-
ро любьлы! Чы можно жъ то розказа-

ты, або зпысаты, яково вамъ тогда було? Не розпытуйтежъ и мене, яково було нашій Оксани: хыба бѣ жаромъ на поломьѣ пысаты, та искрамы засыпаты, такъ тогда бѣ потрапывѣ якъ зпысаты... А копытанови що? — Ничогисинько. Згадаймо-жъ, такы, впыять, якъ мы, хочъ и въ перше цюловалы ту дивчыну, котру не люблячы, тилки пиддурювалы. Тилки що смачно, мовъ писля трехъ день безъ люльки, роменьского тютюну смоктнешь.

И того, такы, не буду розказуваты, що воны, описля, промежъ собою розговорювалы, бо се вамъ и самимъ втямкы. Якъ вона обнимаючы его пестовала: и копытаныку мій, и соколыку, и голубчыку, и лебедыку — и усякимы

словами прыговорювала ему; и якъ винъ — по нашому, якъ колысь бувало, казавъ, що винъ має ій де чого багацько розказаты, такъ теперъ никола, а просивъ іи яко мога, що кола, каже, вирно любить, такъ що бь вийшла вечеромъ до вербы, що протывъ ихъ двора. Тамъ то винъ вже усе добре мавъ ій розказаты. Звисно що Оксана обещалась вийты, бо ще не наговорылася зъ своимъ мылымъ.

Нацеловавшысь, наговорывшысь, побожывшысь ще, що будутъ щыро любиться до смерты, пишли по своимъ мисьцямъ: копытанъ до салдатовъ, а Оксана по воду.... ійде й земли пидъ собою не чуе.... згадуе усяке слово, яке то ій копытанъ казавъ, якъ іи любить,

якъ циловавъ, якъ прыгортавъ до себе... та у сихъ думкахъ, зайшла ажъ геть-геть, зовсимъ на край села... «Охъ мыни лыхо! — ажъ крикнула Оксана оглядившысь: — «куды жъ я от-се йду? Та бачытця я жъ по воду пишла... де жъ мои видра? — Що се зо мною сталося? Де крышыця, а де я зопынылася? Чы я зъ ума зйшла, чы-що? Охъ, моя годынонько! — ажъ закрылася рученьками, якъ згадала, що вона середудня зъ копытаномъ стояла, и розговорювала и обнималася... та й стояла якъ укопана. — «Ще то добре — дума соби — що не середь вульци, а у куточку, пидъ тыномъ, на вугли, що ни-хто тамъ не побачыть... тамъ же я й видра покыдала... буде мыни, якъ хто

знайде! — Бачь, корыла Катрю, що учора зь копытаномь гралася, а теперь сама чого наробыла? — От-такъ-пакъ! — Такъ винь бо розказувавъ, що винь Катри овси не любить, що винь їи занявъ такъ, шуткы рады и що вже билшъ не буде їи заньматы, бо любить мене одну.... та якъ же крипко любить! Якъ-то божывся, що, каже, усю ничь не спыть, усе про мене дума.... Що-жь-то у вечери скаже? — Може домовытця, колы за рушныкамы прысылаты. Пожалуй, хочъ сегодня.... Тото якъ стану панею!.... ажъ духъ захвачуе видъ радости!.... И матирь одягну якъ паню и буду їи нижыты й пестоваты.... поклычу до себе своихъ подругъ, покажу имъ яке въ мене добро буде: яки

ЮПКИ, ШОВКОВИ СПИДНИЦИ, ПЛАХОТЬ ВЖЕ НЕ ПОСЫТЕМУ; СОРОЧЕЧКИ БУДУТЬ УСЕ ЗЪ ИВАНИВСЬКОГО ПОЛОТНА, СКРИЗЬ ПОВЫМЕРЕЖОВАНИ ШОВКАМИ. . . .

«Чы се не твой видра, Оксано? Я ажъ генъ тамъ знайшовъ, лежалы порожни и коромисло край нихъ.» Се обизвався до неи парубокъ Петро, ійдучы зустрічь ей.

Стоить Оксана противъ него, якъ деревьянна и не второна що винъ ій каже. Та й якъ же уторопаты? Воиа тилки що була у своихъ паньскихъ будынкахъ, видчыняла свои скрынни, показувала подругамъ свое добро, прымиряла иванивськи сорочечки шовками повымережовани. . . . а тутъ де узявсь Петро,

де узялысь видра, що треба, покынувши пацство, та йты по воду!

Стоить, мовчыть.... а дали зхаме-пулася, та такы й видбрехалася кажу-чы: — «Ось бачь, де воны! Спасыби тоби що знайшовъ. Я се пишла по воду, такъ якъ напалы жъ на мене Трохымови собаки, такъ я якъ побигла видъ ныхъ, та й сама не тямыла зъ ляку, куды забигла. А дали вже й собакъ нема, я зхаменулася, та й шукаю видерець. Ажъ ось воны де!

— Провожу жъ я тебе, Оксано! Однаково жъ мыши по-биля крыныци йты. —

«Проведить, спасыби вамъ. — Отъ и пишы.

— А що, Оксано! — ставъ казаты Петро, поспишаючы за нею, що мовъ ластивка летыть и до земли видъ радощивъ не доторкаетця: — «Чы вже ты хочъ трохы надумалася? Казала що пидешъ за мене, то не моры мене: нехай я прышлю людей, поберимося вже соби. —

Яково жъ то було Оксани се впьять слухаты? Вона тилки що слухала копытана, якъ винъ божывся запрысягався, що дуже-дуже любить и безъ неи вмре, такъ вже певно озьме ии за себе; отъ якъ не выдно людей видъ себе прышле; а тутъ Петро зъ своимы старостамы. Чы можно жъ сему статися? Ще вона не одурила! Вона бъ усе розказала Петрови, що бъ вже покынувъ

объ ній думаты, що вона вже пиде за копытана; усе бѣ ему розказала, такъ бо копытанъ не веливъ и самій матери ни слова казаты. Я, каже, самъ описля усе розкажу.» Отъ Оксана мовчала-мовчала, дали й каже: — «Вы бѣ вже покынули объ сему й думаты.»

— Ни, Оксано, не такъ я тебе полюбивъ, що бѣ выкынувъ сюю думку. Подумай ще, Оксано! — Сказавъ се Петро, та й пишовъ своею дорогою.

Тилки що Оксана зъ водою у двери маты на неи и напалася: и де вона була, и чого такъ довго ходыла, що вже у друге у пичь дровецъ накладала, а іи нема, що вже й дижа зійшла, и усе-усе ій вычытовала. Такъ не натакивську — бо напала! Попереду поставыла поты-

хеньку видра зъ водою , дали якъ кынетця до матери , якъ стане їи прыголублюваты, прыговорюваты : «не сердься жь, моя мамочко, рыбочко, перепилочко, зозулечко! Просты жь мене. Якъ пишла по воду, а тамъ подруженькы зострилыся, та й почалы мыши сміятися , що я й билоручка , якъ вы мене , мамо , зовете , та й я пишла по воду, та невмію видерь несты , коромисло не такъ держу; зовсимъ обсміялы, а тутъ Трохымови собаки якъ нападуть на мене , а я якъ побижу, якъ злякаюсь! Та вже, спасыби, Петро оборошывъ , и видра позбиравъ, що я зъ ляку покыдала , та проводивъ мене зновъ до крышыци. . . .

Мати вже й забула , що й сердьлась на неї. Вже й сама злякалась по-

чувшы про собакъ и стала кругомъ оглядаты, чы ни покусалы де, чы ни порвалы де. . . . Выпый, каже, доню, воды трошкы. . . або ляжъ на печи. . . або чы не хочъ, онде молошна каша, учорашня, звижъ трошкы, то й мышетця. . . . або пиду я до Куцайкы, нехай прыйде, та тоби переполохъ вылье. . . . та якъ же и тебе саму покынуты? Бигае, мотаетця стара Векла по хати и не зна за-що ухопытысь; трусытця, боитця думаючи, отъ що бь дытына до вечера не вмерла видь переляку! . . . А дытына якъ тая ясочка: — «Та ни, мамочко, ни ридни-сенька! мыни йничого. Я й не перелякалась; мыни николы такъ весело на души не було, якъ теперичкы. Я въ тебе, мамо, щаслыва дочка; що ты мене

такъ жалуешъ и нижыла мене зъ малу. Благословы мене, що бь я була щаслыва, шо бь... усе те збулося, чого ты мѣни хочешъ, то я тебе не покыну до вику. буду тебе покоиты, нижыты, чого душа забажа, усе тоби поставлятому...

Та такъ одна другу пестуючы, одна обь другій жалкуючы, забулы було й обь обидови. И пичь погасла и дѣжа перейшла... Насылу описля сякъ-такъ зправылыся.

Не бѣжыть наша Оксана никуды зъ дому. Не мыли й и подругы, и пѣсенькы на умъ нейдутъ и щебетаты перестала. Ухопыла рукавъ видъ сорочки, узяла голку, протягла нѣтку, та й забула узлыка завязаты, та сила край виконця и давай бы то шыты. Знай выводитьъ,

та виводить... и спиху нема; не зхватитця, моя голубочка, що узлыка нема, та й недогадетця стибаяючи, бо знай у виконце погляда, чы високо сонечко? — «Чого воно такъ тихенько котитця? — дума соби: — «Колы бь я здужала, я бь его швыдче прыволокла ажъ геть туды до лиску!... Що сегодня такый довгий день!... И кинця ему не выдно!... Вербочко густенька! розпусты свое листятячко ще густись; покрий насъ, якъ зь мылимъ зйдемося пидъ тобою розмовляты, що бь не побачивъ насъ ни хто!... Уже я у вечери спытаюсь, якъ мий мыленькый копытаныкъ дума, колы мае по мене старостивъ прысымать?...») Та й почала думаты, якъ вона выйде за него, якъ стане панею, якъ у

добри та у роскоши жытеме. . . . та се ,
то се , та се , то те. . . . Отъ днждала и
вечора. . . . Не жды мене, мамо ! Я пиду
до Домахы, та й посыжу тамъ довгень-
ко. . . . Та зъ симъ словомъ шастъ изъ
хаты. . . . двичы трычи стрыбонула. . . .
вже й пидь вербою! . . .

Копытана не було. Вона розглядила
усюды. . . . нема никого, ничь темна,
нихто не побачыть. . . . Не забаромъ би-
жыть и копытань. . . . «Чы ты тутъ,
Оксано?»

— Тутъ, край твого серденька ! —
и прыпала до него. . . . зыбралысь що бь
поговорыты, та ничого и не кажутъ,
знай цилуютця. . . . Дали вже й не иг-
рашкы! Оксана ажъ злякалася. . . .
Ничого ій робыты, треба вырыватыся,

та выпручуватись. . . . Не бере ни цилковыхъ, ни бумажокъ, плачучы каже: — «Зарижь мене по-переду, та й робы зо мною що хочъ.

Не выпросылась, а выпручалась наша Оксана и якъ муха видъ него полетела и ускочыла у хату. . . . Господы! блідна, трусытця, мовъ лихоманка іи бье. . . . «Чого ты, чого ты?» — Векла пытаетця, а Оксана и слова не промовить. . . . Дали вже якъ-то зыбралася зъ сылою, та й давай матери брехаты, буцимъ-то Домахы не застала, та ійдучы назадъ, побачыла видьму, що клубомъ котылася («такъ я—каже—такъ злякалася, що не можно!») Маты й повирыла. А чы довго матиръ, та ще й добру, довесты до того, що повирыть усему, що ій

стань розказуваты? Стара вже ни обь чимь и не дума, а боитця що бь дытына зь переляку не занедужала и стала їи на пичь покладаты, и кожухомь укрываты и водою напуваты. . . . Оксани й добре, що їи на печи маты положила, що бь не дывытыся їй у вичи, бо соромь, бо стыдъ, що тихенько видь матери почала зь копытаномь любытыся и зь нымь тихенько зыходытысь. . . . Якъ бы маты тогди до неи прыстала, вона бь усю правду, видь щырого сердца, усебь їй розказала.

Сумуючы чы вечеряла, чы не вечеряла, троха чы й брала ложку у руки звальлася на подушкы, та й стала тихенько плакаты. . . . та й дума соби: — «Такъ-такъ-то винь мене любыть?

Такъ-то винъ объ мыни жалкуе, що хотивъ посміятись надо мною? Хыба жъ я тобі не казала, що я тебе дуже-дуже люблю! Не-треба мыни ни панства, ни богатства, будь хочъ простый мужыкъ лычманъ, я тебе усе ривно любитьому! Не-треба мыни ни золота, ни перстнивъ, ни намыста; нехай сонечко на мене не свить, нехай мисяць для мене потускне, нехай зирочки видъ мене поховаютця, квиточки передо мною завьянуть, пташечкы не щебечуть, ричечка высохне, свить зминьтця. . . . мыни до сѣго усѣго нужды мало, абы бъ я бачыла тебе по усякъ часъ, дывылася у твои каріи очыци, слухала якъ ты мене зовешъ душкою Оксаною, якъ ты розказуешъ що якъ мене любишь. . . .

отъ мое й щастья, мое панство, мое царство у тимъ у воднимъ! Я жъ думала, що й ты такъ любишь свою Оксану? Ажъ, бачу, ты раднисинькый згубыты ии, свить завязаты... Богъ же зъ тобою! Сказала бь я, що писля сего, не буду я тебе любыты: ни; щыро, вирно тебе любытому до смерти моеи; бо разъ чоловикъ родытця й душу прышьме, такъ разъ и любить. Казала бь я що не хочу тебе любыты: ни; чы скаже чоловикъ, що не хоче на-свити жыты, не хоче соби здорovia, щастья? такъ и я: ты моя радисть, втѣха, щастья, увесь свить... якъ же мыни тебе перестаты любыты? — А що правда, що не хочу до тебе выходыты, не хочу говорыты зъ тобою... и такы не пиду,

не піду й не піду; и не выйду до тебе, хочь ты мѣни Богъ зна що робы, дай; слова тобі не скажу, покы не поберешь за мене рушныкивъ по закону...» Та зь симъ словомъ устала, вдарила тры поклоны, та впять и лягла, вже зь думкою спокійнищою.

Уранци пораетця зь матирью, ажъ ось изь волости десятныкъ рышъ у хату. — Помольвшысь Богу, сказавшы: «Дай Боже вамъ день добрый! Нехай вамъ Богъ помага» — Дали й каже: — «Звилтесе, тѣтушка, до себе постій прыняты.»

— Якый тамъ постій? — ажъ зкрыкнула Векла: — Черезъ вѣщо сѣ? Сказала жь громада, якъ я просыла, що бь у самихъ жинокъ, де чоловіка нема,

що бь тамь никого не ставыты? — Я жь ще плачу постојалне у помичь биднимь. Хто жь сѣ зь вась выдумавь? Який тамь постій.

«Я Уласивно, не знаю, тилки пославь Голова, нехай, каже, прыньмае до себе копытана. Бачь, твоя хата, каже, крашча, чимь де винь стоить.»

Подумала Векла, подумала й каже: «Що жь мыни зь тобою говорыты, ты посланный. Я сама пиду до Головы и розскажу усе.»

— Дóбре, тѣтушка; ходить Голова у волости.

Швыденько зыбралася Векла, узяла палянычку, звычайно якь передь Голову йнты, и каже Оксани: — «Сыды жь,

дочко, не ходы зъ хаты, та запры синны, покы я прыйду. Я заразъ вернуся.» —
И пишла зъ десятныкомъ.

Оксана покачала-покачала головою, здыхнула, утерла слизку... позасовувала усюды двери.

Векла прышедшы до Головы, поклася, и стала розпытуваты зъ чого сэ узялося, що до неи постій становлять, та ще й копытана?

— Эге! — казавъ Голова повагомъ:— Мы бь тебе, Уласивно Векло, и не зачиплялы, такъ бо сёгодня прыходывъ самъ копытанъ и требувавъ, що бь ёму дали квартиру въ тебе. Мы такы — правди — и казалы ему, що не можно по такій и такій прычыни, та якъ грымне на насъ, якъ затупотыть нога-

мы — «давай — кричать не своимъ голосомъ: — «давай мыши сей часъ! Справныкъ васъ усихъ мыни у команду виддавъ. Той часъ пошлы очыщать кватырю. Я заразъ самъ туды переберусь. Мы, Уласивно, такъ зъ пысаремъ перелякалысь, що не знали на яку и ступыты, та от-то и послалы до тебе.»

— Гай, гай! — стала казаты Векла: — вы жъ въ насъ Голова, вы жъ намъ, безпóмошнымъ, защыта! Якъ же се можно? Въ мене однимъ одна дочка, якъ тая порошына у воци! У неи однимъ одна честь наше богатство, наше здоровья, наше усе! Погубымо его, куды мы на свити годытемьмося? Чы можно сино зъ огнемъ до купы зкладаты? Хочь я дуже добре свою дочку знаю и не

сподиваюсь видѣ неи ничего не доброго, такъ люды жѣ! такъ языкы жѣ! Такого набрешуть; такого наплетуть, що хочѣ зѣ свита втикай! Лучче мыни руку утѣть, лучче мыни очей ришытыся, чимъ выддаты славу моеи дочечкы на поругательство! — Брехатемуть люде, звисно брехатемуть, бо не буде тамъ правды ничогисинько, та усе жѣ не добре и видѣ однои славы. — Не давайте, пане Голова, насъ у абеду....

— Потурай, Уласивно! — Мы отсе усе казалы ему, такъ ничо́го й не слуха. —

«Добрежѣ — подумавшы сказала Векла: пидите жѣ до него и скажыть ему, нехай трошкы згодыть, покы я зѣ дочкою выберемося до сусидѣ.»

— От-такъ бы й давно. — Сказавъ Голова ійдучы зъ хаты. — Вже звисно, що протывъ копытана не можно спорыть. —

Отъ вернувсь голова, и каже, що ажъ засумовавъ копытанъ, якъ почувъ, що ты, Уласивно, хочешъ выбиратысь у сусиды и каже: Чы не можно іи какъ небудь зопыныть? А я кажу: — Ни жодною мірою не можно; баба дуже завята. — «Такъ чортъ зъ нею! — Не прогнивайтесь, Уласивно, що винъ такъ сказавъ: — не на́даты и ей и хватыри іи. Такъ я узявъ, та й пишовъ.

Смихнулася Векла и пишла ради-синька до дому, що видвоювалась видъ копытана, а дали ійдучы й засумовала,

що чы не пидбираетця копытанъ до іи дочки? И стала прымичаты.

Що жъ вона прымитыть? За копытаномъ бы й такъ, звисно молодецьке дило; такъ бо моя Оксана — такъ дума соби — дарма́ що й шутлыва, и жартлыва, та вона не загубыть себе, вона зна що́ е грихъ и погыбель; вона не напустыть на себе славы.

Та й правда жъ бо. Перестала Оксана жартуваты и до подругъ бигаты; усе сыдыть дома, то шье, то пряде. По переду сыдила зъ роботою пидъ виконцемъ, та якъ забачыла, що копытанъ почавъ, що у Бога день, мымо викна ходыты, та шапочку знявшы, поклонятыся, колы вона гляне на него; вона се бачучы не разъ и не два, стала казаты ма-

тери: — «Сыдидить, мамо, вы била викна. Вы стареньки, не дуже бачыте, а мыни усюды выдко.

— От-такъ-пакъ! — каже маты: — Чы годытця жъ мыни на старосты сыдидиты у викна, та усимъ показуваты свою старисть? Ты молодъ чоловікъ, ты дивка; тоби подоба у виконця сыдидиты; іѣтыме добрый чоловікъ, побачыть, полюбыть, буде зальщатысь за тебе. —

«И вже, мамо, сего не кажить.» Сказала Оксана, та ѣ пересила до полу. Маты втишаецця, що дочка не пиддаецця ни на яке дурачество и знаѣ копырсá слипуючы, то очипкы, то рушныкы на прыдане дочки, а того ѣ не бачыть, якъ та, роблючы, знаѣ слизонькамы вмываецця! Вона добре розыбрала,

зъ якою думкою копытанъ збирався до ныхъ на кватырю!... Се жъ вишь мене любить?.... прыговорювала соби лежучы на подушци, що хочъ вѣкруты видѣ слизочокъ їи....

Не поживывився нашъ копытанъ кватырою. Не забаремъ — рышь у хату до Веклы старосты; одынь — такы — сусидъ їи, а дрúгый, пидтакачка салдатъ. Почалы говорыты законни речи; Векла слуха, а Оксана зъ кимнаты и не показуетця, прыслушаетця, щó зъ того буде. Якъ договорылы до кинця, такъ за кого жъ сѣ воны прыйшлы свататы? — Эге!.... за копытанового денщыка!.... «Виддай — кажуть старосты — паниматко! Дочци твоїй добре буде и у хóроши походить и у добри поживеть»

и се й те ій прыставлялы. . . . Сердешна Оксана такъ и вдарылась у груди, та впала въ подушкы, що бь маты не почувла іи голосинья, що такъ и рыда! А стара Векла выслухавшы ихъ, та ще пидь веселый часъ, не стала имъ выговорюваты, бо дуже добре розыбрала, до чого воно е, та дывытця на нихъ веселенько и каже: — А що? Чы не зь брехунивкы вы, люде добри?»

— Що бь то якъ? — зпытався першый староста.

«Та такъ каже маты. — Я бачу що воно е. Нема у вашому дили ни словечка правды. Бачу, для чо́го воно робытця. Такъ слухайте, люде добри! Е на неби Богъ мылосердный! Винъ не повелива гнушатыся надъ сырѣтствомъ! Тяж-

кый грихъ зобиждаты и усякого чоло-
вика, не то що сыроту. Якъ сонце на
неби, такъ у усякого чоловика слава.
Лыхо тому, хто загубыть іи; лучче то-
гди на свѣти не жыты. Що жъ за чо-
ловикъ, що пидкопуетця пидъ чужу
славу, та ще пидъ дивѳчу, пидъ сы-
рѣтску. Не хочу я ни золота ни сриб-
ла, колы за него погубыты славу моеи
дочечкы, моеи утробы, моего нарожде-
ныя! Лучче я маю, своимы рукамы
навѣязаты ій каминь на шыю, та уто-
пыты у ричци, чимъ виддаты на со-
гришенье, на поругательство! Госпо-
ды мылостывый! Чимъ я тебе прогни-
вила, що чую таке мыни посміянье? . . .
Туть ажъ сплакнула; дали й каже: —
«Ійдить, люде добри, туды, видкиля

прыйшли и до то́го видъ ко́го прысла-
ни. Грихъ, стыдъ, соромъ тому копыта-
нови! Винъ благородный, винъ пись-
менный, винъ зна за що грихъ и чо́го
не можно робыты... другихъ бы нав-
чавъ, а не такъ робыты...»

Отъ у таки сльвкы ускóчылы на-
ши старосты! Піймалы óблызня; не
знаю! — Поточылыся зъ хаты не озы-
раючысь. Кажуть, якъ розказалы копы-
танови, що имъ було у Веклы, такъ,
кажуть, ажъ зубамы заскреготáвъ.

Оксано, Оксано! де твои шуткы та
жарты? де твои танци та скокы? де
твои игры та щебетанья?.... Усе мы-
нулося!.... Гай, гай! Тажъ дивка, та
вже не та! Нигде іи у беседи не вѣдко,
у розговорахъ не чуте. Сыдыть усе дома

та дома, ни словечка не промовыть, ни пары зъ усть не пустыть! Держыть у рукахъ або рукавъ видъ сорочки, а гóлочка застромлена спочыва. . . . або хочъ за гребнемъ, то веретено доли лежыть и мычка на гребни цилисишька. Руки зпустыть, голову похылыть, дывытця—иничого не бачыть; а часомъ слизочки тилки капъ капъ! — Була червопа якъ макъ, теперь що день усе блидниша, усе блидниша. Щокы булы повненьки, теперычкы позападалы. Очыци, що гралы якъ зирочки, теперь прытухлы и мовъ чимъ заволочени, що, мовъ, и не бачуть ничо́го. Хочъ цилый день зъ матирью сыдитеме, то колы та до дочкы не заговорыть, то не почуешъ видъ ни ни пив-словечка. Колы що маты испы-

тае — «Не знаю, мамо!» — одинъ у неї одвить. А часомъ и такъ буває, що маты пытае про ложкы, а вона їй каже про теля...

«Що зъ тобою, моя доненько, сталося? Чы въ тебе що болыть? пытае маты.

— Не знаю, мамо! Бачытця ничо́го. —

«Чы журышся обь чимъ?

— Ни, мамо! —

«Такъ бо я знаю що ты журышся и знаю обь чимъ. Ты обь тимъ сокрушаешся, що копытанъ думавъ про насъ, що мы пустымося на грихъ и що я продамъ твою славу, а черезъ неї и мою душу? — Бо-дай винъ сёго не диждавъ! И бо-дай ёму такъ тяжко и важ-

ко було, якъ моему сердцю, бачучы, що мое мьлее дытя, моя порошына у воци, мій квиточокъ завьядае, сохне якъ былыночка. . . . Та й прыгёрне іи до сердця. . . . и плачуть укупі.

Після такого пестованья, та бачучы матерыны слёзы, тужь-тужь Оксана не признаетця, що се вона плаче, сумуе и вбываетця обь тимъ, що любывшы дуже крпко копытана, чула видь него и винь ій заприсягався, що любить и іи видь щырого сердця и що не покыне іи до вику, и що вона ему и краще и мьлише усихъ. . . . та й чы мало чого винь ій не наговорывъ! . . . Та після-сего, що задумавъ? Якъ вона видь него пидь вербою насылу вырвалась; якъ винь хотивъ у ныхъ на кватери статы,

що бь швыдче згубыты їи славу; якъ хотивь узаты за свого денщыка, що бь описля орудоваты ею якъ бы захотивь.... та збираючысь обь симь пожалитысь, стыда рады не зможе вымовыты ни словечка, та тилки що зплакне, та впьять за свою думку, що якъ-то копытань звивь їи.

Якъ не выдко було на вульци и нигде Оксаны, то подругы їи часомь було прыходють до неи або шыты, або прясты, що бь розважыты їи то писенькамы, то усякимы розсказамы, такъ усе ничо́го! И дывытця и слуха, та й невсмихнетця якъ тїи регочутця. Бидна Векла, глядючи на неи, журытця, накупыть їй и горішкывь, и медянычкывь, и тарани, и гороху їй спряже.... по-

куштуе, бачыць што други дивчата идяць, а вона й байдуже!.... Не хочу, мамо; у душу мыни ни що не ійде».... та худа соби на лыхо, що зовсимъ тилки што не звáлытця. Безъ знахурокъ, та безъ ворожокъ не обійшлося: выльвалы переполохъ, вмывалы видъ урокивъ, шепталы видъ очей и што не робылы, усе ничо́го, та й ничо́го....

Опричь дивчатъ, прыходылы провидуваты Оксану и жинкы́ й молодыци, бо Оксану уси селомъ любылы. Промежь ными була Мелашка, молодыця проворна; не було того весилья, дебъ вона не була свашкою, на масныци волочыты колодку, вона перша прыводныця, видколядують дивчата, вона зыбрала свй ватажокъ молодыць, пишла по пе-

редъ усихъ; зпароваты парубка зъ дивчыною, їи подавай: вона зведé. Отъ якъ стала вона ходыты до Оксаны, якъ стала зъ нею шупу-шупу, ажъ-гулькь! — наша Оксана стала потрошку виддыхаты. Вже й борщыку поить, капусткы зъ свыною забажа, и вже часомъ и всмихнетця, якъ чому́. Дали та дали, вже й каже: «пиду я, мамо, прохожуся; або на вдвирьи посы́жу, або до Мелашкы схожу.»

Маты радисинька, ще сама їи выпровожа. И що пиде Оксана до мелашкы, то вернетця усе веселенька, усе нибы здоровиша, дали мынулося усе лыхо, стала наша Оксана и здорова, и повновыда, и румьяна якъ була: и наряжаетця и чепурытця що дня, и впять узя-

ла свою натуру, и щебече, й смієтця, и выгадує, и регочетця, и до матери ластытця, ще троха не веселищъ стала чимъ по-переду була.

Що жъ то ій такъ Мелашка почыныла? Ма-буть ворожыла надъ нею, або що не будь такé зробыла, що якъ зъ воды вытягла нашу Оксану? Эге! Вона добре поворожыла; вона пидлизла до Оксаны, та й стала ій розказуваты, якъ то копытанъ іи любыть, якъ вбываетця за нею, чуючы, що вона недужа, и що й самъ, хочъ вмираты, що не бачыть іи.

«Такъ же то й люблять, якъ винъ.»
Стала скризь слезы казаты Оксана, а самій ажъ повеселишало трохи, що é кому свое горе розказаты и про копы-

тана поговорыты. — «Якъ бы любывъ справди, такъ винъ бы не хотивъ мене погубыты, винъ бы не топывъ моеи славы! Тутъ и розказала усе, до чого копытанъ мавъ їи пидвесты; а сама такъ и зальиваетця слизьмы.

Мелашка тутъ и пустылась зъ своимы лясамы! Тилки їй того й треба було, що бь Оксана стала жалитця на копытана. . . . тутъ вже вона и почала, и почала. . . . вже така щебетуха невыбреше, якъ кого захоче! И почала шепчучы казаты, якъ и самъ копытанъ теперъ жалкуе, що такъ робывъ, що вже теперъ не буде и що вже въ него вже й думкы такой нема; що колыбъ тилки ему побачытысь зъ Оксаною, то винъ їй розскаже, що дума робыты. . . .

«Що ему зо мною робыты? — Сказала Оксана. — Покынуты мене бидну; нехай пропадаю!.... Не слухаты було его по переду, непризнаватись що и я полюбыла его.... А теперь що? Винь мене не озьме, а на безчестья я не пиду, хочь нехай мене й пече й риже.»

— Та тилки послухай его, що винь скаже. — Усе свое товкла Мелашка и що день усе обь симь товковала.

Першь Оксана и руками й ногами: — не хочу й не хочу. Я бачу що я швыдко вмру; за для чогожь винь мыни? Нехай здоровъ живе, та другихъ пиддурюе.» — Дали, слухаючы Мелашкы, стала вже казаты: «Не хочу его бачыты, бо й мыни жалко.» — Дали каже: «Я бь и пишла, а якъ же винь

вп'ять прыйметця за свое?» — Тутъ же, якъ забожылася и запрысяглася Мелашка, що винъ и не дума ни чимъ досаждаты, а тилки хочъ бы побачытысь хочъ на часынку, то Оксана й сказала: «пиду, колы маты пустыть.» Отъ и пішла.

Не зъ биса жъ лукавый и копытанъ! — Ажъ заплакавъ, якъ вздривъ Оксану и тилки що голубивъ іи, та крипко пылно просывъ, що бъ вона ни объ чимъ не журылася, одужувалабъ швыдче и що винъ мае, таке гарне щось сказаты, що ихъ щастья усихъ буде.

Оксана, якъ дуже крипко любила копытана, то й повирыла ему и бачычысь зъ нымъ частисинько, не думала

про него, що бь винь ійшовь на погыбель іи. Знай прыходыть до Мелашкы, що въ Бога день, бачытця зь копытаномь; а дали винь іи довивь до того, що, чимь до Мелашкы ходыты далеко, стали вони жодень вечорь зыходытысь пидь вербою, биля Веклыной хаты.

Ма-буть що пидглядивь Петро про си ихь сходьбыща, а вже не чувь ни видь кого, бо нихто іи николы не бачывь пидь вербою, якь вони зыходылысь. Хыба, може, тилки Петро, якь небудь пидуздывь ихь, бо пылно следывь за Оксаною и колы й бачывь, то вже никому ни словечка не сказавь, бо бувь парень чесный, душу добру мавь и беригся що бь кого заняты, або словомь осудыты. Якь-то тамь було, мы

не знаемо, а тилки разъ надъ вечиръ, прыйшовъ винъ до Веклы, впяять за тимъ же словомъ.

«Якъ дочка хоче — видвить дала Векла: — такъ нехай и буде. Якъ бы по мыни, такъ я бь ии сегодня виддала. Та я не така маты, сыловаты не буду. Кажы, доню, якъ знаешь.»

Думала Оксана, думала; щыпала той рукавъ у сорочки давненько, ажъ ниткы повыдергувала и черезъ сылу намирылась сказаты: — «Семеновичу! Бачу я, що вы мене дуже любите... дякую вамъ за те, що вы маєте мене щасливою зробыты... ни зь кимъ не буде мыни такого щастья, якъ зь вами... та подождить ще...» — Дали зглянула на Бога, перехрестылась и каже: — Отъ

вамъ хрестъ святый! Колы до Покровы... не вмру, або що не будь... тогди, мамо, якъ знаете, такъ и робить.»

Здвыгнувъ Петро плечыма, покывавъ головою, та сказавшы: «Глядитъ, що бь тогди вже не пизно було!» — Махнувъ рукою, та й пишовъ зь хаты.

«Що се за ричь така? — думавшы довго Векла и дывлячысь на дочку, зпытала ии.

— А хто его зна, мамо що се винь сказавъ. Може що не будь до себе: або у дорогу пиде; або другу дивку знайде, такъ мы що бь не жалковалы... —

«Оксано, Оксано! гляды!...»

Вже Оксана и на шыи у матери, вже й обняла и выциловуе ии. «Чы можно, що бь твоя Оксана, та довела тебе

хочь слезынку обь своій доли зпустыты? Я тебе радоватему, я щастья и тоби прынесу. . . . Николы не заплачешь черезь мене, не здыхнешь обь мыни. . . . бо й мыни лучче от-туть заразь передь тобою на симь столи лягты, чимь погубыты себе, та не тилки погубыты, и славу пустыты на себе.» — Та се сказавшы, стрыбь-стрыбь зь хаты до копытана що вже дожыдавъ їи пидь вербою.

«Що жь, мій орлыку! що зь сего нашого жєныханья буде? — До мене Петро прыстае, маты швыдко прысылуе; а дивчата чулы видь салдатовь, що вы швыдко пидете видь насъ у походь. . . .) Такь казала Оксана сыдючы у копытана на колынкахъ, обнявшы его одною

рукою, а другу винъ державъ. — «Колы ты пидешъ, а мене тутъ покынешъ... почуешъ... про мене...»

— А отъ що буде: — сказавъ копытанъ. — Мы збираемося у походъ, я зъ тобою звинчаюсь и тебе озьму съ собою.

И стали вони любытысь, и скилки разъ ни зыходылысь, у перше ще копытанъ сказавъ, що озьме ѝи за себе.

Що жъ Оксана? Рукамы зплеснула, затрусылася уся... и ледве промовыла: «И сему жъ правда?.... Скажы жъ мыни, якъ передъ Богомъ!»

— Якъ передъ Богомъ кажу тобі, моя Оксаночко, що такъ воно е. Я давно узявъ бы тебе, та бумага на наше вѣнчанья не прыйшла ще зъ полку.

Я думавъ, якъ вона прыйде, не кажучы
ничого, узяты тебе за руку, та й пове-
сты до церкви....

«Такъ я жъ матери объ симъ ска-
жу....»

— Ни, моя Оксаночко, ще не часъ
ій объ симъ казаты. Я думаю ось якъ.
Ни словечка ій не кажучы, мы звинчае-
мося и прыйдемо но матери, и прыне-
семо ій и шовковихъ плативъ, и плат-
кивъ, и хустокъ, и золотихъ очипкивъ,
и усего що звичайно для паней, бо й
вона стане панею, якъ буде копытанська
теща. А що тебе вже выряжу, такъ...—

«Мыни ничого не треба — кынув-
шысь ему на шыю стала его выци-
ловуваты, та прыговорюваты: — тилки
бъ мыни у сіи чорніи оченькы дывы-

тыся та ихъ цюловаты, и сїи щочечки, и сїи губочки....

Такъ довго женихавшысь и порадывшысь зовсимъ, що бѣ у неділю имѣ випчатись, и тогда вже матери объявты, розійшлысь соби. Оксана бижыть до дому и земли пидъ собою не чуе.... Копытанъ, котрого вона такъ любыть, озьме їи, вона буде панею, маты буде у роскоши, у богатви жыты.... Чы є така щаслыва якъ я? — думает Оксана убигшы у хату.... и досадно їй, що маты вже лягла спаты, якъ се їй частенько бувало, що не диждетця дочкы, та їй ляже; а теперь Оксани досадно, що никого їй пестоваты, та нижыты; бо сама себе не тямыть зъ радости.

Недильенька не далéко, треба-бъ Оксани збиратысь за-мижъ. та чого їй збиратыся? Хочъ одежа, хочъ сорочкы, вже їй сего не треба, вже въ неи усе панське буде... и рушныкы жъ, и подаркы, въ шыхъ усé не по нашому... такъ дума наша сердешна Оксана и ни объ чимъ не дума, колыбъ тилки швыдче недильенька прыйшла.

У суботоньку у вечери, тилки зійщлысь пидъ вербою, копытанъ и каже Оксани: — «Знаешъ що душко? Завтра у ранци мы їдемо у походъ...»

— А якъ-же се? — ажъ зкрыкнула Оксана злякавшысь.

«Але! не бійся ничóго. Моя бумага у полковныка. Я завтра видведу сада-

тивъ до нѣго, озьму бумагу, та й явлюсь тутъ и къ вечеру. Гляды, дожыдай мене, незаходя дѣ далеко. И матери ни пивсловечка не кажы.... Що за гарну спидныцю я ій зправывъ! люстрынову; и юпку парчеву.... Що вже на усю губу пани буде!....»

Вже колы Оксана чула, що матери іи буде гараздъ, тутъ вже вона ни объчимъ билшъ не думала и хочъ що ій скажы, усе зробыть и увсимъ послуха. Тутъ стала зпомынаты, якъ маты здывуетця, якъ зрадуетця.... Колыбъ у нашій церкви винчатысь, що бь и дивчата подывылысь, якъ я панею наряжуся!....»

Чого то вже тутъ копытанъ не брехавъ? Чого не выгáдувавъ, що бь тилки одурыты нашу Оксану! А вона, сердеш-

на, якъ рыбонька на удочку, такъ сама й кыдаецця и чипляецця...!

Хочъ тилки и до завтрёго розхóдылысь воны, та Оксани щось дуже на сердци жалко було!... Усе бь вона плакала и сама не зна чого!.... Та се, мабуть, видь того, що я за-мижъ ійду? що маю покынуты и свое село, и свою хату, и скрыню?.... Не хай хто хоче забира: я вже панею буду, пиду у походь.... Яково-то ще мыни на панстви буде?.... Та й зплакнула.

Ранкомъ у недилю проводылы салдатовъ зь села якъ довгъ вельть. Копытанъ верхы, кланявся и прощався зь старыкамы и туды поклонывся, де жинкы и дивчата стоялы и Оксана зь нымы; поклонывся, та й покрывся конемъ,

ажъ скилки выдно! Тутъ чогось пидійшовъ Петро до тїи купы, де Оксана стояла, та розговорюючы зъ подругамы, реготалась. . . . Петро подывивсь на неи, здвыгнувъ плечыма, та й пишовъ соби.

«От-такъ-ты, мамо, зроби, якъ наша Явдоха Горшковóзивна! сказала веселенько Оксана, вернувшись до матери.

— А що тамъ таке вона зробила?—
пытала маты крѣпшачы локшыну.

«Помандровала за салдатамы.»

— Го? —

«Далеби. Та ще середу-дня. Уси бачылы, а вона у вобози ховаецця. Демко ій сміався, такъ ще й языкъ ему высолопыла.»

— Що жъ маты?

«Голосыть не що.»

— И не вмерла видь тугы, та видь сорому людського? —

«Ажъ жалко на неи дывытысь, якъ то плаче. Зосталася на старосты якъ персть! У! якъ бы я піймала от-ту бузвирку, я бь ій голову видтяла, що бь не кыдала матери, та не робыла стыда на усе село.»

Такъ имь сее чудно було, що увесденычкы усе говорылы обь Явдоси и обь іи бидній матери. Оксана никуды зь хаты не выходыть, хочь маты и посылла іи до подругь. — «Не хочу, мамо. Мыни и зь тобою весело.» Тилки сонечко повернуло вже вона й выгляда копытана, а его нема. Уже й надь вечирь, нема. Сонечко зайшло, копытана нема,

Оксана у слезы.... «Що жъ? — каже— хочъ и обманувъ, та не посміявся.... Колы не вмру зъ журбы, то зможу забуты его. На соби усе лыхо перетерплю, а вже никому, никому не скажу.»

Такъ сыдыть на завальни и свитомъ нудыть, а вже й смеркло. Якъ ось копытанъ, хапъ їи за руку.... Пойдемъ, Оксано, винчатысь.»

У Оксаны такъ сердце й захолоноуло.... «Пиду жъ я.... до матери.» каже.

«Не можно, Оксано. Описля прыйдемо.

— А благословытысь? —

«Вона описля насъ поблагословыть. Ходимъ, душко, швыдче, пипъ дожыда.»

Не пишла Оксана, а винъ їи по-
вивъ. . . .

«Куды жъ вы ійдете? Ад-же онде
цёрква, а се вже зъ села. . . .»

— Не можно, душко; я полковый,
такъ треба що бь насъ винчавъ полко-
вый пипъ. . . .

«Такъ дѣ се?»

— Генъ у тимъ сели, де полкъ но-
чуе, пьятнадцять верстовъ видсиля. —

«Такъ що жъ от-се? вже не
ійде, а копытанъ тащыть їи; и въ неи
и руки й ноги одубилы!

— От-то що треба швыдче поспи-
шаты. И пипъ дожыда, и госьци на ве-
силья зыбралыся. . . . Скоришь ійды,
ось-де й брычка моя. Поидемо. —

«А маты? Охъ , вернуса я , та скажу»

— Та куды ты будешъ вертатысь? Вона вже далеко , а ось де й брычка. Швыденько сидай , мы заразъ до неї вернемося

«А не обманюешъ ты мене?»

Туть копытанъ и почавъ божытыся й заприсягатыся , що усему правда , и що тилки полковый пипъ ихъ звинча , такъ и вернутця до матери и озьмутъ іи зъ собою Та сее кажучы , зовсимъ нечувственну Оксану упхнувъ у брычку , сивъ самъ , крыкнувъ : «Пашоль!» и помчалысь кони якъ стрила!

Оксана на взрыдъ плаче , а копытанъ іи уговорюе и усе ій прыставля ,

якъ от-отъ прыидуть, звинчаютця и вернутця до матери....

Не забаремъ и добиглы. Копытанъ увивъ Оксану у свою кватырю, ни жыву, ни мертву.... такъ и впала на постиль, та слизьмы облываецця!....

Копытанъ заразъ и крькнувъ : — «Горбуновъ! Бижы, скажы батюшци, щобъ йшовъ винчатъ скорише.»

— Слушаю, ваше благородые! — крькнувъ салдаты, и побигъ.

«Дайте намъ чаю. — Гукнувъ Копытанъ — «Напыйсь, душко, чаю; ты зовсимъ зомлила, впадешъ пидъ винцемъ.»

— Я его зъ роду не пыла и не хочу. Видвезить мене до матери. —

«Треба выпыты хочь трошкы, пры-
выкай. Теперь будешь панею, треба
усякый день пыты. На, хочь ложечку,
колы любышь мене.

Ничого Оксани робыть, узяла ло-
жечку, солодке, горло промочыла, що
дуже запеклось у неи... «На, ще ло-
жечку!» — ще ложечку прыняла. —
«Хлысны зь чашкы хочь трошкы.»
хлыснула, и у друге, и у третье, и у
пяте... и выпыла усю чашку.

Трошкы полежавшы, пиднялась,
вже й веселенька; не видмагаецця видь
другой... очыци посоловилы... заще-
бетала наша Оксана! Знай росказуе, якъ
вона нарядытця пидь винець, якъ пры-
иде до матери, якъ та здывуетця, зра-
дуетця... а туть сама третю чашку

сама узяла и выпывшы, вже сідыть у копытана на колинкахъ и сама соби весильныхъ писенёкъ прыспивуе, дали щось забормотала и голову похылыла...

Напылась Оксана панського чаю!
Будешъ, сердешна тямыты и по викъ
оскомы не збудешъ!
.
.

«Пропала я теперь на свити!....
крыкнула сердешна Оксана якъ, про-
кынулась у ранци, дывлячысь дѣ вона
и що зъ нею сталося.... Господы мы-
лостывый!.... стоить и на мисьци не
устоить, блидна якъ смерть, трусытця
усимъ тиломъ, якъ зчепыла руки, такъ
воны въ неи и закостенилы; розплетени
косы повыслы по плечамъ, очи й ды-

влятця, та не бачуть, що тутъ лежыть копытанъ погубытель іи и спыть не чувствуе що винъ наробывъ!...

Прокынувся винъ скоро и бачучы таку Оксану, що зовсимъ якъ смерть, кынувся до неї, що бь уговорюваты іи; зхопывъ іи за руки, рукъ не розведе; посадывъ іи на постиль, вона й сила... хылытця... хылытця, и впала зъ постели до долу... и не жыва зовсимъ.

То водою видлылы, то натыралы ій выскы, то уксусу давалы нюхаты, сякъ-такъ зивнула Сердешна... звела очыци до Бога... и ледве-ледве промовыла:—«Зарижте... мене... зовсимъ...» Тутъ копытанъ кынувся до неї, ставъ іи розважаты, ставъ прохаты, ставъ умоляты, що бь не вбывалася такъ,

що бѣ не журылася, що се ничого, що
отъ же прыньмутъ законъ, звинчаютця
и усе винъ покрые, якъ довгъ вельтъ...

Оксана хочъ и дыше сыдючи на
лижку, куды посадылы їи, и не бачытъ
якъ винъ коло неи вбываетця и що
винъ їй говорытъ; зырнула очыщямы....
«Мамочко!.... де ты?....» промовыла....
та якъ зарыда!....

Горбуновъ, денщыкъ, и той ставъ
плакаты, дывлячысь на неи.

А копытанъ усе вѣтця коло неи,
та просытъ що бѣ не журылася, що се
ничого, та щобъ убиралась швыдче,
що вже пора ихаты....

Не слухаючи его ничого; такъ сер-
дешна и повалылась ему у ногы. Охва-
тыла ихъ рукамы, цилуе, облыва слизь-

мы гиркимы, не зъ очей вже, а видъ
самаго сердца, и стала его молиты: —
«Копытаночку мій! Ваше благородые!
Не знаю якъ васъ ще вышче возвели-
чаты? Будьте мыни братикомъ, ще пуш-
че: батенькомъ риднымъ!... Послухайте
мене, бидную, погыбшую зовсимъ...
озьмите нижъ, вырижте моею рукою
сердце мое, рижте мою душу, заколеть
мене!... Я недостойна жыты на свити
Божому; мыни не можно буты зъ людь-
мы!... Я вбыла матинку мою ридне-
сеньку! Що вона теперь безъ мене?...
Вона не пережыве такого сорому!... Я
згубыла свою славу... Я запропастыла
душу свою!... Рижьте, колить мене не
боячысь гриха... Я й сей грихъ озь-
му на свою душу... На що мыни

жызню безъ славы, зъ безчестыямъ!
Колы жъ, мій копытаныку, прямо у
сердце! Не бійтєсь гриха. . . . вы вже ме-
не гиршъ вбылы, вы погубылы мене
на выкы вишніи; вы, шутячы, смію-
чысь, виднялы въ мене що було у мене
дорогшого, святышого. . . . дорижте мене;
се вже вамъ буде за-мисць играшкы! . . .
Я погыбшая на симъ свити! Якъ
згадаю про матиночку мою, жыва бъ у
землю пишла. . . Матинко моя, риднень-
кая! Що я тобі наробыла! Чы
се жъ твоя Оксана? Чы се жъ ра-
дисть твоя?

Тяжко жалибно прыговорювала Ок-
сана, а сама першъ плакала-плакала,
ажъ слизьмы пидплыла. . . . волосья на

собѣ рве, у груды бьетця, а дали впьять зомлила й покотылась....

Салдаты убигъ до копытана и крыкнувъ: — «Пожалуйте ваше благородые; усе готово, васъ ждуть.»

Копытань обтершы слезы, бо й самъ, хочъ и запекла душа, а заплакнубъ такы трохы, ухватывъ безчутвенну Оксану, завернубъ у салдацьку шынелю и вынись ии на рукахъ и уложывъ у брычку.... Поихалы далшь!

Ни жыва, ни мертва лежить наша Оксана у брычци; очувуетця, трохы, бачыть, везуть ии, денщыкъ быля неи... Згляне до Бога.... «Господы мылосердный!.... Чы се я? И от-се зо мною зробылося? Матиночко моя! Не прокль-

най же тієї, що була твоєю доненькою. . . .)»

Сталы на кватерю на другу ничь. Оксана злягла зовсимь. Ни исты, ни питы ничого не хоче, и не згадуй ій.

«Чы не хочь душко, чаю?» Зпытавь копытань, хлебчучы его зь люлькою.

— Будь проклять винь видь мене! Ажь крыкнула, затрусывшысь Оксана:— то не напытокъ, то пекелный вогонь. . . И якъ заговкла — заговкла, и вже що копытань ни говорывь до ней, якъ то вже не розважавь іи, такъ ни якого одвиту не дала, а усе здыхала тяжко, а часомъ и перехрыстытця. . . Ма-буть що не-будь замышляла.

Якъ ось у ночи, прычуваецця Оксана, уси добре сплять... вона тыхесенько устала, чы обулася, чы ни, чы вдягла що, чы не вдягла, та тыхою ступою ійде... ійде... ажъ духъ прытаила... ійде... та до дверей... рыпъ! и выишла. Тутъ ій вже легше стало дыхаты и вже смилишъ пишла до дверей надвирныхъ... Налапала поночи засувъ и що то вже довго его двыгала, потыхесеньку, та по малесеньку, що бѣ не стукнуты, та не розбудыты деншыкывъ, що у хаты сплять. И двыга засувъ и боитця, и уся трусытця, и дума соби, якъ-то якъ выскочыть на двиръ, якъ побижыть куды очи, зховаецця де не-будъ покы свить стане, а тамъ пиде прямисинько до матери... Видсунула....

и двери тихенько видчынajúтця, спасы-
би й не рыплять.... Отъ и зовсимъ
видчыныла.... «Хто ійде?» крикнувъ
часовый, що тутъ била двери стоявъ...
Оксана такъ и змертвила! — Престра-
шенный салдаты, зъ предовгымъ оруж-
жомъ, якъ зхопыть Оксану за руку, якъ
потаска́ ии у хату, та видчышышы две-
ри, такъ и впхнувъ ии, крикнувшы: —
«Вы спытэ, а дэвка ваша уйшла було...»
Тутъ денщыкы прокынулысь, пиднялы
Оксану, що впала було, якъ ии салдаты
пхнувъ. А тутъ и копытаны прокынувся
и ставъ выговорюваты Оксани, за чимъ
вона дума втикаты? Сего вже не можно
й подуматы.

Уранцы не поихалы ни-куды, тре-
ба було салдатамъ перестояты. Отъ и

прыйшовъ ахвыцеръ до копытана ; розглядавъ Оксану и ставъ ему завыдоваты, що таку красыву дивку добувъ соби. Дали, буцимъ то й добрый, и каже, що ходывъ, каже, винъ до попа, що бь Оксану зь копытаномъ винчать, такъ зовсимъ бы дило, заразъ бы повинчалы, такъ нема видъ ии матери бамагы, а безъ того не можно винчаты. Послалы, каже, яко мога швыдче, що бь поспила бумага, колы не сегодня, такъ завтра чуть свить.

Оксана сыдыть похылывшы голову и ничого имъ не каже.

Дали той ахвыцеръ и ставъ казаты, що копытанови не можно у походи дивкы зь собою возыты, такъ треба ии нарядыты мовъ денщыкь. Треба, каже,

ій сіи косы выдрізаты и голову обстригты.

Копытанъ гукнувъ на денщыка, що бь обстригъ Оксану. Тилки що той прыступывъ, та намирывся, вона якъ выхопыть ножныци, якъ зскочыла и каже: — «Не дамъ никому орудоваты надъ моею косою! Не вмила я зберегты своей славы, не достойна носыты и дивочои красы!» — Та зь симъ словомъ — чыркъ! — Якъ не було, славной, русои, довгой, густои та пышной косы! Оксана зхопыла іи у руку, прыгорнула до сердца, поціловала... та гирко-гирко заплакала... дали и по голови себе ножныцями чыркъ, чыркъ... и пострыгла мисьцями усю голову... зыбрала волосья и тежъ оплакала ихъ и

каже: — Такъ тобі, Оксано й треба. Згубыла свою славу, ходы жъ обстрижена! Я й забула, що мене треба було ще вчора обстригты! — Чесна дивка красуетця косою, а така якъ я, завсегда обстрижена бува. . . . Забрала свою косу и волосьсячко усе, завернула у хусточку и прыгорнула до сердця.

Ахвыщеры думалы, що имъ велька морока буде одягаючы іи по хлопьячій, и сталы заговорюваты. . . . вона имъ и каже: — «Робить що хочете зъ стриженою Оксаною. . . . вона усе погубыла: и славу свою и косу, и розумъ; ій вже не можно ничого дивочого носыты!»

Якъ іи одягалы, якъ пострыгалы по хлопьячій, вона не пручалася, ничого не казала, тилки що плакала. . . .

Сердце болыть розказуючы, якъ-то страждала наша сердешна Оксана и що терпила видъ копытана, злого чоловика! Усего й пересказаты не можно, Якъ винъ іи по походамъ возывъ зъ собою, якъ іи стереглы и ничь и день, що бь не втекла. А зберутця до него ахвыщеры, то вона що бь стояла передъ нымы, люльки имъ подавала и хочъ уси зналы, що вона дивка, та переряжена по хлопьячи, та взывалы іи: «Иванькою» и жартовалы зъ нею и выгадовалы де що. Вона жь якъ стина мовчыть передъ нымы и ни пары зъ усть не пустыть, тилки здыхне и подума: — «Слухай, Оксано, якъ заробыла!»

Ще такы безсовистный копытанъ не перестававъ іи обдурюваты. Ще та-

кы, якъ часомъ Оксана дуже розплачетця, та стане его поприкаты, та стане ему прыставляты, якый-то винъ грихъ надъ нею зробывъ, то буцимъ-то й жалкуе и почне впьять божытысь и клястысь, що винъ зъ нею звинчаецця, тилки отъ не прыйшла бумага видъ матери; и почне ій усяки теревени правыты розважаючы іи; то, сердешна, хочъ и не зовсимъ, а часомъ було трошкы стане вирыты, може, дума соби, и зправды колы-небудъ винъ зхаменецця и покрые свій грихъ? Пидожду до случного часу!

Вже й хлопчыкъ въ неи явывся!... Тутъ-то копытанъ, пры тій жинци, куды ще за здалегидъ завизъ іи для такого случаю, тутъ-то вже божывся, и

образъ съ стины знимавъ и запрясягнувъ, що тилки Оксана не зробить надъ собою ничего и благополучно ршѣтця, такъ заразъ и звинчатця зъ нею, що бѣ и грихъ покрыты и рабьенка у законъ увесты. Ще не дуже писля родынѣ выходылась, а винѣ вже и прывизъ їи впѣять до себе, боячысь, що бѣ вона не втекла, бо усе у неи на думци се було и часомъ, якъ допече їи журба, то вона й проговоритця.

Писля родынѣ не винчатця копытанѣ. Стане Оксана плакаты, стане копытана выпытоваты, що винѣ дума зъ нею? Супостать засміетця, та й тилки. Треба Оксани на хытрощи пидниматися.

Стала всееленька, перестала тужыть

стала говорлива хочъ зъ копытаномъ, хочъ зъ ахвыщерамы якъ зійдутця. Проматирь не згадуе и про винчанья не зпомына.... Агу! їй стало билше воли. Стала прымичаты, вже за нею не такъ доглядають, а дали вже ї не каравулять. Дали-дали, вже їй можно, по переду зъ салдатомъ, а дали ї самій, свою дытыну, свого Мытрыка одвидаты, що годувавсь у другимъ сели, не далечко. Уже їй можно, колы захотила, и по базарю самій походыты, хочъ до пив-дня. Ходыть вона по базарю и колы лучатця яки люде що знають, отъ вона и розпытуе, на яки и на яки миста, дорога у такій Губернии до такого села? Хто зна, то ї розказують їй. Уже вона сама не разъ чула, якъ зійдутця ахвы-

церы до копытана, та стануть той проклятенный чай пыть, зь якоюсь пидльивою, видь чого и вона на викъ пропала, и копытанъ имъ розсказуе, що винъ и не думавъ николы винчатися зь нею, а тилки обдурювавъ; а теперь що бь усе покрыты, думаю, каже, звинчаты ии зь своимъ денщыкомъ, або вамъ кому, панове, програты у карты, бо вже вона мыни надокуча.

Чула се Оксана и не одынъ разъ и свою думку усе гадала.

Разъ, у вечери, зійшлыся ахвыцеры, и богатенько ихъ, до копытана. У карты грають, люльки смокчуть, пуншъ пьють и по чарци не забувають; гомонять соби одынъ-одного не слухаючи; а денщыкы, одынъ кушанья готовить,

а другый побигъ у трахтырѣ за напыткамы, Оксана знаючы, що за нею не буде ни якого дила и що вона було соби, пры такимъ банкетѣ, що до-свиту будуть гуляты, завсегда ляговылася спаты, вона, узявши, шынелю свою звернула и положила на свою постиль, мовъ чоловікъ лежить и якъ уложила, та зъ хаты, та зъ двора и вульцями усе бигла, ажъ покы выбигла зъ того города, та у село, де годовався ии Мытрыкъ.

Убигшы у хату, такъ и брызнулася жинци у ноги, що доглядала ии Мытрыка и розказала, що вона задумала. Сяя молодыця знала усе що зъ Оксаною поводылось и не разъ вона плакала зъ нею объ такій ии годыни, подумяла, що вже, дума соби, мыни заплачено

упередъ гараздъ, а якъ Оксана зробіть такъ якъ дума, такъ на мене й пени не буде. Узавшы, нарядыла Оксану у свое жиноче, и голову ій покрыла; дала ій и кожушокъ старенькый дытыны рады, закутала Мытрыка, що вже трохи не году бувъ, и положила ій на руки. А тамъ зыбравшы усю хлопьячу одежду, що Оксана зкынула, та старенькыхъ пелюшокъ дитскихъ и пишла зъ нею.... та до ставка.... Ничь; ниhto ихъ небачывъ; положили на берези усю тую хлопьячу одежду дитськи пелюшкы, будимъ-то Оксана зъ дытыною втопылась, дала Оксани гривню на дорогу и выпроводыла іи ажъ геть по вульци.

Зосталася Оксана сама соби у саму, темну, глупу ничь, якъ палець! И ійты

бъ, и боитця; и куды ійти и не зна добре: зна тилки города розпытуваты, на яки ій ійти. Подумала-подумала соби Оксана, дали й каже: — «Умила ты, Оксано, матирь покынуты, умій же й знайти іи! Не боялась мандруваты, не бійся жъ и вертатысь! Мала у роскоши жыты, терпы жъ теперь и голодъ, и холодъ, и усяку биду!... Що жъ робыты! Що ступлю, то далше видъ гриха, а блыжче до матери... Господы благословы!» Перехрестылась и пишла.

Хочъ и темна ничъ, а прыглядаючысь, дорогу выдко. И видъ страху, що бь іи тамъ не зопынывъ хто и видъ радощивъ, що вырвалася зь пекла, Оксана якъ зь холоду, такъ дрыжала, а тутъ и пустылась ійти швыдче, що бь зо-

гритысь. Чы видыйшла скилки, чы ще й не дуже, а вже й зогрилась. А тутъ ще й кожушокъ, и въ узли пелюшкы для дытыны, и паляныця и пив-хлиба дала хозяйка, спасыби їи! — Такъ вже Оксана такъ зогрилась що не можно! Вже їйде, їйде, та й спочыне, и дума соби: — От-се їйду я до матиночкы моеи ридненькой! — Чы жыва-то вона ще? Може зъ журбы, та зъ тугы и померла, що бь не бачыты сорому, якый я нанесла на їи стареньку голову? — Колы не застану їи живои, то вже звисно, що вона и вмираючы прокляла! У! страшно! Я проклята видь матери! Не устану зъ їи гроба, тамъ лежатему ни ившы, ни пывшы, покы сама не вмру! Проклятїй видь мате-

ри, не треба жыты межъ людьмы....
земля не здёржыть!.... Колы жъ ще
жывенька?.... О Господы! Якъ я яв-
люсь до неи?.... Се та Оксана, що
була їй радисть, и втиха, и що ею ма-
ты потишалась и вельчалась!.... Се
Оксана, що сміялася зъ Горшковозивны,
що помандрувала зъ салдатамы: чула,
якъ маты дывовалася, що Явдошына
маты не вмерла видъ тугы, що дочка
їи покынула, а сама черезъ годьну ту-
ды жъ помандрувала!.... Явдоха жъ
може у вечери и вернулася, а Оксана
гордая, та пышная, що и за мужыка
не думала їнты, и що вельчалася надъ
усимá, сая повисылася на шыю копы-
танови, захотила разомъ пацею буты; та-
скалася зъ нымъ по усёму свиту, и ды-

тыну добула! От-тоби, мамо, Мыт-рыкъ. Няньчысь зъ нымъ, тишь ёго; се твоеи Оксаны заробитокъ, що за ах-выщерамы бигала. Прыдбала тоби и чести и радости и поваженья. Бери ёго, мамо, на-рукы! выходи на вулицю, похваляйся добримъ людямъ, отъ моя Оксана якъ наробыла! Ни сама послидня дивка у нашому сели такъ бы не зробыла, якъ моя дочка, що поважала-ся за саму першу! Розступыся сыра земля, прыймы мене, що бь я не бачыла матерыныхъ слізочокъ, тяжкого стыда ии, що я ий наробыла!»

Такъ прыговорювала и дуже гирко плачучы лежала на земли Оксана край свого Мытрыка, що спавъ закутанный у пелюшкы, та у кожухъ. Плакала, пла-

кала дывлячысь на сына, и каже соби:—
«На-що винь родывся на свить? На
стыдъ, на лыхо, на горе. Просвитку
ёму не буде видъ посмишыща; зъ бай-
стриюка не выходытеме. Моя маты
ёго бачыты не захоче, проклене уку-
пи зо мною; я буду ховатця зъ нымъ
видъ людей!.... Прыберы ёго Господы!
покы ще я не дйшла до матери! Колы
бъ звирь, або що.... А я що? хыба я
чоловикъ? — ажъ закрычала Оксана
зскочывшы зъ земли и стала выпрямыв-
шысь и озыраючысь быстро по усёму
полю. У вочахъ у ней искры загралы,
волосья дыбомъ стало, руки якъ про-
тягла, та й не зведе ихъ. — «Я люти-
ша усякого звиря!.... Я вбыла свою
матирь ридну.... Я выпыла кровь и

по капельци!.... Такъ пожалкую свого дѣтяти? — Воно не дѣтя мѣни, оно урагъ мѣи!.... Якъ я зъ нѣмъ покажуся до матери, у свое село? Оно мѣни стыдъ, страмъ, посмишище!.... Не треба его.... Пропадай оно нечестывого роду, урага моего, губытеля моего!.... О — о — о! якъ бы мѣни попалась камынюка! Тутъ бы ёму и аминь! По головци гарненько-бъ.... и не пыснуло бѣ. — Ни; не такъ. Отъ тутъ у канави, выкопаю ёму гарненьку ямку, положу ёго любенько.... та разомъ землею и засыплю и гробыкъ выведу; оно и не зчуется, мовъ засне.... Нехай копытань сыкае свого сына!.... Та сее кажучы и прынялась обома рукамы у канави, на рушеній земли копаты ямку,

а сама ажъ регочетця, що якъ-то гарно выдумала: и прыйде у село и безчестья не прынесе зъ собою и нихто обь іи стыди и не знатеме. Звисно, що тогди сердешна Оксана видъ велькои журбы не обь своимъ уми була.

Отъ выкопала ямку и якъ вже добре розсвило, вычекурыла іи гарненько — зовсимъ готово. Уставшы на ноги, глянула на ямку, здрыгнула крипко усимъ тиломъ. . . . дали зкрепылася на сердци. . . . и худко пишла за дытыною, прыговорюючы: «ступай Мытрыку, годи тобі спаты на голій земли копытанський сыну! От-тоби вична кватеря готова! . . .») Підбигцемъ підійшла до дытыны, протягнула руки щобъ узяти ёго. . . . а воно, сердешныньке! выспавшысь про-

кынулось и соби протягнуло рученяточкы, та смієтця такъ веселенько, звисно якъ годовычокъ, та й крькнуло: «мамо!... мамо!...» та такъ жалибно, словнисинько ныначе просытця, що бь мама ёго не губыла. Здрыгнула Оксана дуже... дали перемоглась, якъ кынетця, якъ ухопыть дыгыну... а дыгына рученятамы и обняло ии и цилує и белькоче: — «мамо!... Бозя!...» Оксана такъ и зомлила, и не зчулася якъ и впала на землю!...

Утренья роса, та витерець дмухувъ на неи, отъ вона отямылася... дывытця и не зна дё вона. А дытынатко лазыть по нии, та усе що вміє, те й белькоче: — «мамо... Бозя...» Тутъ Оксана згадала, що вона мала зро-

быты. Згадала и морозъ по ній такъ и пройшовъ! уздрила ямку, що було для своей дытыны выкопала, разомъ зскочыла, ухопыла дытыну на руки и якъ стрила побигла видъ того мисьця, и видбигшы, кынулась на вколишкы, положила дытыну и стала Богу молытысь щыро, и поклоны быты, и обещоватысь, що ни за-що вже не зробыть ни якого худа дытыни, донесе ёго до дому и колы й маты ёго не благословыть и видкыше видъ себе, и хочъ усе село гнушатеметця ёго, и байстриюкомъ дражнытемуть, хочъ щобъ то ни було й за дытыну, вона ёго не покыне, выгудуеть его и до розуму доведеть; а дали й каже: — «Колы я не вмила буты дочкою, такъ буду вже матирью!» — и

стала вп'ять молютыся и Бога прохаты щобъ простывъ їй сей тяжкый, смертелный грїхъ, що вона хотїла зробыты надъ дытыною. Тїлки що помолячысь стала уставаты, тутъ якъ разъ сонечко зїшло, та такъ ясно и такъ пречысто. . . . Оксани стало на души трошкы веселише, утерла слезы, поснїдала трошкы, дала їй дытыни папкы, завернула ёго, прыгорнула ёго до сердца, де у неи лежала у платочку дивоча їи коса — и пишла зъ своею думкою, часто здыхаючы и усе зъ дытыною розмовляла: «Бозя! — мамо!» а Мытрыкъ щебетавъ за нею, смїявсь ловлячы їи слёзы, що такъ на нёго капалы, та їй заснувъ соби.

Довго того розказуваты, якъ наша

сердешна Оксана зъ своимъ Мытрыкомъ пробиралась черезъ уси мѣста до своего села. Часомъ добрый чоловикъ лучався и пидвозывъ їи, а бильшь того що їйшла. Рукъ не чула несучы дѣтыну, ноги дуже болилы видъ ходьбы, де выпросыть чого зысты, а де їй ничо́го не дадутъ, то їй голодовала часто зоста-вляючы дѣтыни и послѣдню крыхту. Отъ-вже доходить, вже усе бльжче, усе бльжче до своего села... а сердце тиль-ки тѣхъ-тѣхъ! а на сердце, такъ Богъ зна яки думкы! — Якъ вона явытця матери? що мати скаже їй? — Ще то чы жыва маты? Горечко їй тяжке!

Скилки вона тамъ їйшла и якъ вже їйшла, а такы дѣйшла. Ось верстовъ

зъ десятокъ зосталося до свого села. Дума соби: хочъ и не рано вже, а якъ поспишу у останьнѣ, то хочъ смеркомъ, а такы добреду до дому.... Якъ же въ неи одна думка, що якъ-то вона побачытця зъ матерью.... або знайде вже їи на кладбыщи, такъ ійде й ноги нейдуть, и спотыкаетця, и становытця, впьять пиде, дрыжыть усимъ тиломъ, у горли засыха, де найде водыцю, промочыть смажни уста, впьять пиде.... духъ ій захвачуе, не здужа, сяде, чы виддохне хочъ трохы, чы ни, впьять скочыть, впьять пиде и впьять не на довго.... та такъ и опизнылась. Полуношна зирка зійшла, а вона ще далеко видъ села. Дыбала-дыбала, знемоглась зовсимъ, стало сириты, забачыла що

маячыть ихъ церква, вона такъ и впала на колишкы. . . . «Церква свята! Я уви-ходьла у неи чыста й непорочна. Чы достойна жъ буду статы у ній зъ своїмы грихамы!» — И що то вже плакала стоячы тамъ та молячысь! Глянула що землю змочыла слізъмы, отъ и каже: «отъ якый ралець прынесла я на родыму землю! Не довго буду я тебе зкверныты ступаючы по тоби! . . . Не зступляйся передо мною, прыймы гришнее тило въ себе посмерты, хочъ за те, що буду тебе рано й вечиръ слізъмы поливаты!»

Посылкувалась щобъ устаты, не змогла, тутъ на дорози и прыпала стогнучы й плачучы.

Обвыднило. Иде чоловикъ дорогою

у село. Бачыть, щось лежыть на доро-
зи. . . . пидыйшовъ блыжче, жинка зъ
дытыною, ма-буть недужа; лежыть, пла-
че, стогне и руки ламá. — «Чого ты
туть, молодыце, на шляху лягла?» Пы-
таецця чоловикъ.

Зырнула Оксана на голосъ, прыды-
вылась пыльно. . . . Охъ, Господы! кррык-
нула, обернулась и къ земли, заплакала
навзрыдъ и каже: «покрый мене сыра
земле, нехай я небачу!»

— Та що ты таке? Чы недужа,
чы-що?

Оксана не каже ничого, тилки гир-
ко плаче.

«Та ну бо; колы недужа, то я тебе
пидвезу.» Сказавъ чоловикъ и ставъ ии

поворочуваты, що бь знаты, що се таке е.

— Убий мене, Петре! — Крикнула Оксана. — Убий на симь мисьци: я за тебе буду Бога молиты! —

«Та хто се такый? Щось я тебе не пизнаю.

— Убий Оксану! роздавы ии пьятою. . . . —

«Оксано! се ты?» — Крикнувъ Петро, и видступився видь неи, зчепивъ руки, и, дывуючысь, дывытця на неи. . . .

И якъ ёму було пизнаты Оксану? Винь знавъ ии дивкою здоровою, повновыдою, румьяною, веселою, жартовливою, сёгодня розрядытця, а завтра ище лучче. А теперь, бачыть, лежыть передь нымь щось худе та прехуде, сухе, блидэ,

замліле, ажъ почорнила на выду! Не одежа на ній, а старцеве лохмотья на ній, и голова покрита чорнимъ, пре-чорнимъ дирявимъ очіпочкомъ; лежить, не здужае устаты, и гирко плаче.

Добра Петрова душа! Кынувся до неї, пиднявъ ії, посадывъ и самъ сивъ быля неї, розважавъ ії, самъ поплакавъ зъ нею, и якъ вона дуже выпытувала про матирь, чы жыва вона и якъ живе, то винъ и розказавъ:

«Маты твоя, Оксано, жыва, та що зъ тóго? Лучче бъ ій Богъ смерть по-славъ? Ось що я тобі розкажу. У той вечирь, якъ ты... тее-то... якъ вже тебе не було, вона и не хопылася, лягла спаты, думаючи, що ты не рано прыйдешъ. Якъ же вздрила у ранци,

що тебе нема и що ты не ночувала дома, отъ тутъ вона вже не знала що й робыты! Побигла до сусиды на пораду, на провидкы. . . . черезъ годыну усе село загуло, що Оксаны нема! Бидна твоя маты, и сказаты не можно, якъ журылася, та усе нихто недогадуеця, де ты дивалася. Нихто не знавъ, що бь ты зь кимъ изъ служавыхъ любылася, а обь копытанови й байдуже, нихто й не думавъ. Колы жь вона не за москалямы побигла — казалы люде — такъ або втопылася, або що. Шукалы и у ставку. Ажъ ось и вернувсь нашъ Киндрать такы; ёго пидводу бралы пидъ салдатовъ, а винь почувавъ у тимъ двори у дядька, де й копытанъ на кватери стоявъ. Чуе Киндрать, що люды розказують,

що копытанъ прывизъ зъ нашого села якусь дивку. Винъ щобъ подивытысь, хто тамъ така, чы не зъ дочокъ ёго хто; зыркъ у вично... ажъ Оксана сыдыть у копытана на колінкахъ, и обнима ёго, и цилуе, и веселенька, и веселни писенькы соби жъ прыспивуе... Правда жъ сёму, Оксано? було се?»

Оксана похылыла голову и втерла слізочки... Петро ій каже:

«Ну, дарма, се винъ такъ розказувавъ. Винъ здывовався, та якъ не ёго дило, то ій видыйшовъ. На другый, каже, день, копытанъ поставывъ водкы щось багато и для своихъ людей и хазяинамъ. И Киндрать, каже, пывъ... Не плачь, Оксано, и не соромся; я розказую, якъ винъ казавъ. От-то Киндрать вернув-

шысь до Веклы, та прямо їй и каже: «не шукайте Оксаны своєї, вона от-такъ и такъ; тамъ и тамъ... Тутъ вже не зналы що зъ твоею матирью и робыты? Вона не заплакала, а тилки уся поде-ревьянила... Сталы їи розважаты, вона мовчыть, та все у кутокъ пылно ды-вытця. Я тамъ бувъ и не видходывъ видъ неи.

Оксана хотила щось сказаты дякуючы ёму, та за слизьмы не змогла.

«Отъ мовчала-мовчала и усё дывытця такъ страшно на усихъ, дали и заговорила таке що їй сказаты не можно! То крычала, що бь ловылы салдативъ, що вкралы въ неи душу, що вже въ неи нема души, що вже вона не чоло-викъ, що вона колода, ни на-що не по-

требна. То помовчить, та й стане людей прохаты до себе на весилья, що вона йде за копытана и почне повязуваты соби на голову що небудь, замисць скиндячокъ, та й заведе весильныхъ писенекъ. . . . а якъ — каже — приведу соби доцю Оксаночку, гарну та перегарну») . . . та разомъ зъ сердцемъ и крикне: — «то я їи за нижкы, та обь лавку. Убью гадюку, убью змію! Вона зъ мене кровь выссала, вона. . . » та тутъ вже таке понесе, що не хочу тоби й розказуваты, бо й такъ дуже плачешъ!

«Годи-жь, годи, перестань — казавъ Петро: — слухай, що дали тоби буду розказуваты. Страждала твоя маты такъ довго. Мы думалы що вона тронулась

зъ ума ; одначе сякъ-такъ то молодыци , то знахури видволодалы іи , прыйшла вона до памьяты . . . такъ що-жь ? Тутъ-то , яке іи лыхо постыгло , тутъ и напалы на неи наши пьавкы ! Заразъ началство зъ громадою прысудылы , якъ Векла ё бездушная и сына и прыньмыта нема й не буде , то землю іи узялы у общественну и подилылы начальныкы межъ собою . Тутъ пысарь по книгамъ знайшовъ , що бь то твій дидусь , та ёго дидови , та вынень бувъ пьятдесять рубливъ , и объ тимъ и бумагу чытавъ передъ громадою . . . а що громада зна ? — Отъ и прысудылы вашъ двирь виддаты пысареви . . . отъ твоя маты и пишла у сусиды . . . »

— Моя маты у сусидахъ ? — крик-

нула Оксана руки ламаючи. — Се я ій такъ наробыла! — Та ажъ прыпала до земли плачучы....

«Та якъ вийшла? Обибрана зовсімь! То на ликы пишло, то бралы добри люды, за якусь, колысь-то пóзычку, а то й пидкрадалы, такъ що Векла, зъ богатон на усе село, у чимъ стояла, у тимъ и перейшла до Мыколы Штыри. Я ходивъ у дорогу, се безъ мéне воны такъ упóрались! — Вернувсь, дивлюсь, зовсімь заапаастылы и звелы інни на-що!.... Хотивъ уступытысь за неи.... «Не рушь! — сказала мыни Векла: — Богъ зъ нымы! Се мыни ничогисинько! Колы Оксана такъ зробыла, а вже люды!.... И на-що воно мыни безъ неи? Помру и безъ худобы. Вона

поїздыть зъ копытаномъ, заробыть багато грошей, у роскоши поживе́ а я на смитьти помру!»

Що вже плакала, та былась сердешна Оксана, такъ и миры нема! Якъ бы що́, сама бь на себе рúкы пидняла, слухаючы, до якои биды довела вона матирь! — Петро сякъ-такъ розважавъ їи и ставъ совитоватысь, якъ їй до матери явытысь; Оксана ничого того не слухала, пиду, каже, просто до неи, якъ и помацдрувала просто. Умру била нигъ їи! Нехай, що хоче, те ї робыть зо мною.)

Петро довго сьднвъ та усе думавъ, дали ї каже: — «Якъ тоби, Оксано, и у наше село явытысь? Тебе засміють, закыркають, про-свитку тоби не буде.

Послухай мене. Сидай на мій визь, я тебе провезу до мого двора, такъ, що никто й не побачыть. Тамъ знайду матерыну плахту и свытыну и очипокъ, та й прійдемо по за вульцямы до панотця, нехай насъ звинча, та тогди вже явымось и до матери. Вона побачывши що ты вже у законъ уведена, не такъ буде на тебе жалковаты; а и у сели, никто не посміе зъ тебе сміятись, бо ты вже будешь мужняя жона....

Ще Петро гараздъ и не договорывъ, а вже Оксана и быля нигъ ёго! Хвата ихъ, цилуе, слизьмы обмыва, ажъ задыхаетця и не зможе слова сказаты: — «Петре!.... Петре!.... ты не чоловикъ, ты Янголь Божый!.... Братикъ ридный сёго бь не прыдумавъ, що бь такъ

мене утишыты!.... Що се ты здумавъ?... Чы достойна жъ я, того, щобъ ты й думавъ такъ? — Якъ у твоій чесный домъ, що була Богобоязлива симья зъ батька, зъ диди, та увести мене, потаскуху, що соромъ на неи дивытысь, що земля не держыть?...

— Ты знаешъ, Оксано, що я тебе любывъ щыро и теперъ ще тебе люблю. Я знаю твою душу, ты зпиткнулась тришкы. Хочъ що хочъ про копытана розскажуй, а й ты вынна.... ну, та дарма, усе забуваю и ни обь чимъ згадувати не буду, мовъ дивкою тебе беру...

«Ни, Семеновычу, не остыжу нико-лы твоеи славы, не запáкощу твоеи симьи й роду!.... Я пропаща на ви-

кы! Хыба не бачышь, он-де й заробитокъ мій. . . .

— Винъ буде моимъ сыномъ риднымъ. Черезъ тебе я и ёго любытому. Послухай мене: покрый свою славу, дай ему батька, а матери сына!

«Ось-дэ моя слава — сказала Оксана и вынняяла платочокъ зъ своею косою и показала Петрови: — ось-де вона! Нихто не може іи прыставыты до мене! Нихто іи не узявъ у мене, я сама, своими руками видризала, якъ сама себе и погубыла. Прыставыты іи, и вернуты мою славу, ни якъ вже не можно. Хлопця выгодую, якъ здужаю; матери, колы ще допустыть до себе, буду ій и сыномъ, и дочкою, и работныцею и крепачкою. Буду ничь и день робыты, що

бъ їи пропытуваты за те добро, що через мене ришылась вона. А чужого вику не хочу заидаты, не хочу щобъ ты за своєю добристь, терпивъ черезъ мене.....

Що то вже довго уговорювавъ їи Петро, такъ вона ни за-що не захотила зробыты по его думци, хочъ зовсимъ бачыла, що вишь дуже вельке добро для неи, и для матери робывъ. Не захотила що бъ вишь їи проводывъ черезъ село и видъ смиху оборонывъ, ни за що не захотила. «Якъ заробыла, такъ буду й чуты. Я ще й не сего достойна!»

Пожалковавши, поїхавъ Петро своєю дорогою, а Оксана подумавшы, погадавшы, узяла сына, перехрестылась, пишла селомъ.....

Першъ усеґо зострілася зъ Оксаною молодьця, прежня їи подруга. Прыдывылася — и крыкнула: — Такъ и ё! се Оксана. — Мотре! — дывысь Оксана ійде! — Мотря соби: — «Та Оксана жъ! и зъ заробиткомъ!» — Одна по одній, и пишлы по усему селу... тилки доходить сердешна Оксана до якоґо двора, дывытця, вже уси зъ хаты выйшлы, и дывуютця на неи, и сміютця зъ неи, и крычатъ: — «А що? погуляла за салдатамы? — Добула славы? — Несы салдатченка матери на втиху. — Чы байстриюкомъ матери хвалытця ій-дешъ? — Не дывысь на мене паплюго!» — От-така ій честь була зо всихъ дворивъ. А колы дивчата выйдуть дывытыся на неи, то матери заганяють и

лають, що б̄ь и не дывымыся на неи. — «Вона — кажуть — не достойна того, за свое мандруванья за салдатамы. Остыдыла усе село!» А що пуще дитво-ра! Такъ ти чувшы усе видъ старшыхъ; такъ ажъ на вулицю выбиглы, и запо-лы ии сипають, и крычатъ, и вже й, прыложылы: — «Салдатка ійде, бай-стря несе. . . . кырѣ, кырѣ, кырѣ, кырѣ!

Оксано, Оксано! Чы ты се усе чу-ешъ у тимъ же сели, де колысь тилки выйдешъ на вулицю, то уси выбигають протывъ тебе, що б̄ь хоть подывытысь на тебе, та позавыдуваты на твою кра-су; а колы було заговорышь зъ кимъ, такъ и той радисинькый и уси збирают-ця кругъ тебе, що б̄ь послухаты твоихъ

ричей, шутокъ та выгадокъ. И що то: и самый престаренный дидъ и немошный, що вывели ёго на вдвирья, та посадылы на завальни, и той якъ було проходьшь мимо него, то такъ пылно дывытця на тебе, та ажъ не втерпыть и скаже: — «Отъ дивка, такъ-такъ! — А теперь яка тоби честь!.... Що то ще буде видъ матери?....»

Середъ такого вельчанья, ійде сердешна Оксана, и куде ійде, не зна, бо отъ стыда и свита не бачыть! Плакала бѣ, такъ вже й слизъ нема, такъ вже сердце запеклось, що й слизынкы очи не пустять....

Сякъ-такъ добрела черезъ сылу до Мыколыной хаты, де, чула, що маты іи живе. Зкрипыла сердце, видчыпыла си-

ны, посадила хлопця доли, подумала, перехрестылась, видчышыла хату, глядь! Господы! Хто-то лежыць? На полу, на рядни, лежыць старенька, худа-худа, якъ шкелеть, жовта, бліда, очи запалы, зъ пидъ старенького очинка свитыть биле, сиде, волосья, вкрыта старенькимъ кожушкомъ и выставыла руку, а рука суха-пресуха якъ скибка, и хочъ спыть, а стогне. . . . Хто се? дума Оксана. Чы не маты? — Такъ я жъ не таку покыпула іи! Хочъ вже й старенька була, та була повновыда и ще не сида. . . . Та хто сѣ? Стоить якъ укопана. . . . трусытця. . . . зовсимъ зомлиты. . . . Тутъ слезы ажъ до сердца пидступылы. . . . якъ побижать ричкою зъ очей. . . . не здержалася, проговорыла хлыпаючы: —

«Матиночко!—рид-ненька!.... Чы сежъ-ты?

Стара лупнула очыма, быстро подывылась на Оксану, а та ажъ за пиль ухватывлась, не встобить на ногахъ.... стара заплющывлась, впять пидняла очи и дуже пылно прыглядалась, дали струснулась, стало їи дергаты по лыцю, глянула до Бога, пидняла руки.... и тилки крыкнула — охъ!.... вже Оксана кынулася до нигъ, достае ихъ, хвата шо бь поциловаты, а сама такъ и залываетця слизьмы.... Векла, се вона й була, выпручала ногы, пиднялась, и сила на полу; трусытця, до Бога руки пидводыть, сылкуетця щось сказаты и не промовыть.... Оксана лежыть доли, ажъ пидпльла слизьмы, потимъ стала

на вкóлишкы, піймала руку матерыну, и хочъ та виднимала, а вона такы держыть, та выціловуе їи... и соби не зможе слова промовыты!

Довго сего було, стара черезъ сылу и сказала: — «що се ты наробыла зъ собою? — та сказала такъ тихенько, та любьязно; звисно якъ маты!

Хлыпа Оксана стоячы на вколишкахъ и слова не скаже. Духъ їй захвачуе.

«Ты, бачу, й сама знаешъ, якъ себе звела! — стала казаты Векла и словъ не збере. Дали сылкуючысь, промовыла: — «їды соби туды, куды видъ мене пишла. На-що я тобі!»

— Охъ, мамочко!... — Тилки й чуть видъ Оксаны.

«Мыни безъ тебе легше було!....
Я не можу на тебе дывытысь!.... ійдь
собі.... колы здужаю.... клыкну тебе...

Оксана не встае....

«Мамо! ... Бозя!.... Се Мытрыкь,
що покынула его маты у синяхъ, бачу-
чы що двери у хату видчынені, по-
лизъ-полизъ, перелизъ черезъ поригъ,
долизъ до середь хаты, сивъ, розглядавъ,
глянувъ на образы, та показуе ручкою
и белькоче: «Мамо.... Бозя!....»

Векла глянула на него пылно, здрог-
нула, и пытае дочкы: «Се воно?»

— Воно, мамочко! —

«Подай мыши его.»

Оксана сама себе не тямлючы, уxo-
пыла дытышу, положила на руки мате-
ри, и прыпала до нигъ матерыныхъ.

Векла, узявши дытыну, дывылася на неі доўго, перехрестыла яго: «Во імьа отця, і сына і святаго духа. — Слава тобі Господы, що ты не звела яго; не взяла новаго гріха на душу.»

Мытрыкь сыдзючы на рукахъ у Веклы, байдуже що тутъ робытця, усе ручкою показуе на образы, та усе знай: — «Мамо!... Бозя!... бачь!...»

«Такъ, мій Янголе Божый! — сказала Векла, прыгорнувшы дытыну до себе: — «такъ, Бозя! Богъ и Самъ проща гришныкивъ и намъ гришнымъ велыть прощатъ ворагамъ нашымъ... устань Оксано іды до сэрца матерынога, будь моею дытыною впяць!...»

Господы! и сказаты не можна, що тутъ вже было межъ нымы. Скилки

воны плакали, обнимались... Оксана усе вышытуе матирь, чы видь щырого сердця вона їи прощае, бо сама соби невірять видь радосты...

И увесь день на тимь пройшовь, що усе воны пестовались... Стара Векла ажь пышаче здоровиша стала, и усе до Бога, усе до Бога, щобь и Вишь такь простывь, якь вона простыла дочку свою.

Надь вечирь, бачыла Оксана, що Петро прыходывь до хазяина и розпытувавь, що туть у нихь було, а до Веклы й не заходывь.

Увечери, Оксана розказала матери усе, якь спизналася зь копытаномь и якь усе було, ажь до посліднєго часу. Векла усе пылно слухала, не разь

зплакнула, слухаючы стражданья Оксаныно, а дали сказала: — «Не було бь сего ничого, якъ бы ты мыни попереду сказала, що полюбыла копытана, и зь якою думкою. Я бь тебе видвела видь него. Де такы сему статьись, щобь пань, та узявь мужычку? Колы и явытця такый супостать и стане таке казаты, то се на-смихь, на погыбель. А якъ бы ты не гордылася, та не думала щобь буты за паномь, а выйшла бь за мужыка, оть хочь и за Петра, що дуже мыни у велькій прыгоди ставь безь тебе, то було бь усе не те.... Охь моя годынонька лыхая!... Ну, та еже сказано, Богь простыть!... Будемо жыты, нынече ничого и не було; и не зпомьянемо ни чимь. А за копытана.... нехай

я буду мольтысь! — Спасыби Господу, мылосердному, що тоби на розумъ по-славъ «уклоньтыся отъ зла» що покынула есы свого урага, не подумала за нымъ таскатысь; кынула усее зло, прыйшла до мене, и дытыну сохранила. Черезъ се ты знайшла впять мое сердце. Годи-жъ годи, не плачь вже. Зпочынь писля такого турбованья. Завтра прынемось за дило, якъ и попереду бувало.»

Отъ и справди, почалы жыты собі любенько. Векла чула якъ селомъ осміялы ии Оксану; чула и видъ Мыколы, хазяина де жыла, що не буде держаты «мандрёхы» якъ уси узывалы Оксану; такъ отъ вона и прызвала и своихъ хазяинивъ и ще де кого зъ розумнишыхъ людей, та й розказала имъ

про Оксаныно стражданья. Отъ уситутъ и розсудылы, що се билшъ насылство було, чимъ своя охота.

Дали та дали, хочъ де й побачуть люде Оксану, то усе меншъ усе меншъ сміютця Оксани и усе меншъ прыкладають прыкладокъ. Бо насміялысь, такъ вже й годи. Такъ Оксана бо свое знала. Никуды видъ матери ни на пядь, и ни зъ кимъ вже нигде не водылась и не зналась. Одна соби у хати сыдытъ та робытъ; и матиръ зодяга и пропытуе іи, ничь и день рукъ не поклада. Тилки ій и проходкы, що до церкви Божой, та по-воду, та куды роботу виднести.

Якъ обжылыся трошкы, тогди ставъ Петро ходыты до ныхъ. помагавъ

имъ де у чимъ, и знай усе свое товко-
вавъ, щобъ Оксана пишла за него. Разъ,
слухавшы его довго, що винъ ий обь
симъ казавъ, вопа просыла его, щобъ
ийшовъ зе нею. Отъ и пийшлы и прый-
шлы на кладбыще. Отъ Оксана й каже:
— «Петре! я завсегда знала твою доб-
ру душу; знала що ты чесный и ро-
зумный чоловікъ. Мыни тебе жалко бу-
ло, що ты за мною убываешся и я ско-
ришь усихъ пишла бь за тебе, якъ бы
не явивсь.... винъ, погубщыкъ мій!
Писля сего що я зъ собою зробыла, я
недостойна ни тилки тебе, та й послид-
нёго лычмана. Тутъ на батьковому гро-
бови, де й сама колысь лежатеу, зако-
пала я свою славу, що показувала тоби,
якъ ще ийшла у село, свою дивочую

косу, свою волю, до суду, до вику. Закопавшы, поклялася, якъ не можно прывставыты знову моеи косы, такъ не можно мыни статы достойною чесного човика не прынесу нікому безчестытя, не завъяжу чужого вику, не остыжу ни якои симби, не пиду ни за кого. — Петре! Ты вбывавсь за мою матинку, якъ я згубыла було іи, ты не покынувъ іи! Ты мене, якъ я у самій велькій биди була, скрызъ землю пишла бь, ты не покынувъ мене на шляху, розважавъ мене, и якъ уси на мене напалы, сміялысь зъ мене, поприкалы мыни, плёвалы на мене й цуралысь мене, ты саме тогда хотивъ мене узаты, покыты мій стыдъ и соромъ, увесты мене межъ чесныхъ людей... , Кто жъ такъ зробывъ

бы, якъ не сынъ моеи матери, братъ мій ридный? — Петре! Будь мыни братикомъ ридненькымъ! Не покынь мене, колы мене уси люде покынули! Прыймы тутъ, де моя слава, де моя воля лежыть, де й я колысь лежатему, прыймы мою прысягу, що не пиду ни за тебе и ни за кого! Буду матери дочкою, якою колысь була; буду сыну матирью, покы... покы его батько... колы-то ще не видцураетця!...»

— Оксано! Жалко мыни тебе ризатись, бо бачыть Богъ! — и теперь тебе такъ люблю, якъ спершу полюбывъ. Хотивъ покрыты твою славу; хотивъ показаты людямъ, що вони неправедно осуждають; хотивъ быты батькомъ твоему сыроты, бо на... него ни-

чого сподиватись. Коли, кажешь, хочешь бути дочкою якою й була, такъ у симъ дили, послухаймо матери: якъ вона скаже, такъ нехай и буде. —

Подумавшы, Оксана сказала: — «Нехай буде, якъ маты скаже.» — Отъ и пишли до дому.

Маты выслухала Петра, потимъ выслухала и Оксану, и сказала:—Петре, вельика твоя душа! Богъ тобі нехай тобі видплатить за усе, що робывъ для насъ и що теперь хочешь робыты. Дякы нашої тобі мало! Дуже бь я сего хотила, щобъ ще на своему вику побачыты моеи Оксаночки славу покритою, та що-жь робыты? Оксана правду каже: Ты молодъ чоловикъ, ты ще не знаешь, що можуть зробыты людьскіи речи?

Хочь по капельци дощыкъ крапа на каминь, а такы происть его; такъ и тутъ. Стануть говорыты, товковаты, судыты; ты сее усе чуешь; попереду тобиничого; а дали станешь прыслухатысь, думаты, передумоваты; дали й повирьшь, и станешь жалкуваты що узявъ таку... зненавыдышь ии... А яка ии доля тогди вже буде? — Теперь яка есть вона однимъ-одна душею, усе перестражда, усе перетерпыть. Такъ, Петре! Правда бачу Оксанына. Будь же ий братикомъ, не покынь ии зъ сыриткою, якъ я вмру, а мыши будь такымъ, якъ я и до сего часу тебе бачу, и благословляю тебе за се.»

— Матинко ридная! — поклонывсь ажъ у ногы Петро и каже: Прыймы жъ

мене, сироту, у свою семью. Благословы мене якъ сына! Не цурайтесь мене и не боронить мыни зодержаты васъ. Сестро! Оксано! — Уручы жъ мыни твого хлопця. Я прынямаю его замисць сына. Якъ ты прысягалася своею славою, такъ и я, отъ передъ матирью, заприсягаюсь, що не оженюсь николю. Писля мене, винъ наслидуе и мою худобу. Благословы мамо! —

Векла поблагословила ихъ усихъ и виддала Мытрыка Петрови рукамы, и сказала: «Нехай же винъ буде, Мытро Завьяжысвить, бо винъ намъ усимъ завязавъ свить.»

Такъ и почалы хлопця зваты и у сельски спыскы такъ ёго запысалы.

Векла зъ дочкою не малы ни у чимъ нужды: Петро имъ помогавъ и усимъ подилявся. Сякъ-такъ зибралыся купылы двирь и жылы соби хвалючы Бога мылосердного.

Разъ, такъ вже годивъ черезъ пьять, писля того якъ се діялось, убигъ у хату Мытрыкъ и крычыть до Оксаны: — «Мамó — мамó! а въ мене е биленькый шажокъ. Осъ-бачъ.» — И показуе гривенныкъ.

«А хто се тобі, сыну, давъ? — пыта Оксана.

— Панъ давъ. — Каже.

«Якый же тамъ панъ?»

— А ось якый — каже вже Петро, що увійшовъ за нымъ у хату. — Копытанъ.

Оксана такъ и поблидла и затрусилась.

«Та не лякайтесь, а слухайте що було. — Казавъ Петро: — Дывлюсь, на станціоннимъ двори, що била мене, стоить брычка и ходить по двору таке мовъ нашъ копытанъ, Я пидійшовъ бльжче... дывлюсь... винъ и е. Я подумавъ, що зъ него буде? Покликавъ Мытрыка, та и ійду у хату, буцимъ до смотрителя, а винъ мене и зопынивъ:— «Се твой малчыкъ?» — Каже.

— Нѣту, ваше благородые! — кажу я: — се копытанськый. — Такъ прямо й видризавъ.

«Какъ копытанськый?» — Ажъ зкрыкнувъ, и пидійшовъ до хлопця.

— Такъ, ваше благородыя!—кажу:—
Команда стояла тутъ, такъ копытанъ
зманывъ у насъ дивку Оксану. Такъ
она утекла видъ него, и прынесла сего
хлопчыка. —

«Такъ это её сынъ? — Да мошен-
ныкъ, какой бойкый!» — та узявъ его
за чубчыкъ и поскубъ легенько, та й
каже: «Такъ она такы дойшла назадъ?—
А мыши сказалы, што она и зъ сыномъ
утопылась.»

— Ни, ваше благородыя! — сказавъ
я: — прыйшла сюды и жыветь тутъ у
велькій бидности —

«Вышь какъ мене обманулы! —
Каже. — «О да плуть будетъ малчыкъ!
Увесь у меня.»

Туть ще подёргавъ его то за ухо, то за чубчыкъ, а дали вынняявъ гривеннычка, та й давъ хлопцеви, и каже: — «На, отдай матери, штобъ тоби оришковъ купыла.» А самъ сивъ у брычку, и поихавъ.»

Такъ розсказовавъ Петро.

Оксана узяла гривенныкъ, звела очи до Бога, и кынула той гривенныкъ у викно, ажъ геть на вулицю, де диты гралысь; обняла Мытрыка и гирко-гирко заплакала!

Г. Основьяненко.

ГОЛУБЪ.

Ой застогнавъ голубъ

У темній дубрави,

На голыи сухенькій;

Ой заплакавъ тяжко

Гиркымы сліозамы

Козакъ молоденькый;

Ой застогнавъ голубъ

У темній дубрави,

Неначе въ неволи,

Ой заплакавъ тяжко

Козакъ молоденькый

По нещасній доли.

.

.

«Ой чогожь ты голубъ

Да такъ тяжко стогнешь?»

Козакъ попытався.

— Того, козаченьку,

Того кучерявый;

Що я спарувався,

Та непожывъ лита

Зъ сызою своею:

Яструбы убылы!

И дитокъ прыдбалы

Двойко малюсенькихъ,

Згодувать невспилы;

Погынулы й диткы

За мылою швидко,

Я стогнать остався.

И воля не мыла,

Нема того бильше,

Кимъ я потишався,

Сызoi немає!

Лунь зо мною стогне, —

Се моя утиха
У лютому гори,
Въ нещасній годѣни —
Стогне хочь безъ лыха. —

.
«Чогожъ ты у лиси,

Голубчыку сызый?

Тыбъ летивъ у поле;

Ты тутъ одынъ сыдышь,

Тамъ бы найшовъ стадо,

Можебъ прогнавъ горе.»

.

.

Що стадо поможе

Мыни бидоласи?

— Тамъ усе чужіи.

Одялы у мене

Голубку и ридныхъ

Ворогы лыхіи.

.
Колы суха витка,
Котра пидо мною,
Зновъ зазеленіе;
Тогди сыза буде
Зъ риднымы до мене,
И сердце зрадіе. —
Тай застогнавъ дуже,
И сплеснувъ крыламы,
Ажъ лисъ стрепенувся,
Полетивъ по пуци. . . .
Бильшь на тую витку
Винь и не вернувся.

.
.
Тогди козакъ сказавъ:
«Треба забуваты,
Котру я кохаю;
И мыни такъ буде,

Що жинку изъ дитьмы
Вмисти поховаю;
Бо я безъ худобы.
Може диткы будуть,
Хтожъ ихъ нагодуеть?...»
Козакъ той у свити,
Якъ голубъ въ дубрави,
Стогне та сумуе.

В. Забъла.

Е. П. Г-КЪ.

Скажи мѣни правду мій добрый козаче,
Що діяты серцю, якъ серце болить?
Якъ важко застогне, якъ гирко заплаче,
Якъ дуже безъ щастя воно защемить?

Якъ горе, мовъ терень, всю душу поколе,
Колы одцуралось одъ тебе усе —
И ты, якъ сухее перекоты-поле,
Незнаешъ куды тебе витерь несе? —

«Э ни, кажешъ мовчки, — скосывшы былыну
Хочъ ранокъ и вечиръ водою полый —
Незазеленіе: кохай сыротыну,
А матери й батька небачыты ій.»

Оттакъ и на свити — хто рано почуе
Якъ серце застогне, якъ серце здохне —
Той рано й заплаче, а доля шуткуе;
Поманить, поманить и геть полыне...»

А можнажъ утерпить якъ яснее сонце
Блысне и засяе для мыру всіого,
И гляне до тебе въ убоге виконце? —
Ослипнешъ а дывышся все на іого.

А. Чужбинскій.

**ПАНЬСКЕ СЛОВО,
ВЕЛЫКЕ ДИЛО.**

«Зима. прыходыть, треба свыты,
«А въ мене и чобить чортъ-ма!
«Ни хмызу, въ хати протопыты,
«Кожуха жъ и зо-всимъ не ма!
«От-се останья жупанына,
«И носывъ ще дидъ Явтухъ.
«Якъ бы жъ було у калытыни;
«То збывся бь може на кожухъ.
«Якъ помогты от-сій напасты?
«Чы йты куды прохатъ, чы красты?
«До пана? — очи заплюе;
«А може такъ, що ще й побье.
«Та де ты, скаже, вражый сыну,
«Пропывъ, проивъ усе на сласть?

«Та вже жъ: що буде, а не згину,
«Пиду до пана; може й дасть.»
Такъ розмовлявъ Петро Терпыло,
Де бь винь кожухъ соби прыдбавъ.
Ще тилки на двори сирило,
Вже винь до пана прычвалавъ.
«Помылуй, паночку ридненькый!
«Тоби я може й прыгожусь.
«Будь ласкавъ, дай хочь поганенькый
Кожухъ! Ось бачышь, якъ трушусь,
«Морозъ по шкури выступае,
«Мовь наче у петривку питъ;
«Де хто и въ шлѣнськыхъ похожае,
«А я хожу ще й безь чобить.»
Пань справди бачыть, що сердека,
Повисивъ голову свою.
А тутъ Риздво вже недалеко —
«Иды — сказавъ — кожухъ прышлю.»
Петро се чувшы, поклонився,

Бижить до дому, ажъ стрыба. . .
Де дилася ёго й журба?
Якъ можно жь: на кожухъ винь збывся,
Кожухъ и спаты не дае.
Винь дума все про кожушыну,
«Ось бачышь, Петре, вражый сыну!
«Пишовъ до паня, отъ и е.
Пройшла недиля, винь не мае
Кожуха, пань не прысылае.
Прійшла и друга — пань забувсь,
Що обіцавсь Петрови дати.
Тогда Петро вже зхаменуясь
«Що вже видь пана та не ждати?
А пань звычайно обіцавъ,
Водывъ его, а все не давъ.
Петро вже ходыть и сумуе;
Зь петра жь хто вздрыть, усякъ глузуюе:
«Але жь! Казавъ мій пань: кожухъ я дамъ,

«Та й слово тепле. — Такъ бува частенько
намъ ,

Що панъ намъ тилки обищае,
Згадай; не дасть, та ще й полае.

П. Писаревскій.

СОБАКА ТА ЗЛОДІЙ.

К А З К А.

На привъязи, біля коморы,
Собака збизжя стерегла;
Бо зъ чорта дуже зла була.
Вона харцізъ була на вора.
Іи хазяинъ шанувавъ,
А щобъ людей у день не рвала,
Всякъ день на привъязи державъ.
Отъ разъ — вже темный вечиръ бувъ;
Рябка забувши видвъязаты,

Пишовъ хазяинъ — та й заснувъ,
А се й ковинька супостатамъ!
На двори жъ ничъ, морозъ, мете.
Що жъ дальше буде! — Якъ на те
Ось злодій до двора чвалае,
Прыйшовъ, комору одпирае. . . .
Собака жъ тилки скавучыть!
Вона-бъ то злодія й зпыныла,
Помъяла бь трохы, подавыла,
Такъ щожъ, ланцюгъ їи держыть!
Забравшы злодій все гарненько:
Якъ вамъ сказаты? — до шматка!
Заперъ комору потыхеньку,
Та ще й глузуе изъ рябка.
Рябко вже бачыть що видъ хаты
Ему пидмогы та не ма;
Сказавъ: теперь-то й глузоваты,
«Якъ въ мене волонькы чортъ-ма!»

П. Писаревскій.

ДЯДЬКО НА ДЗВОНЬЦИ.

Излизъ мій дядько на дзвоньцю,
Та знай гука: «Отце кумедія яка!
«Вси люде на земли, мовъ ти перепельци:
«Здається більший зъ нихъ не більше пятака.
«Гай; гай! Якижъ вони дрибненьки!
«Такъ ось колы я ихъ, якъ треба, розыбравъ»
А мимо йдучи хтось на дядька показавъ,
Та, далеби, мене спытавъ:
Що то таке, чы щуръ, чы горобецъ маленький?

Е. Гребенка.

ПИСНЯ.

По-узъ двирь де жыве мыла
Я проихавъ двичи;
Та не бачывъ голубонькы
Я ни разу ввичи.
Затѣхкало сердце въ мене
Якъ зъ дворомъ зривнявся;
Дуже бачыться хотилось,
И кинь зопынався.
Та не рано було уже
Якъ я мимо ихавъ;
Оглядався назадъ довго,
Неначе хто клыкавъ.
Такъ я самъ соби подумавъ:
Чы-й-ты такъ скучаешъ?
Колы мене вирно любышъ

То й бачыць бажаешъ.
Ой якъ вирно мене любышъ,
Будемъ жыць зъ тобою
Цилый викъ, мое серденько;
Якъ рыба зъ водою!...

В. Забъла.

КЛЗКА.

ДУБЪ.

У одного Велького Пана у лиси, рись дубъ. Та-й дубъ-же! такый гарный, що надъ увесь лись краще ёго не було ни одного. Що-то за превысокий, що-то за претовстый, що-то за кучерявый! — Чы летыть яка велька птыця по пиднебесью, та утомывшысь мае оддыхаты, то на той дубъ сйда; чы маленьки пташечкы хочуть сховать диточокъ одъ вороння, то мерщій скликають ихъ пидъ шырокый листь того дуба; чы прыпекло сонце чередыка зъ чередою, або зъ ватагою, то винъ зъ коровамы, або зъ

овечкамы скорище пидь той дубь; а про-
хожи и стари, и мали и середови, якъ-
бы добратьця до того дуба; чы въ дощъ,
то перестоятъ, мовъ пидь стрихою, чы
въ витерь, то якъ пидь захыстомъ,
чы въ сонце, то якъ у нетопленій
свитлыци. Да що-то-й казать: кому-то
тамъ не гараздъ було? И билочка зъ го-
ришкомъ одъ собакъ бижыть стрилочкою
до того дуба, да скорище въ дупло; и
дятель зъ комашкамы; и метелькы, и
комашкы и де-яка Божа тварь мае нуж-
ду у тому дуби, то якъ у батька рид-
ного найде, що кому треба. Любуецця
тимъ дубомъ Пань зъ Панею и зъ дит-
камы; похваля ёго увесь хрещеный мырь;
красуетця имъ дубрава, и сами лиснычи
боятця продать его злодіямъ, а де-яки

ще зъ дитками ходють оддыхать пидъ нимъ на шовковій трави и слухать, якъ зорямы щебечуть на ёму пташкы на розни голоса.

Отъ-геть, тамъ за межею рисъ другый дубъ, хочъ не такый, та все-такы просторый и великый. Тильки лиснычи тамъ булы дримакы, або такъ соби зпроста, а мабуть зъ хытрощамы. Воны дали пидъ нимъ розвестыся черви. А на що се? На те, щобъ, якъ стане одъ неи дубъ сохнуть и опадать гилля, то тутъ и имъ пожива: гилля на топыво, а зъ дуба буде човень, або корыто, а трискы жинкамъ на пидпаль. Такъ жидивски сыны й зробылы. Черва якъ розвелась пидъ дубомъ, давай пидриватця пидъ корень. То пливочку у кореня подточить,

то тоненьки коринчыкы, а тамъ и кору и товстый корень : а дубъ усе чахне, сохне и гилля опадають тимъ лиснычимъ на дрова. Остався голый дубъ!.... Да нехай бы тильки тамъ те й діялось, то намъ бы й жалю не було. А то, одъ де-яки лисови запагубывшы свій дубъ, перейшлы до Пана у лисъ, де гарный дубъ; а проклятая черва одъ сухого дуба стала переповзать черезъ межу и до сёго. Догадалысь пташечкы, що и имъ буде негараздъ. Чырыкають зъ ранной зори до пизной : зклыкають своихъ и сторожатъ гуртомъ черву. Чы де яку забачуть, то цапъ іи носыкомъ и розносять по лису диткамъ до гниздъ; а тамъ на друге лито, давай робыть гнизда и на дуби: то въ дуплахъ, то подъ лыстомъ

на гилькахъ и все черву клюють да но-
сють дитямъ—и де якый червякъ, хыба
ночною добою прыповзе пидъ дубъ до
кореня, да-й тихъ коровы, та овечкы,
прыходючы топчуть пидъ дерномъ.
Щожъ? — Бисова черва, плодюща!
Осталось на зиму подъ корнемъ деся-
токъ, мабуть другый, а на лито уже кы-
шыть, и на дуби сами верхни гилечкы
уже стали сохнутъ!.... Панъ каже ли-
совимъ: «чого се дубъ всыха?» А ти, що
перейшлы одъ сухого дуба кажуть: «бачь,
Пане, якихъ багацько гниздъ на ёму за-
велы птахы: одъ того верхъ и сохне, а
знызу овечкы обглодують на кори мохъ,
а коровы и волы достають листь.» А
того не скажуть, що птахы тоди бильшь
и завелысь, якъ черва появывлась и уми-

сти зъ короуамы и оуечкамы іи плюндрують. Тимъ уременемъ досталась сему жъ Пану и та дубрауа, де дубъ уже заохъ. Панъ веливъ розкопаты межу, а бисова черуа сему й рада: то ривъ іи мишавъ, а то прямцемъ видтиль полизла; да все боитъся птахъ и скоту. А якъ послухавъ Панъ лиснычихъ, та веливъ спужуваты зъ дуба птахъ и не пускаты близко его скотину, такъ уже не тильки ничью и днемъ повзе черуа до дуба и корень точыть. А дубъ? Ще нема и осени, а листь уже жовтіе, а де якый пада! Скотына бидна бачыть, що сыплютьса лысткы, иде до дуба будто за лыстомъ, а тамъ, щобъ подавыть черву пидъ дубомъ; да та бѣда: прыставлени, щобъ не пускаты іи до дуба, бьютъ по

ребрамъ кіямы и цькують собаками. Пташкы злетятыця, поховаютьця промижъ листъ, да промижъ траву добуты червякивъ: такъ тижъ сторожови затрещать, зашугукають, засвыстятъ и пополохають. — И що зъ того дуба буде описля? А буде те, що Богъ дасть! Тильки жаль того дуба и Пану, и пташкамъ, и коровамъ, и овечкамъ и всему хрещеному мыру: хыба нехрысть якый не жаліе!

Д.

П Р Ы Ч Ы Н Н А .

Рече та стогне Днипръ шырокій;
Сердытый витерь завыва,
Додолу вербы гне высоки,
Гсрамы хвылю пидыйма.
И блідный мисяць на ту пору
Изъ хмары де де выглядавъ,
Неначе човень въ сышимъ морю
То вырынавъ, то потонавъ,
Ще трети пивни не спивалы,
Нихто нигде не гомонивъ,
Сычи въ гаю переклыкалысь,
Та ясенъ разъ у разъ скрыпивъ.

* *
*

Въ таку добу пидъ горою,

Била того гаю,
Що чорніє надъ водою,
Щось биле блукає.
Може вийшла русалонька
Матери шукаты,
А може жде козаченька
Щобъ залоскотаты;
Не русалонька блукає
То дивчына ходыть:
Й сама не зна (бо прычынна)
Що такее робыть.
Такъ ворожка поробыла
Щобъ меньше скучала,
Шобъ, бачъ, ходя о пивночи,
Спала й выглядала
Козаченька молодого
Що торикъ покынувъ;
Обищався вернутыся
Та мабуть и сгынувъ!

Не кытайкою покрылысь
Козацкіи очи,
Не вымылы биле личко
Слизонькы дивочи,
Орель выннявь кари очи
На чужому поли,
Биле тило вовкы зъилы,
Така его доля.
Дарма що ничь, дивчынонька
Его выглядае.
Не вернется чорнобрыый
Та й не прывытае,
Не расплете довгу косу,
Хустку не завьяже,
Не на лижко въ домовыну
Сыроतोю ляже!

*
* *

Така іи доля, о Боже мій мылый

За щожъ ты караешъ їи молоду?
За те що такъ щыро вона полюбыла
Козацкіи очи? . . . просты сироту!
Когожъ їй любыты? ни батька ни ненькы;
Одна, якъ та пташка. въ далекомъ краю!
Пошлыжъ ты їй долю, вона молоденька,
Бо люды чужїи їи засміють.
Чы выннажъ голубка, що голуба любыть?
Чы выненъ той голубъ, що сокиль убывъ?
Сумуе, воркуе, билымъ свитомъ нудыть,
Литае, шукае, дума заблудывъ.
Щастлива голубка, високо летае,
Полыне до Бога мылого пытать.
Когожъ сиротына кого запытае,
И хто їй роскаже и хто тее зна?
Де мылый ночуе, чы въ темному гаю,
Чы въ быстримъ Дунаю коня напува,
Чы може зъ другою, другую кохае,
И чорнобрыву уже забува

Якъ бы то далыся орлыныи крыла
За сынимъ бы моремъ мылого знайшла;
Жывогобъ любыла, другубъ задушыла,
А до нежывого у яму бь лягла,
Не такъ сердце любить щобъ съ кимъ по-
дильтсья,
Не такъ воно хоче якъ Богъ намъ дае;
Воно жыть не хоче, не хоче журытсья,
Журысь каже думка жалю задае.
О Боже мій мылуй така Твоя воля;
Такє іи щастья, така іи доля!

Вона все ходыть, зь усть ни пары.
Шырокый Днипръ не гомоныть;
Розбывшы витерь чорни хмары
Лигъ била моря одпочыть,
А зь неба мисяць такъ и сяе;
И надъ водою и надъ гаемъ,
Кругомъ, якъ въ уси все мовчыть.

Ажъ: гулькь зь Днипра повырыналы
Малыи диты сміючысь.

«Ходимо грится» закрычалы,
«Зыйшло вже сонце» голи скризь,
Сь осоки косы (бо дивчата)

.
«Чы вси вы тута? клыче маты!

Ходимъ шукаты вечерять.

Пограемось, погуляймо,
Та писеньку заспиваймо:

Ухъ, Ухъ!

Соломьяный духъ, духъ!

Мене маты породыла,
Нехрещену положила.

Мисяченьку!

Нашъ голубоньку!

Ходы до насъ вечеряты;

У насъ козакъ въ очерети,

Въ очерети, въ осоци,

Срибный перстень на руци;
Молоденькый, чорнобровый,
Знайшлы вчора у диброви;
Свиты доше въ чыстимъ поли,
Щобъ нагулятысь до воли,
Поки видьмы ще литають,
Поки пивни не спивають,
Посвиты намъ, онъ щось ходыть!
Онъ пидъ дубомъ щось тамъ робыть.
Ухъ, Ухъ!

Соломьяный духъ, духъ!

Мене маты породыла,

Нехрещену положила.»

Зареготалысь нехрещени. . . .

Гай обызвася, галасъ, зыкъ;

Орда мовъ риже, мовъ скажени

Летять до дуба. . . . ничичиркъ. . . .

Схаменулись нехрещени,

Дывляться мелькае

Щось лизе въ верхъ по стовбуру
До самого краю.

Отожь тая дивчинонька

Що сонна блудыла;

Отаку то ій прычыну

Ворожка зробыла.

На самый верхъ нагильлячци

Стала; въ сердце коле,

Подывылась на вси боки,

Та й лизе додолу.

Кругомъ дуба русалонькы

Мовчкы дожыдалы

Взяли іи сердешную

Та й залоскоталы.

Довго, довго дывовалысь

На іи уроду....

Третьи пивни кукурику—

Шелеснулы въ воду.

Защобетавъ жайворошокъ
У гору летючы;
Закувала зузуленька
На дубу сядячы
Защобетавъ соловейко,
Пишла луна гаємъ,
Червоніе за горою;
Плугатырь спивае;
Чорніе гай надъ водою
Де ляхы ходылы;
Засынили по надъ Днипромъ
Высоки могылы;
Пишовъ шелестъ по диброви;
Шепчуть густы лозы;
А дивчына спыть пидъ дубомъ
При бытій дорози;
Знать добре спыть що не чуе
Якъ куе зузуля;
Що не личыть чы довго жыть;

Знать добре заснула.

А тимъ часомъ изъ дибравы

Козакъ выизжае;

Пидь нимъ коныкъ вороненькый

Насылу. ступае

«Изнемигся товаришу!

«Сегодня спочынымъ:

«Близко хата де дивчына

«Ворота одчыныть.

«А може вже одчыныла

«Не мини, другому,

«Швыдче коню, швыдче коню

«Поспишай до дому —

Утомывся вороненькый,

Иде, спотыкнется,

Коло серця козацкого

Якъ гадына вьется.

«Ось и дубъ той кучерявый. . . .

«Вона! Боже мыйй!
«Бачь заснула выглядавши
«Моя сизокрыла!
Кынувъ коня та до неи:
Боже ты мій Боже!
Клыче іи та цилуе....
Ни вже не поможе.
«За щожъ воны розлучылы
«Мене изъ тобою?
Зареготавсь, розогнавсь—
Та въ дубъ головою.

Идутъ дивчата въ поле жаты
Та знай спивають идучы:
Якъ провожала сына маты,
Якъ бывсь татарынь у-ночи;
Идутъ.... пидъ дубомъ зелененькимъ
Кинь замурдованый стоять,
А бия его молоденькый

Козакъ, та дивчына лежыть.
Цикави (нигде правды диты)
Пидкралыся шобъ излякаты;
Колы подывлятця що вбытый
Съ переполоху ну втыкаты.

Збиралыся подруженькы
Слизонькы втыраютъ;
Збиралыся товариши
Та ямы копаютъ;
Прышлы попы съ коровгамы,
Задзвенилы дзвоны;
Поховалы громадою
Якъ слидъ по закону.
Насыпалы край дороги
Дви могылы въ жыти.
Нема кому запытаты
За що ихъ убыто?
Посадылы надъ козакомъ

Явиръ та ялыну,
А въ головахъ у дивчины
Червону калыну.
Прылитае зузуленька
Надъ нимы куваты;
Прылитае соловейко
Що ничь щебетаты,
Выспивуе та щибече
Поки мисяць зыйде,
Поки ти русалонькы
Зъ Днипра гритысь выйдуть.

Т. Шевченко.

* * *

Повиялы витры буйни
Та надъ синимъ моремъ,
Забылося сердце мое
Передъ лютымъ горемъ.
Повиялы витры буйни
Зъ холодного краю:
Розлучылы зъ дивчиною,
Котру я кохаю.
Та не витры, люде злыи,
Мыни се зробылы;
Самы мене звелы зъ нею,
Самы й розлучылы..
Пересталы витры буйни,
Всюды стало тыхо,
А у мене бидолахы

Все на серци лыхо.
Якъ лысточокъ одырванный
Зеленый весною,
Якъ травыця покошена
На зори косою,
Покы роса не обсохне,
Поты й зеленіе,
Неростыме вона бильше
Якъ сонце прыгріе;
Нескошенная травыця
Сонечка бажала,
А теперь на тее зыйде
Щобъ скорій зовьяла;
И лысточокъ одырванный
Зсохне пожовтіе,
Такъ и мое серце бидне
Молодимъ змарніе;
И въ мене неначе въ грудяхъ
Та щось одырвалось;

Не легше мыни на серци,

А ще гирше сталось

.

.

Ой повийте витры буйни,

Застогны дубрава,

Нехай пиде на злихъ людей

Всюды худа слава.

В. Забѣла.

ПАЛІЙ.

Люлька въ роти зашкварчала,
Шабля въ нижнахъ забряжчала;
Шабля ризаныну чуе,
Люлька пожари вищуе.

* *
*

Сыдять дома, на покои
Непрыстало козакови:
Скльчъ, козаче, скльчъ дружыну,
Иды, Палій, въ Ляхивщыну.

* *
*

Годи, коню, въ стійли спаты,
Пидемъ Ляхивъ полякаты:
Швыдче мчы, ніжъ кремнемъ збыта
Згасне искра видъ копыта. . . .

* *
*

Хто якъ стрилка изъ майдану
Вихремъ мчытся за Украйну?
Яръ, лисъ, ричка, туча сыня
Козакови не запына,

* *
*

Хто въ трави — вривни съ травою;
Хто въ води — вривни зъ водою;
Хто у лиси — вривни зъ лисомъ,
Ниччю — перевертнемъ бисомъ?

Палій!

* *
*

Ранни й пивни не спивалы,
Въ Польщи замкы запалалы:
У пожари жыда шкварыть,
И зъ пожару люльку палыть

Палій.

Де бувъ замокъ, — попелище;
Де цвивъ городъ, тамъ кладбыще:

Враже поле кровью мочить,
И обь камень шаблю точить

Палій!

*
* *

Ще й не мрило, не свитало,
Польщи край — якъ не бувало....
У Палія на прычилку
Крыкнувъ пивень на засику

«Кукурику!»

Л. Боровиковскій.

В О Л О Х Ъ .

За моремъ степь, край моря степь,
Въ степахъ Волохъ зъ шатрамы ходыть;
Крива коса, зубатый серпъ
Волоха въ поле не выводитъ.

Волохъ нейде въ полкы служыть;

Волохъ живе — якъ набижыть.

Шырокий степь — его постиль;
Кругомъ стина — изъ небомъ горы;
Не жатый хлибъ; не брана силь;
Пивголый самъ и диты голи :

За тежъ Татарынъ, Немець, Ляхъ,

Не грилы рукъ въ его шатрахъ.

Паны въ будынкахъ сплять безъ сна ;
Купецъ моря переплывае;

Въ води шука рыбалка дна;
Мужыкъ въ судахъ поригъ змитае:
 Волохъ соби въ шатри сыдыть,
 Охоче исть и смашно спить.

Зима—коло огня въ шатрахъ;
Весна—лежыть винъ пидъ звиздамы;
А литомъ—ходыть по степахъ
Зъ шырококкрылимы шатрамы:
 Безъ хлиба—сыть; безъ хаты—панъ;
 Густый туманъ—его жупанъ.

Л. Боровиковскій.

ПАРХИМОВЕ СНИДАНЬНЯ.

Не було и на усій слободи дурнишого, якъ Пархимъ Шеревертень. А й слобода не мала була! Опричь що по неділямъ зыходылыся бабы зъ слободы, та зъ близькихъ хуторивъ, и прыносили на продажъ и маслычко, и смытанку, и яечокъ, и буханцивъ, и солы товченои и усякого такого товару; а то ще двичи на годъ булы и ярмаркы у тій слободи: одна обь теплому Олексію, а друга обь першихъ Параскахъ. И чого то на тихъ ярмаркахъ не було? — Ажъ зъ самага города прыизжавъ крамаръ зъ зализними гвизdochками, кому, знаете,

треба чоботы пидбыты. Та бувавъ и купецъ зъ хорошимъ товаромъ: зъ хвыгамы, та родзынкамы, и зъ сынимъ каминцемъ. А вже цыганивъ, от-тихъ коноводивъ, мошенныкивъ, що обдурюють народъ, такъ и не розмынешся! Обманувъ, укравъ, обминявъ лычко на реминець, та й далшъ!

Такъ черезъ таки ярмаркы, се вже не слобода звалася, а мистечко. И скилки тамъ ни було народу, що тамъ жылы, и на ярмаркы наизжалы, не було дурнишого, якъ, я кажу, Пархима Шеревертня.

Эге! — Дурный соби, та такы оженився, знайшовъ соби жинку. — Пожалуй; богатенькый-бо бувъ; а черезъ таку благодать, дивчата не дуже дывлютця,

чы хорошый, чы поганый; чы розумный чы прыдурковатый; абы у кышени повно було. Ось и тутъ такычкы. Тилки задумавъ женытыся нашъ Пархимъ, якъ разъ и выскочыла за него дивка бойка: сама й посватала себе за него, сама и весильямъ орудовала и якъ хотила, такъ и вправылась.

Вона була попереду наньмычкою у городи по купцямъ, такъ знала усякіи порядкы и свиту повыда́ла. А якось-то навернулася у свою слободу, бачыть, що Пархимъ зоставшысь, писля батька, самъ соби господарь, не зна ничо́го и невміе кинцивъ ни у чому звесты, а худобыны до гаспыда! — Вона и пидлизла до него зъ своимы теревенямы. . . . а завтра вже

и рушныкы подавала, а у недиленьку и весилья видбулы!

Люде дывовалыся: «Чы не навиженна сая Настуся, такъ іи звалы, що ійде прыт́омомъ за дурня, за Пархима Шервертня?»—А вона соби й байдуже? — «Нехай—каже—що хочуть говорюць, а я свое робытému!»

Та й прынялася жъ добре! — Усе попрыбирала до своихъ рукъ. Мужыкови, колы дасть-колы, добре пообидаты, то то ему и праздыкъ; а не те, такъ частисинько окроме сухого хлиба черезъ цилисинькый день ничого не побачыць?

Одежа на нему абы яка, сорочка розхристана, чоботы порвани, а частишь и зовсимъ босый. Пы́ка не вмыта, боро-

да не голена... и такы зъ разу можно було бачыты, що винъ ё.

Сама жъ? — такъ ну! — Выряжена ныначе мищанка. Свекрушыни и плахты, и очипкы, и намыста одвичаютъ по усякъ день! — Ласо истъ, на мьякому спыть — и така выходьлася, що — молодыця хочъ куды! А зубата була! Вже не зайдѣйся зъ нею нихто. Тилки зачепы іи, такъ разомъ якъ залящыть, затрыщыть, загомоньить, перекоренить и батька, й матиръ и увесь ридъ и такихъ прыкладокъ попрыклада, що й не додумаешся видкиля вона усе-го набралася? И вже іи, ни за-що, не переговорышь. Якъ вода, бува греблю прорвавшы, и бижыть, и шумыть, и реве, и клекоче, такъ и Настуся, якъ зъ

кимъ зчепытця. Вже, пакъ, недурно стилки прожыла у городи.

Швыдко стали знаты іи и произжаючи. И купецъ, и панычъ, и крамарь, и ремесный, и школяръ, якъ тилки идутъ черезъ слободу, то вже неодминно и зайдуть до Настуси. И хочъ бы якъ ще за раньни було, що можно бѣ було верстовъ зъ десятокъ уихаты—ни, и не кажы; зостанутця ночуваты хочъ якъ. Та умила жъ усихъ прывадыты до себе. Купцеви, заразъ чайнычокъ настановыть: — а усе мала у себе. Простому народу доброго борщу зъ саломъ постановыть; панычеви молощнси каши подасть; стареньки паны не заизжалы до неи: заразъ скаже: «не прыньмаю ни

кого.)» — Та такъ участуе усихъ, що довго згадують Настусю.

А мужыкови іи, Пархиму, то не було добра, а якъ зайдуть постояльци такъ ему зовсимъ халепа! — Знай жинка посила его по усій слободи: бижы туды, достань того, прынесы те. Набигаецця лебедаха, утомытця, засапаецця, дума ничью видпочыты. — Такъ куды жь! — Жинка протурить его до постояльцевихъ коней: — «и сина пидкладай, и дывыєь щобъ безперестанно илы, и щобъ хто коней не вкравъ, кававурь и не видыходь, видь ныхъ; а у хату и не думай забиратысь; не смій и носа показаты. — То Пархимъ було и слуха жинкы: ходыть коло постояльцевихъ коней, и тилки чуе якъ у хати

чаркы брязчать, мыскы цокотять, и хазяйка съ постояльцями щебече, та не у лайку и не у споръ. Въ ныхъ усе йде до ладу.

А Пархимъ ходыть, та голодный, дрыжакы истъ по холодній зори, не маючы у вищо и одягтысь!...

Терпивъ такы багато, сердега, видъ такой жинкы!

Якъ дила нема дома, пиде, було, блукаты по селу. Вже й зналы уси, що винъ терпыть дома видъ жинкы! Кто було закльче нагодуге его, хто й до дому шалянычкы, або грудку каши дасть... И Пархимъ де було вздрыть, що люде чого не-будь зйшлыся, то и винъ тутечка. Слуха соби готового, а вже свого

нешытай. Наслухався скилки ему треба, и пишовъ. И то зъ него.

Сыдючи разъ зъ людьмы была волосного правленья, слухавъ де чого багато, и про те, дали стали розсказуваты, якъ жинкы своихъ мужыкивъ обдурюють. А що найпуще, якъ почне жинка вередуваты забажаючи або нового очипка, або яловычыны, чы усякою ласоци; або часомъ грошей забажа. И стогне вона, и не дужа; и ни-знать-що говорить, и буцимъ що їй преставляетця, и мужыка гонить зъ очей, и лае его на уси заставки. И таку волю, черезъ вередованья, озьме, що бидному мужыкови и пидступыты до неи не можно. Ходыть, сердешный, по синямъ, руки ломыть, та вбываетця за бидною жин-

кою! — Тутъ вже й знахурка поспила. И що-то! чого не робить, чого не діє; и підкурює, и шепче, и вмыва, и злызуює: ничого не лехша!

Мужыкъ ажъ до нигъ до знахуркы прыпада, та просить: «Титусю! ослобони жинку видъ биды! — Цилый годъ матирью зватему; що хочъ заплачу, тилки порятуй їи!

— Але! — вжебъ я нерада їй помогты! — каже знахурка: — «Такъ щожъ колы дано, та ще й уміючы. Се, чоловіче, дала твоїй жинци удова, що може и ты їи знаєшь....

— Та якже? — Знаю, знаю. Ще вона и дивкою була, такъ було....

«Та также-такъ. — Се вона хоче

звѣсты твою жинку, щобъ описля самій за тебе вѣйти.)»

— А щобъ вона не диждала! — Я вже лучче озьму Хвенну, ось-що за Терешкомъ Бульбахомъ, колы овдовіе, а іи не хочу. —

«Такъ, бачъ, не знаю чимъ и ослобонѣты твою жинку!»

— Та вже чимъ хочъ, а тилки звѣды іи: я кошту не пожалію. Бо якъ вмре, такъ самій похоронъ билшъ буде коштуваты, чимъ лика. —

«Такъ хыба ось-що зробимо: купы, лышень, ій, кавьяру солоного, та булочку; нехай вона поисть. А якъ писля сего захочетця ій пыты, такъ ты ій купы осьмуху пыва; нехай пѣе, скилки хоче. А дали вже, щобъ не гирко було

писля пыва, такъ купы іѣ медянычкивъ, родзынкивъ, чорнослыву. Нехай наидаетця добре, покы ажъ зпотіе. Та тогди вже будемо прыслухатыся, чого вона зъ немощи забажа, та швыдче іѣ и купышь, щобъ лыхо прогнаты.»

Сердега-мужыкъ усего того накупыть; наистыця жинка, напыетця, та ѣ почне крычаты: — «Оѣ пробѣ! Очипка хочу! Очипка по вышневіѣ земли, зъ зеленимы розводамы!... Пробѣ такого хочу, якъ и на дячыси!...»

— Та купуй, Охрѣме; купуй мерщій! — Бачъ чого лыхоманка забажала? Поставляй іѣ усе, а то щобъ до вѣчора не вмерла. —

Побигъ Охрѣмъ, купывъ, подае жинци... Тутъ лыхоманка, якъ поба-

чыть очипокъ , та такъ зтрясне болящу, що насылу улежыть ; а дали й почне стогнаты, та охаты и ледви каже : «Колыбъ ще мыни... теперь... та пьять кипъ... тобъ я и устала...!»

Туть жинка стогне, та бажа; а тутъ знахурка нападаетця щобъ дававъ мерщій, щобъ лыхоманка гроши побачывшы, зовсимъ видійшла видъ неи. Ничого Охримови робыты! Выньма зъ кышени гроши, личыть пьять кипъ, та усе жъ то новимы пьятакамы! — Кладе биля жинкы.... Жинка стогнучы бере безъ ликы.... Загарбала уси и вже и устала, и пишла поратысь, и сюды и туды.... и ще до вечера разивъ трычи зъ мужыкомъ полаялась.

От-таки-то вередлыви жинкы у

бидныхъ, сердешныхъ, простихъ людей!
— Добре панамъ жыты, що въ нихъ
жинкы, и не сміють, и не зъ-уміють
такъ вередуваты! — У нихъ жинкы
передъ мужыкамы якъ по струночци
ходіють и протывъ мужыковой воли, ни
у чимъ ни чычыркъ!

Про таке жиноче вередуванья, слу-
хавъ нашъ Пархимъ, та й узявъ соби
на розумъ; та ійдучы до дому и каже
самъ соби: «Не я жъ буду, щобъ я не
зробывъ по своему! — Выстачай, жинко,
каты бывъ бы твою матирь! — Выста-
чай усе!)»

Якъ прыйшовъ до дому, заразъ и
почавъ стогнаты на усю хату и про-
бираетця, щобъ-то злизты на пичь. . . .

«А якого гаспыда ты тамъ стогнешь? — Пыта его Настуся, дывуючысь що іи дурень, та осмиляетця безъ спросу лизты на пичъ.

— Але!... гаспыда!... Колы жъ я недужъ!... И у груды коле, и въ бикъ штрыка, и у спыну шпыга, и на поперекъ неpidнимуся.... —

«Та що се тобі сталосся?»

— Але, що!... Не знаешъ?.... вередую. —

«Що.... що таке?....»

— Вередую, кажу тобі. Хыба не знаешъ вередуваньня? Се ваша жиноча натура на мене напала. —

«Ось я тобі дамъ!.... Ще й винъ вередуваты! — Устанъ кажу тобі. Колы тебе напала жиноча натура, то я озьму

мужычу натуру, та тутъ тебе такъ вид-
вередую, що ты й гадкы не матынешь!»

— Я такы й то гадкы немаю, та
лежу соби, та усе вередую соби. —

«О щобъ тебе зъ твоимы выгадка-
мы! — И смихъ и лыхо зъ дурнемъ! —
Скажы-жъ мыни на мылость: чого такы
ты вередуешь?»

— Такъ. Вередую, та й вередую.
Ласощивъ хочу! Ой, хочу ласощивъ!
и поты усе вередуватыму, ажъ покы
купышь ласощивъ. —

«А рожна не хочъ? — А трясъци,
та болячкы?»

— Не хочу сёго ничого. Мыни дай
ласощивъ, то я й перестану вередуваты.
А не дасы, то я и вмру, справди
вмру. —

«Та пропадай, вража лычыно! —
Колыбъ вже й давно зчезъ!»

— Такъ не пропаду бо, покы не
довередуюсь до свого! — Ой вередую! —
Ой лышечко, ласощивъ хочу!...

«Та якихъ тоби ласощивъ? — Зди-
лай мылость некрычы; Сусиды почують
ще билшь сміятимутця; скажуть, що
ты зовсимъ одуривъ.»

— Та й крычатему, и одурію, и
вмру тоби, покы ласощивъ не купышь.

«Та якыхъ же, кажы мерщій.
Запхну тоби пельку, щобъ не крычавъ.»

— И родзынкивъ купы, и рогозу
купы, и горохвьянычкивъ.... и кавьяру....
и паслёну.... и усего ласого....

«Бачъ чого напередувавъ? Се бъ то
я покынула усе, та пишла по ярмарку,

усего ему купуваты! — А дзускы не хочешъ?)»

— Я и дзускы, и трясъци твоеи не хочу; мыни купы тихъ ласощивъ, що я, вередуючы, хочу. —

«Захотилося гыри, противъ-ночи киснычка! — От-се такъ и побижу, якъ-генъ-купци зъизжають на двиръ. Геть, кажу тобі, зъ печи! — Вбирайся зъ хаты. Не знаешъ, що пры чужихъ людяхъ тобі не можно тутъ буты.»

— Знаю я, голубочко, усе! — Ты думаешъ, я ничего не знаю? Ни; я усе знаю. Тимъ-то и почавъ вередуваты, що я де що знаю. Отъ бачъ; и не устану, и не пиду зъ хаты, хочъ тутъ що прыизжи робытымуть. Не устану, та й

не устану. Бачъ, вередую, покы дасы ласощивъ. А тамъ ще й грошей забажаю.

«Та на вже, цуръ тоби, й грошей. тилки втикай швыдче зъ хаты.» — И дала ему тры шагы, знаючы, що винъ ливъ не зна.

— Мыни треба симъ кипъ. — Одначе узявъ гроши, перекыдувавъ ихъ у руци, перекыдувавъ; дали устае и каже: — Ну, такъ и ё! — Ухопывъ мерщій шапку, та, навтикача, зъ хаты; и пишовъ сміючысь, та думаючы соби: — «От-такъ ты жинку провчы! Тямытеметъ мене довго:»

Пишовъ же нашъ Пархимъ по ярмарку и не журытця ни объ чимъ. Гроши е; теперь дума, чого бъ тилки накупыты? Отъ и дума: — «Свыты въ

мене кать-ма! — Не знаю, чы сынёго сукна узяты, чы хочъ и сирого, та тилки доброго мыльного; та выбиратему довженну, та шыроку! Або, ось и чоботы въ мене роты пороззявлялы, исты просяють; такъ може чоботы лучче? — И правда: шкапови куплю, зъ довгимы халявамы, зъ пидковкамы, а дёготь такъ щобъ и тикъ! Цуръ дурня тоби, пане Пархиме? — (се усе самъ соби каже) Та масла грудка на прыкуску. — Чы не дурный же ты справди? — На якого Гаспыда ты будешъ тратытысь? — Одежу и чоботы нехай тоби жинка постачыть, а ты си гроши, що вывередувавъ, есы, проласуй на чимъ хочешъ, чого душа забажа! — От-ся ричъ до дила. Такъ и зроблю. Накуплю

усего що побачу, та й наймся, щобъ ажъ зъ души перло!.... Чого бь же то накупыты? ... Э, генъ сластёны; подавай ихъ сюды!....»

Отъ и пидійшовъ до сластённыци... що за гарно дывлютця на голодного Пархима!.... и такъ и шкварчатъ у олійци!....

«Подавай сластёне! — гукнувъ Пархимъ на жинку, що ихъ тутъ прягла.

— А на скилки тобі треба? — пытаетця вона.

«Подавай уси!» — ажъ крычыть вже Пархимъ, узявшысь у бокы.

— Та тутъ, дядюшка, якъ увесь товаръ озьмешъ, такъ его буде на шистъ золотихъ. —

«Увесь, увесь беру; нà гроши.» Та й тыче ій одынь шагъ.

— Та що се ты мыни даешъ? Се нà смихъ, чы що? — Ты давай билшъ, давай уси; сорокъ алтынъ. —

«Якъ же я дамъ уси? — От - се я наймся, такъ и пыты захочетця. Такъ от-се другый на збытень, а се ще, пиду до москаля, та родзынкивъ накуплю...»

— Такъ ты, бачу, такый? — Геть же видъ лавкы, не мишай людямъ въ мене товаръ розбираты. Сихъ грошей трохы; або давай уси, або геть соби!...

Пишовъ сердега далшъ чупрыну чухаючы — и каже соби:

«Урагова баба скупа! — Та дарма! Я й стовщивъ наймся.»

Пидійшовъ до Москаля зъ стовпця-мы. Такъ що жъ бо? Дае москаль за его гроши, тилки тры стовпця....

«Дурь и ему! — Якый дорогой! — Не вмру безъ нихъ, знайду ще чого смащнишого!...»

И пишовъ по базарю вытрышкивъ исты! — И що-то: що вздрить те й купывъ-бы. Та не дума одно-двое купыты; ни, давай усе! а грошей кать-ма! Тилки тры шагы и е!

Ходывъ нашъ Пархимъ, ходывъ по базарю! выбиравъ, прыцинявся, усе дорого; не по его грошамъ!.... Вже винъ и гречаныкы, и горохвьяныкы. и млын-ци, и буханци, и пыршжкы торгувавъ; кыдався и на мочени кыслыци, и на кгалени горихы, и на медяныкы....

Такъ ураговы люде, потрошку дають за его гроши. Що ему зъ одного, або зъ трѣхъ: ему давай усе, багато наклады ему, такъ-такъ!

Ходывъ винъ, ходывъ, ажъ остыло! Бачыть, жинка продае якись коринци, и усякъ хто ійде, то й купуе тихъ коринцивъ и вже кучка не велька зостаеця. . . .

«От-же, щобъ не впуститы товару!» — Сказавъ Пархимъ, и пидбигъ до жинкы и пыта:

«А скилки тоби, молодыце, за твій товаръ?»

— А покажы, лышень, скилки въ тебе грошей? — зпыталася молодыця.

Пархимъ вынявъ свою суму на долню и брязка передъ молодыцею. . . .

— Добре, дядюшка! — берить увесь товаръ. Кете гроши сюды. —

«Увесь?» — Пыта Пархимъ и самъ соби не вирыть.

— Та увесь, увесь. Треба було вамъ денежку здачи даты, та пороздавала. Нехай за васъ подамъ на бидность. — Зибралась молодыця и покрылась далше, щобъ купецъ не роздумавъ, та не прыкынувъ бы їй товару. . . .

А Пархимъ такъ зрадивъ, що ничего не бачыть и не чует! Выдымо не выдымо накупывъ ласощивъ! . . . Забира у полу, не влизе; позапыхувавъ за пазуху и вже останни, насылу зыбгавъ, та у жмени забравъ; а самъ усе прыговорюе: — «Не кыдай, Пархиме, ничего; не зоставляй, забирай усе : ты за си ласощи

гроши плативъ. — А ты, бисова жинко! Не диждешъ, щобъ я тобі и лызнуты давъ! — Ни; самъ поимъ усе.

Отъ и выбравъ соби мисъце, на горбыку. Знявъ свыту, розыславъ, позкладувавъ свій товаръ, позасукувавъ рукава и сйдаючы каже: — «Ось теперь, Пархиме Уласовычу, поснидаешъ соби добре! — Ижъ у волю; ни хто тобі не помиша. . . . Усе до останьнёго поимъ; та такъ обрепаюсь, що може, черезъ сылу, и до дому дійду. . . .»

Та зъ симъ словомъ, захопивъ коринець, та. . . кусь! . . . жуе, сердега! . . . Тутъ жуе, а тутъ у нисъ такъ и шпыга, и слёзы зъ очей такъ и бижать. . . . Жуе, жуе и не проковтне. — Дали утеръ

слезы, ставъ виддыхаты, бо духъ ему захвачуе, и каже:

«Бачъ, якъ за пресучою жинкою давно вже не ласовавъ, такъ ось ласоци и у горло не ійдуть.»

Та вшьять стане исты; то по тры, то по чотыри кориньця вже пха въ ротъ, такъ щожъ бо? — Ни жоваты ни ковтаты не можно: не ійде у горло. Се бо бувъ «хринь»! — Дежъ его можно исты?

Лыхо нашому Пархимови! — Уже скилки винъ ни потрощывъ коринцивъ, а кучка ни трошкы ни позначылась. — Уже ажъ не змигъ сыдиты, прылигъ, и за жывить беретця....

Видпочыне, видпочыне, та вшьять за хринь; и чубъ ему мокрый, и пыку

ажъ роздуло, губы порепалысь, а винъ сылкуетця исты. . . .

«Та й до биса жъ я накупывъ сихъ ласощивъ! — казавъ стогнучы, та слезы втыраючы Пархимъ. — «Але имъ-имъ, и кинця невидно. А слёзы такъ и заливають! . . . Ажъ очи рогомъ лизуть! . . . Охъ, лышечко! «Багылы чортовы очи що куповалы; изсте-жъ!»). . . .

.
.
.

Отъ зъ такого-то Пархимового сніданья, пійшла межъ людей и прыговорка.

Г. Основьяненко.

ХЛОПЦИ.

Учора я дивывсь якъ хлопци
Гулялы на толоци:
Здається, крамъ тамъ продававъ одынь,
Други въ опуки, то що гралы,
То въ дучку булку заганялы,
А дали здумалы скакаты черезъ тынь.
Хлопьята тамъ булы и прости и письменни,
И кожый зъ нихъ по своему скакавъ:
Одынь летивъ якъ невиженный,
Знай вызвирывсь на тынь, та била його й
ставъ;
А иншый голову, мой той москаль, задравшы,
Пряменько вытягнувсь, та й скочивъ черезъ
тынь,
Та якъ же вризався объ землю, вражый сынъ,

Колошу розыдравшы.

А выбраного хлопчыня

Такъ скаке високо, такъ здорово литае!

Воно мале зовсимъ, одъ чогажъ такъ
скакае?

Соби подумаць я,

Тай прыдывляться ставъ: ажъ сее бисыня

Якъ хоче скочыць, то ажъ въ землю
прысидае,

Тай прысне разомъ видтыля!...

Якъ ни круты, а правды нигде диты:

Колыбъ, якъ выбраного диты,

И други вмилы прысидать,

То можебъ и воны зумилы такъ скакать.

Е. Гребенка.

ЗИМНІЙ ВЕЧИРЪ.

(Зъ Пушкина.)

Буря въ хмары небо крые,
Сыпле снигъ, якъ зъ рукава,
То звирюкою завые,
То застогне, якъ сова,
То солому закрутившы,
По пидъ стрихою шумыть,
То въ викно, мовъ, прыпизнывшысь
Подорожній, торготыть.

* *
*

Вся промолкла наша хатка,
Тыхо въ хаты и темно;
Щожъ на лавци паниматка
Зажурылась пидъ викномъ?
Чы пидслукуешъ, якъ свыще,

Вые витерь и шумыть,
Чы якъ дзыгою на дныщи
Веретенечко дзыжчыть? —

* *
*

Выпьемъ, добра паниматко!
Ну,-по-одній наливавай;
Выпьемъ зъ горя: дежъ кухлятко?
Зъ веретеномъ не дримай
Заспивай *«якъ маты сына
Выганяла до Орды,
Якъ до зирозкы дивгына
Ненци прынесла воды.»*

* *
*

Буря въ хмары небо крые,
Сыпле снигъ, якъ зъ рукава,
То звирюкою завые,
То застогне, якъ сова.
Выпьемъ добра паниматко,
Ну-по-одній наливавай;

Выпьемъ зъ горя, дежъ кухлятко?
За почынкомъ не дримай.

Л. Боровиковскій.

МИРОШНИКЪ.

(зъ Державина.)

Изъвечора мыни дивчата
Мишокъ пшецыцы прынеслы:
«Одначе розклюють циплята,
«То на, дидусю, та змелы.»
Пшецыца гарная, червона,
На зерно чыста, гарна такъ,
Що де взялася хить моторна
Пустывъ на мывъ я свій витрякъ.
Всю ничь я прыязно трудывся,
Ни окомъ не змыгнувъ, моловъ.
Пить въ тры ряды изъ мене лывся;
А ны зерна не розколовъ.

Дивкы не мене тутъ зъ пенею:
«Щожъ ты ни мелешъ, ни дерешъ?»
— «Але! — сказавъ я: — вы зъ пашнею
Прийшлы, якъ каминь не бере! . . .

Стецько Шереперя.

ПАНЬКО ТА ВЕРСТВА.

Бувъ въ Лицяхъ щвець, — Панькомъ винъ
злався;

Мовъ зъ Пысаремъ усякъ братався
И всякъ Панька того кохавъ.

Бо жывъ въ сели соби смирененько.

Шывъ чоботы усимъ крипенько,

И, дешевенько зъ нывъ винъ бравъ.

* *
*

Разъ пидошовъ въ Панька нестало, —

Та-й передивъ було щось мало, —

Бо все село винъ обшывавъ, —

Такъ сходъ товару бувъ чымалый;
Въ сели жь хочъ бувъ, такъ все поганый,
Панько у городъ почвалавъ.

* *
*

Видъ Лищивъ городъ неблизенько,
Панько вморывся чымаленько,
Такъ сивъ пидъ верству виддыхать;
Сыдивъ винъ довго сумувавши
Дали схопивсь мовъ що згадавши,
Почавъ верстви тій такъ казать:

* *
*

«Отъ скилки въ городъ нечвалаю,
«А все тебе я тутъ стричаю,
«Ни капли зъ мисяца незійшла! . . .
«Та хочъ бы жь трохи ворохнулась,
«Хочъ бы изъ мисця издвыгнулась,
«И въ городъ трохи подійшла!

* *
*

«Бо тутъ на холоди трясешся,
«Бо тутъ на сонци ты печешся,
«И кыснешъ тута пидъ дощемъ;
«Въ банькы проходимъ зазыраешъ,
«И видъ нудьгы соби куняешъ,
«Стоишь сердешна все стовбцемъ.

* *
*

«Ну годи жъ тутъ тоби сторчаты,
«Пора у городъ поспишаты
«Пора у ніого зазырнуть!
«Пора вже йты туды, небого,
«Куда лежыть отця дорога,
«Куда и я, и вси идуть. . , .»

* *
*

Верства Панькови видвичала:
«Ты говорывъ, а я мовчала,
«Теперь послухай вже мене!
«Та слухай Паньку не кунявшы,

«И замичай все незивавшы
«Теперь скажу щось для тебе!

* *
*

«Мене уткнулы тутъ небогу,
«Щобъ я казала всимъ дорогу,
«Хто скильки вьихавъ и пройшовъ;
«Та-й скильки треба мандруваты,
«Щобъ що у городи узяты:
«Чы брыль кому, чы пидошовъ.

* *
*

«Но хочъ усимъ я произжалымъ,
«И всимъ по шляху прохожалымъ,
«Дорогу въ городъ и кажу,—
«Сама жъ стою, та все куняю,
«Иты у городъ небажаю,
«Та и николы нехожу.»

* *
*

«Такихъ въ сели у насъ багацько!»
Сказавъ Панько ій скорохвацько,—

«Що учуть насъ,—а самы сплять;
«Що намъ велять, добро робыты,
«Мовлявъ туды й сюды ходыты,
«Самы жъ по хатахъ все сыдять!

П. Кореницкій.

НА ПУЩАНЬНЯ ЯКЪ ЗАВ'ЯЗАНО.

Диждалыся пущанья на писть. Хома й каже жинци: «Гляды-жъ, Кулыно! Нагодуй мене такъ, щобъ черезъ цисинькѣй писть не захотилося мыни исты.»

— «Та добрежъ, добре. Ижъ тилки на здоровья, а то прыдбала усего.» — Сказала Кулына и постановыла передъ нымъ макотертъ вареныкивъ, та повни-синьку мыску млынцивъ. Учыстывъ Хома якъ разъ, маслычкомъ польваючи, та у смытану обмокуючы.

Зибрала Кулына саме черипья, и постановыла обидаты. Борщъ зъ сулою

мудрый, смытанкою засмажений ; каша тоби пшоняна, такъ и плава у маслычку; локшына у молоци; галушечкы на яечкахъ, та тежъ зъ молокомъ; тараня у маслычку напняжена; та молошнои кашы пив-макитры; тилки и усего. Ажъ повыскромажувавъ усе сердешный Хома, та на потуху пивъ-глека молока, та й сивъ, и дрима.

Ще не гараздъ и прочунявъ, вже й полуднуваты пора. Тутъ и вродылаея каша до молока; гречаныкы горячи до маслычка; упысавъ ихъ Хома самотужкы ажъ зо-тры, та добравъ пятирко рыбокъ тарани у масли шкварчачыхъ.

«Що-жь? Недалеко вже до вечера. Будемо пидвечиркуваты.» Такъ сказавъ Хома, ледви духъ переводючы.

Мысочку млынцивъ, та буханцивъ зо-два у смытанку обмокуючы, отъ чоловікови й буде. «Нехай — каже — ще повечеряю чого не-будь.»

Упорався Хома и зъ вечерею: доволить усе, що постановыла жинка, и борщыку, и каши, и рыбки, и млынцивъ и буханцивъ; а дали тырыть и вареныкивъ макитру. Якъ кулаки, плавають у масли. Сопе Хома, дотрощуе ихъ, та вже спочываючы. Росперезався, сылкуетця. . . . отъ-отъ и дно выдко, та бачыть що лыхо, отъ здыхнувши и каже:

«Що се, жинко, зо мною сталося?—
Що-сь недоимъ.»

— «Охъ мыни лыхо! — Чы не зъ очей?» —

«Ни! — ледви промовывъ, тяжко
дыхаючи, сердешный Хома: — «Бачу,
на пущанья якъ завъязано!»)

Г. Основьяненко.

БАЙКА.

. . . . Quis rides?

Моя Байка

Ни бійка, ни лайка:

Нехай ніхто на себе не прыймає,

А всякъ на усъ соби мотає —

Хто усы має. . . .

=

Метелькъ.

Загрузъ зъ воламы визъ. Втомывшыся волы

Въ багни ляглы,

Втомывшы й мужыка небога.

На вози сядючы, Метелькъ розсудывъ,

Що винъ зъ снопамы визъ въ болоти загру-

зывъ —

Изнявся й полетивъ , сказавшы : «идьте зъ
Богомъ!»

Ликарь та Здоровья.

Разъ Ликарь въ городъ одправлявсь
И на поли зъ здоровьямъ постричавсь:
«Видкиль ты?» — Зъ города. — «Куды?» — Въ село
служыты:

Мыни зъ тобою вдвохъ не жыты.

Дядько й Дядына.

Мій Дядько деколы мене побье й полае —
Та й суне въ руку медяныкъ
(Я до того й прывыкъ!);
А Дядыня моя — цилуючы кусае!

Клыма зъ.

Спыталы Клыма разъ: яка найлучча птыця:
Чы чыжъ, чы соловей, чычитка, чы сыныця?

Голодный Клымъ озвавсь, баса:

«Найлучча птыця — ковбаса.»

Голодній, бачь, куми

Хлибъ на ули.

Сусидство.

Зійшла на поли коноплына,

Одна, въ степу, якъ сыротына.

А округы порись будякъ,

Свырипа й коровьякъ:

Бадымля вкоренылось,

И коноплыну — заглушыло.

Миръ, голодъ и вѣйна — то страшни людоиды;

А ще страшниши — зли сусиды.

Грыцькова жинка.

Грыцько въ могылу жинку провожавъ,

И плачучы Паламаря прохавъ —

Щобъ тыхо мавъ дзвоньты:
Щобъ жинкы, Боже крый, упьять нерозбудыты!
Мабуть Грыцько хотивъ безъ горя жыты!

Москаль и Мотря.

Москаль у Мотри гуску вкравъ,
Сховавъ пидъ полу—й *драла давъ!*
А Мотря, зуздрившы, крычыть прытьмомъ:
«Москалю!

Оттакъ!

Взявъ гуску-та-й бижышь! — виддай же, бо
налаю!»

Москаль виддавъ, сказавшы Мотри такъ:
«А разви гуска-ста?—я, право-ста, незнаю! —
На, тетка, не сердись:—я думалъ, што гусакъ.»

Бачь: гуску вкравъ

Ще й выйшовъ правъ!

Клымъ пьяный.

Клымъ, *пьяный якъ земля*, зъ шинка ишовъ
вѣ витрякъ,
Та ставъ на улыци и ключъ держыть вѣ ру-
кахъ;

А кумъ, побачывшы, озвався такъ до Клыма:

«Иды вѣ витрякъ—витрякъ передъ очыма
А Клымъ ему: «Трывай — млыны до мене
йдуть —
Пидійде мій — ось ключъ — зумію виддым-
кнутъ!»

«Свій домъ — своя воля.»

Хомыха чоловика была

(Не на лыхо жъ Хому Хомыха вчыла!):

Хома постилъ

Видъ жинкы заховавсь — пидъ пилъ

И вѣ *три погыбели* звернувшыся, трусывся

И плакавъ и просився. . . .

Хомыха зъ рогачемъ прысикалась : «вылазь!
Вылазь, лычыно зла!» . . . Хома въ куточку
бгавсь

И плачучы озвавсь:

«Не вылизу! — тоби я потураты годи! —
Я господинъ въ свойй господи!»

Ричка й Море,

На Ричку Море разъ гнивылось и ревла,
Що Ричка берегы водою розбовтала;

А Ричка Морю такъ сказала:

«Якъ бы не мы, Ричкы, — тыбъ Моремъ не
було.»

Левъ Боровиковскій,

**ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ОПЕРЫ
МОСКАЛЬ ЧАРИВНЫКЪ.**

1.

(изъ явленія седмаго)

Солдатъ.

Эхъ, кабы теперъ подала хозяйка лаврѣничковъ. Этихъ знаешь треугольничковъ.

Михайло.

Лавреничковъ! Якій то у васъ москаливъ языкъ лубьяный! сколько межъ нами вештаетесь, а йдоси не вымовыщъ вареныкивъ.

Солдатъ.

Ну варениковъ ; да что ты чупрунъ объ москаляхъ такъ плохо думаешь. Да

я какъ захочу то по хахлатски буду говорить не хуже тебя.

Мыхайло.

(повагомъ) Дыво! може и заспиваешъ по нашому? —

Солдатъ.

А почему жъ и нѣтъ; слушай въ оба.

Мыхайло.

Слухаю, слушаю. Прислухайся и ты Тетяно.

Солдатъ. (спива)

Ой былъ да нѣма, да поѣхаль на мѣлницу
Бѣдна моя головушка, одна дома осталась.

Дѣвчина моя Переяславка

Дай мнѣ поужинать моя ласточка

Охъ я бѣдняжка яжъ не топила

За водою какъ пошла віодры побила.

А до одной пришовши, пѣчку развалила

За то меня родимая чуть чуть не ушибла.

(Мыхайло и Тетяна регочутся сол-
дать на нихъ глядя тожь сміється а да
ли каже.)

Солдатъ.

Чтожь вы смѣетесь? развѣ худо
спѣль.

Мыхайло и Тетяна (разомъ).

Гарно, гарно ничего сказаты.

Мыхайло.

Утявѣ до гаплькивѣ (сміється).

Тетяна.

Ажъ пальци знаты.

Мыхайло.

Де ты такъ вывчывся? се дыковы-
на! не можно й розпизнаты; такы зо-
всимъ по нащому (сміється).

Солдатъ.

Да спойка ты хозяинѣ, хотъ одну
Рускую пѣсню. — Ну спой! Э братъ
сталь! —

Мыхайло.

Вашу! а яку може соколыка, або ку-
кушечку; може лапушку, або кумошку;
може рукавичку, або пидпоясочку? уби-
райся съ своими писнями! правду ска-
зати есть що й перейматы — жинко!
заспивай же ты по своему ту писню,
що москаль спивавъ (салдату) сядь та
послухай, якъ вона спива.

Тетяна.

Добре чоловіче заспиваю.

Ой бувъ та нема, та поихавъ до млына.

Бидна моя головонька, що я дома не була! 2

* *
*

Дивчыно моя тыжь моя й маты

Довгожь мыни мое сердце безъ тебе скучаты? 2

* *
*

Дивчыно моя Переясливко

Дай мыни вечеряты моя ластивко! 2

* *
*

Яжъ ни топыла яжъ ни варыла

По воду пишла, видра побыла 2

* *
*

А до дому прышла, ничь розвалыла

За те мене моя маты троха не побыла. 2

* *
*

Михайло.

А щоръ яково?

2.

(изъ явленія одиннадцатаго)

Михайло.

Що уже моя Тетяна, то чернобры-
ва, кохана.

Съ того часу якъ женивсь

Я никола не журывсь.

Ой чукъ Тетяна

Чорнобрыва кохана.

За Тетяну сто кипъ давъ,

Бо Тетяну сподобавъ.

Ой чукъ Тетяна и проч.

За марусю пятака,

Бо маруся не така.

Ой чукъ Тетяна и проч.

Я веселый и здоровъ

Одъ Тетянынихъ бровъ.

Ой чукъ Тетяна и проч.

Якъ Тетяна засміється

Въ души радость отдається.

Ой чукъ Тетяно и проч.

Солдатъ.

Ай хозяинь! да ты братъ хватъ?

Тетяна.

А ты думавъ що у мене человекъ
абы якый, не бійсь, себе не выдасть.

Будь у мене мужычокъ съ кулачокъ
А таки я мужыкова жинка.

Я за іого захылюсь, захылюсь,

Та ни кого не боюсь, не боюсь 2.

Ой до мене губерецъ пидсыпавсь

И любви добывавсь, добывавсь,

Я губерця любыты нестала,

Іого трясъця напала, напала 2.

Молодыце чія ты? чія ты?

Пусты мене до хаты, до хаты;

Пиды къ чорту убирайсь, убирайсь

Коло ворить немотайсь, немотайсь.

Мыхайло.

Воно такъ, вашечи проше сучка
санчата замчала, у насъ реминьця за
лычко не выминяешъ.

И. Котляревскій.

НА ВИЧНУ ПАМ'ЯТЬ КОТЛЯРЕВСКОМУ.

Сонце гріє, витерьъ віє
Съ поля на долину,
Надъ водою гнє зъ вербою
Червону калыну;
На калыни одыноке
Гниздечко гойдає.
А дежъ дився соловейко?
Непытай, незнає.
Згадай лыхо той байдуже,
Мынулось пропало;
Згадай добре — сердце вяне
Чому неосталось.
Отожь гляну тай згадаю,
Було, якъ смеркає,
Защєбече на калыни,

Ни хто ни мынае;
Чы богатый, кого доля,
Якъ маты дытыну
Убирае, доглядае,
Не мене калыну;
Чы сирота, що до свита
Мусыть уставаты,
Опынытсья, послухае,
Мовь батько та маты
Роспытують, розмовляють,
Сердце бьется любо,
И свить божый якъ великъ-день,
И люде якъ люде!
Чы дивчына що мылого
Щодень выглядае
Вяне, сохне сиротою,
Де дитысь незнае,
Пиде на шляхъ подывитсья,
Поплакаты въ лозы,

Защобече соловейко,
Сохнуть дрибни слезы,
Послухае, усмихнется,
Пиде темнымъ гаемъ. . . .

Нибы зъ мылымъ розмовляла.

А винь знай спивае

Та дрибно, та ривно, якъ Бога благае
Покы выйде злодій на шляхъ погулять
Зъ ножемъ у халяви—пиде луна гаемъ
Пиде та замовкне—на що щebetать?
Запеклую душу злодія неспыныть
Тильки стратыть голосъ добру не навчыть;
Нехай винь лютуе покы самъ загыне
Покы безголовья воронъ прокрычыть
Засне долына, на калыни
И соловейко задрима.
Повіе витерь по долыни,
Пишла дибровою луна,
Луна гуляе, божа мова,

Встануть сердегы працювать;
Пійдуть коровы на дибровы;
Выйдуть дивчата воду брать,
Выгляне сонце. Рай та й годи!
Верба сміється,—свято скризь!
Злодій заплаче, дарма що злодій,
Такъ було першъ; теперъ дивысь.

Сонце гріє, витерь віє
Съ поля на долину;
Надъ водою гне зъ вербою
Червону калыну;
На калыни одыноке
Гниздечко гойдає.
А де дився соловейко
Не пытай, незнає.

Недавно, недавно у насъ въ Украини
Старый Котляревский отакъ щебетавъ;
Замовкъ неборака, сыротамы кынувъ
И горы и море де перше вытавъ

Де ватагу пройдысвита
Водывъ за собою,
Все осталось, все сумуе,
Якъ руины Трои;
Все сумуе тильки слава
Сонцемъ засіяла;
Не ввре кобзарь бо на-вики
Его привитала.
Будешъ батьку пануваты
Покы жывуть люде,
Покы сонце зъ неба сля
Тебе не забудуть.

Праведная душе, прыймыжъ мою мову
Не мудру та щыру прыймы привитай
Некынь сыротою, якъ кынувъ дибровы,
Прылыны до мене хочь на одно слово,
Та про Украину мыни заспивай.
Нехай усмихнется душа на чужбыни
Хочь разъ усмихнется.— Дывлючысь якъ ты

Всю славу козацьку за словомъ единымъ
Перенись въ убогу хату сироты.
Прылынь сызый орле — бо я одынокый
Сирота на свиты въ чужому краю;
Дывлюся на море шыроке, глыбоке,
Поплывь бы на той бикъ новна ни дають!
Згадаю Энея, згадаю родину,
Згадаю, заплачу якъ тая дытына;
А хвыли на той бикъ идуть, та ревуть,
А може я й темный ничего не бачу,
Може моя доля на тимъ боци плаче,
Бо сироту всюды люды осміють;
Нехай бы сміялись, та тамъ море грае,
Тамъ мисяць, тамъ сонце яснийше сія,
И зъ витромъ могла въ степу розмовляє,
Тамъ не одинокий зъ нею бувъ бы я.
Праведная душе, прыймы мою мову
Не мудру та щиру, прыймы прывитай
Не кынь сиротою якъ кынувъ дибровы

Прылыни до мене хочъ на одно слово,
Та про Украину мыни заспивай.

Тече вода въ сыне море

Та ни вытикае,

Шука казакъ свою долю,

А доли немає.

Пишовъ козакъ свить за очи;

Грае сыне море,

Грае сердце козацькее,

А думка говорыть :

«Куды ты йдешъ не спытавшысь?»

На кого покынувъ

Батька, неньку старенькую,

Молоду дивчыну?

На чужыни не ти люде

Тяжко зъ ными жыты!

Нискимъ буде поплакаты,

Ни поговорыты,

Сыдыть козакъ на тимъ боци;

Грае сыне море,
Думавъ доля застринется,
Спиткалося горе!
А журавли летять соби
Додому ключамы!
Плаче козакъ, шляхы быти
Зарослы тернамы.

Т. Шевченко.

ПРОЩАННЯ.

Прощай весела сторона!
Ябъ не покынувъ Украины:
Твоя пахучая весна,
Твои квітчастыи долины
Твои весели небеса,
Твои лугы, твои лиса,
Твои густы, червони лозы,

Пидь темный вечерь соловей,
Усе краса. . . . Чогожъ зъ очей
Гарячи покотылысь слезы?

Ни! серденько повне якоись печали
Ты гарна мовъ ридна моя сторона,
И писни твои мыни въ душу запалы,
У серци звынить отъ тихъ писень луна!
Такъ тильки жъ пизнавъ я на сій Украини
Чого ще не знавъ у своій сторони,
Скризь пусто, скризь пусто на свити мыни,
Якъ въ чистому поли самотній былыни.

Чого жъ я плачу? Геть печаль!

Чого жъ сумую? Годи! буде!

Мыни ни кого тутъ ни жаль,

Небратались зо мною люде. . .

Мене ни хто тутъ ни кохавъ

Якъ ридный братъ кохае брата,

Ни кто незнавъ, не шанувавъ,

Тай хтобъ пожалувавъ солдата?

Далеко десь моя семья!

А тутъ усимъ неридный я...

Усяке цурается... охъ на чужбыни

Неистся и хлиба святого шматокъ!

И хлибъ подадутъ той не якъ сыротыни

А кынуть мовъ часомъ собаці кистокъ.

Колыжь ты сердега недужый застогнешь

И пыты попросышь, ни брате не жды:

Уже ты видь себе усихъ порозгонышь,

Хочь тильки попросышь и кухлыкъ воды.

Теперь же я запевно бачу

Чого такъ дуже гирко плачу,

Чого сумую, що мыни

У сій веселій сторони

Зъ печалью душу одружыло.

Недобрый краю зновъ прощай!...

Ни! покыдаючы сей край,

Ще серденько чогось заныло....

Мовъ сыняя стричка Донецъ пидъ горою

Кругъ іого лисы та шыроки лугы,
Мовъ кылымъ шовковый здаются весною
У квиткахъ пахучихъ іого берегы,
А тамъ зеленіе гора за пискамы,
Черезъ гору стежечка геть простяглась,
Пишла по байракахъ, ярамы, степамы,
И въ двирь ажъ до паньскихъ будынокъ якъ
разъ. . . .

За тін будынкы ховається сонце,
Далеко ихъ тинь полягла по луци;
И дивчина гарна стоить край виконьця,
И перстень ажъ сєе на билій руци.

А. Чужбинскій.

НАРОДНІ ПОСЛОВЫЦІ.

Загубылася дытына у ярмарку: бігае, рыдае, ридной матери шукае! А народъ дытыны пытае: яка жъ твоя, галочко маты? — А дытына кризь-слёзы й каже: «мовъ вы й незнаете?—*найкраща* видъ усихъ!—*вона мене голубыла* й годувала, и въ недиленьку билу сорочечку надягала. . . .»

Моя маты — Малороссія: вона мене голубыла й годувала, и на все добре наставляла. Якъ щыра дытына, я їи слухавъ — и по-викъ не забуду, що вона мыни говорыла, якъ на все-добре вчыла — якъ зъ людьмы жыты, якъ на свити

добре робыты... Послухайте, мыряне,
хочь соту долю, що вона мыни—маты
ридній дытыни—казала:

1.

Абы булы побрязкачи
То будуть и послухачи.

2.

Абы мыни мисяць свитывъ ; а звизды я
й кулакомъ побью.

3.

Абы не лежачого Татары взяли!

4.

Або ты, тату, иды по дрова,

А я буду дома;

Або жь я буду дома.

А ты йды по дрова.

5.

Багато панивъ — а на греблю й никому.

6.

Безъ хазяина—й товаръ плаче.

7.

Богъ не безъ мылосты, а козакъ не безъ счастья.

8.

Брехнею увесь свить прійдешъ — та назадъ не вернешся.

9.

Видь Москаля (злого) — полы врижъ , та втикай!

10.

Гости першого дня—золото;

Другого—срибло;

А третёго—мидь

Хочь додому идь!

11.

Добувсь—якъ Шведь пидь Полтавою.

12.

Е въ глеку молоко — та голова не влизе!

13.

Жывы ни шатко, ни валко, ни на
сторону.

14.

Заставъ дурного Богу молитця — то
винъ и лобъ пробье.

15.

Зъ брехни не мрутъ —
Та виры былшь не-ймуть.

16.

Зъ дужымъ — не борысь;
А зъ богатымъ — не судысь.

17.

Зъ ледачого вовка — хоть шерсты клокъ.

18.

Зъ чужого воза — посередъ калюжи вста-
нешъ.

19.

Казавъ пань:

Кожухъ дамь—

Та й слово ёго тепле.

20.

Колыбъ знаття, де впаду—то бь и со-
ломкы пидмостывь.

21.

Колы не коваль,

То й рукъ (молотка) непогань.

22.

Кому-кому, а куцому-зась!

25.

Кому чарка, кому дви;

Кому нема й одныи.

24.

Куля мыне; а матерыне слово не мыне.

25.

Ледачому животови—и пырогы вадять

26.

Лучче свое — латане,
А нижь чуже — хапане.

27.

Лыхо Лытвына нападе, якъ не дзѣкне.

28.

Людей слухай — та й свій розумъ май.

29.

Москаль зна — та ще пытаетця.

30.

На чужый коровай
Очей не порывай,
Та соби дбай

31.

На чыимъ вози сыдышь;
Того й волю волы.

32.

Не Богъ на смерть веде,
Самъ чоловикъ иде.

33.

Не вирь
То звирь:

Хочь не вкусыть — то злякае.

34.

Не все те й переймать, що на води
плыве.

35.

Не въ тимь сыла,
Що кобыла сыва;
А якъ вона везе?

36.

Не дурный той вовкъ, що въ пусту
кошару заглядае!

37.

Не жалій ухналя бо пидкову згубышь.

38.

Не ила душа часныку — не буде й во-
няты:

39.

Не море топыть — калюжа.

40.

Не на-довго старый жениця,

41.

Не на те козакъ бье,

Що е;

А на те — що буде.

42.

Не той дужый, що поборовъ; а той, що
вывернувся.

43.

Николы съ панамы

Не миряйсь рукамы:

Бо якъ довги — видрижуть;

А коротки — вытягнуть.

44.

Нихто не знае — чый чобить мулыть.

45.

Оженысь —

Та й зажурысь

46.

Паны скубутця, — а въ мужыкивъ чубы
болять!

47.

Пидъ лежачый камень и вода не тече.

48.

Писля шкоды — и Ляхъ мудрый.

49.

Покирне телятко дви матки ссе; а злее
ни одной.

50.

Покы сонце зйде — роса очи вынсть.

51.

Половина свита скаче;

А половина — плаче.

52.

Поможы, Боже нежонатому; а жонатому
й жинка поможе.

53.

По-неволи Пани
Ходыть у жупани—
Бо свыткы нема

54.

Попередь невода не ловы рыбы.

55.

Поставь хату зь лободы—
Та вь чужую не веды.

56.

Пошлы дурного,
А за нымь другого

57.

Рада бь мама
За пана,
Такъ пань не бере.

58.

Свыни не до поросятъ,
Колы свыню смалютъ.

59.

Симъ рикъ маку не родыло — та голоду
не було.

60.

Скачы, враже,
Якъ панъ каже.

61.

Сова хочь спыть — та курей бачыть,

62.

Старый вилъ борозны не поргыть.

63.

Сто бабъ — сто немочей.

64.

Товаръ у вози
А надія у Бози.

65.

Тогди деры лубья—якъ дерутця

66.

Тогди сыроти Велыкдень—якъ сорочка
била.

67.

Треба жыть

Якъ набижыть.

68.

Тыха вода гребли рве.

69.

У лиси вовкы выють; а на печи страшно.

70.

Хатнёго злодія не встережешся.

71.

Хочь близько

Та слызько;

Хочь далеко
Та легко.

72.

Хочь варыла — не варыла,
Абы гараздъ говорыла

73.

Хочь въ орди
Та въ добри.

74.

Хочь погано баба танцюе — та довго.

75.

Хочь пыка въ крови — та наша взяла!

76.

Хочетця — якъ голому на-улицю.

77.

Хто дба
Той ма.

78.

Хто не слуха тата,
Той послуха ката.

79.

Хто про-що; а винь про Налывайка.

80.

Чужа хата
Гирше ката.

81.

Языкь до Кыева доведе — и до кыя.

82.

Якъ е старе (старше) въ хати —
То бивь бы,
А якъ нема —
Купивь бы, —
Та нигде!

==

На сей разъ—буде ; выбачайте. Колысь
я вамъ землякамъ , скилько въ мене е—вси
передамъ. А теперь , щобъ съ сею кныжкой
не скучалы—можебъ-яку загадку прочыталы?

ЗАГАДКИ.

==

1.

Плыве щука
Зъ Кременчука:
Куды гляне—
Трава вьяне.

Квн

2.

Лежыть гася
Простяглася,
Якъ устане—
То й неба достане

3.

Шыло — мотовыло
Попидъ небесамы ходыло,
По-Нимецьки говорыло;
По-Турецьки закъдало.

4.

Била рилля — чорне насиння.

5.

Повна пичь паляныць,
Посередыни — кнышъ.

6.

Крыкнула утка
На мори чутка:
Збиглыся диткы
Не одныи маткы.

7.

Стоить стрила
Середь двора;

А въ тій стрили
Симъ-сотъ и дви.

8.

Ходыть квочка
Коло килочка,
Та все: квокъ! квокъ!

9.

Лежыть колода
Середь болота,
Та ще й не зогныла

10.

Летивъ горобецъ
Черезъ хливецъ,
Та въ-гору хуръ, хуръ!

11.

Крыкнувъ вилъ
На сто гиръ,
На тысячу городивъ,

12.

У Кыеви дрова рублють,
А на увесь мырь трискы летять

13.

Лысый виль кризь ворота дывытця.

14.

Костянь, деревьянь,
Черезь гору свыни гнавъ.

15.

Круть — верть —
Пидь черепочкомъ смерть.

16.

Що въ хати есть не тесане?

17.

Биглы два псы,
Позадыралы носы.

18.

Межь трёма дубамы
Завязло теля зубамы.

19.

За лисомъ, за пролисомъ шнуръ плаття
висыть.

20.

Жовта курыця
Пидъ тыномъ кублытця.

21.

Чорненьке, маленьке,
Увесь свить провидало
Въ Царя обидало.

22.

Чорненьке, маленьке — хочь яку колоду
то поверне.

23.

Одно каже: свитай, Боже!
Друго каже: не-дай, Боже!
А трете каже: мыни все однаково!

24.

Сире сукно
Лизе въ викно.

25.

Чорне сукно
Лизе въ викно.

26.

Прыйшоєъ хтось
Та взявъ щось:
Бигъ бы я за нымъ—
Та не знаю: за кимъ?

27.

Ни виконъ, ни дверей,
Повна церква людей.

28.

За лисомъ; за пролисомъ червона днжа
СХОДЫТЬ.

29.

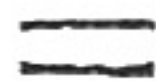
Стоить дидь надь водою,
Колывае бородою.

30.

Чорненьке
Маленьке
Кризъ тынь кышечкы тягне.

ВИДГАДКЫ.

1. Коса.
2. Дорога.
5. Ластивка.
4. Бумага та слова.
5. Звизды та мисяць.

6. Дзвинь, паравіяне, церковъ.
7. Макивка.
8. Ветушка.
9. Языкъ.
10. Дымъ изъ верха.
11. Гримъ.
12. Дзвинь и луна его.
13. Мисяць.
14. Гребинець.
15. Завертка.
16. Павутина.
17. Сани (полозья).
18. Сокрыра.
19. Зубы.
20. Морква.
21. Перець.
2. Блоха.
23. Виконо — Двери — Сволокъ.
24. Ранокъ.

25. Ничъ.
26. Огонь.
27. Огурокъ.
28. Сонце.
29. Очереть.
30. Голка — полотно — ниткы.

Л. Боровиковскій.

НАРОДНИ МАЛОРОССІЙСКИ ПИСНИ.

1.

Ой зійды зійды ясний місяцю,
Высоко надъ горою!

Ой выйды выйды сердце дивчыно,
Поговорымъ съ тобою! } 2 раз.

Ой якъ же буду серденько мое,
До тебе выходыты?

Насъ люде знаютъ та-й-осуждають,
Щобъ тебе не любыты! } 2 р.

Нехай же судять, нехай говорють,
Хочъ по всіому свиту;

Яжъ тебе люблю и любытому,
Охъ мій маковый цвиту! } 2 раз.

Тыжъ мене любывъ,
Тыжъ мене кохавъ,
Якъ ядерце въ гориси;
Теперь поихавъ, мене покынувъ,
Якъ горобоньку въ стриси!

Ой куды идешъ, куды пойдешъ
Та мій милый видъ мене?

Недаленько, мое серденько,
За тры мыли видъ тебе. } 2 раз.

2.

Ой маты маты старая
На щожъ ты мене карала,
За пьяныченьку давала?
А пьяныченько усе пье,
Прыйде до дому мене бье.

А ты доненько умыкай
Та въ виконечко утикай

Чортъ іогожъ матинко утече,
Винъ мене піймае за плече,
А въ мене плече гаряче;
Винъ соби рученькы попече,
Такы мыни головоньку натовче.

3.

Та вжежъ мы-й-понедили
Свитонька не выдалы;
Пидемо, поскачемо,
Свитонька побачымо,
А ты старосто не сыды
Насъ танцюваты поведы,
А якъ не встанешъ — пидведемо;
Мыжъ тебе до сорома доведемо.

4.

И живъ не любила,
И вмеръ не тужыла,

Тоди трошки потужыла
Якъ на лавци положыла,
Якъ у яму опустыла
То и журба вся видпала,
Засыпала, закопала,
Ниженькамы прытоптала.
Ниженькамы тупь-тупь:
Лежы старый туть-туть.
А я молоденька
Гуляты раденька.

5.

Та вжежь третій вечирь,
Якъ я дивчыну бачывь,
Що казала выйду
Та теперь не выходыть.
Выйды, выйды дивычно!
Выйды порадонько ты моя! } 2 раз.

Ой! рада бѣ же выйтѣ я,
Та неволонька моя,
Не пускае мене маты
Тимъ, що я молода;
Не пускае гуляты
Зъ тобою серденько стояты.

Та сидыть дивчинонька,
Та сидыть край виконця,
Шые хустыноньку
Та й-немовыть ни словця.
Промовъ, промовъ словечко
Якъ мы любылыся двоечко;
Промовъ, промовъ хочъ двое
Якъ мы любылысь обое.

Та колыбѣ же намъ съ тобою
Та на рушнычку статы;
Не розлучыть отець
И ни ридная маты

Не розлучить родина,
Колы судылась дружина;
Не розлучить ридниша,
Колы найшлася вирниша.

6.

Ой! на вулиці
Метельця струже;
Ой видчынній друже,
Бо-йду п'яна дуже
Ой видчынній, видчынній
Та своїй коханці;
Ой якъ пишла изъ вечора
Та иду у-ранці!

7.

И вчора пыла,
И сіюгодня п'ю;

Прыйду до дому
Чоловика побью.
А въ мене чоловикъ
Дай Боже іому викъ
Вечеряты наварывъ,
Та и мене розбудывъ:
Та встанъ жинко переясливко,
Покуштуй борщу моя ластивко!
Колыжъ ты наварывъ,
То и ижъ же тыхо,
Якъ устану покуштую,
Буде тобі лыхо!

8.

Дашъ мене.—Мій батеньку
И самъ бачышь;
Та не раздъ—не два
Ты за мною, та заплачешъ.

Якъ вышенькы, черешенькы,
Та цвистымутъ,
Якъ дивочки, та виночки,
Та плыстымутъ;
Мымо Твои вориточка
Та нестымутъ,
Та не будутъ та до хаты
Прывертаты,
Та не будутъ виконечка
Видсуваты — та не будутъ
Галочки выклякаты.

Зыбрани С. Шереперею.

Летивъ орель понадъ моремъ та й ставъ
ГОЛОСЫТЫ.

Ой якъ мыни убогому багату любыты. 2.

Не тамъ щастья бачь бувае де багати люде;
Поберимось по любви той щастя намъ буде.

Ой ты доле несчастная яка ты зрадыва;
Дала на часъ спизнатыся, теперь розлучыла.

Дай же мини годиноньку нехай я мылую
Стысну щыро за рученьку, хочь разъ поцилую.

А стыснувшы волю дамъ я серденьку мылому
Гирко плакать, одъижжавшы не скажу никому.

Будь здорова дивчынонько пора одъижжаты,
Пора мини мое сердце тебе покыдаты.

Коню сывый службы щыро та й не спотыкайся,
А найшвыдче до мылои зо мною вертайся.

Изъ за горы сонце зходыть, за другую зайде,
А хто кого вирно любыть, то и всюды найде.

2.

Ой волы мои да половыи
Чомъ вы не орете?

Ой лита мои да молодыи
Чогожъ вы марно идете?

Ой колыбъ же мы та запряжени
Мы бь оралы, не стоялы;
Ой колыбъ же мы роскоши малы
Мы бь марно непропалы,

Оралы волы, оралы,
Никому поганяты

Ой прошлы мои лита молоди,
Конемъ не нагнаты.

Отдала мене моя матицька,
Отдала, заручыла;
Якъ зеленую коноплыночку
Въ озеры намочыла.

Ой колы моя коноплыночка
Въ тимъ озеры зыйде;
Тогди до мене моя доненька
Въ гостыночкы прыйде.

Ой не бый мене матинко
Николы ни за що,
Побыла мене лыха годына,
Превельке ледащо.

Ой не бый мене моя матицько!
Товстою палюгою,
Побыла мене лыхая годына
И зъ симъ пьянюгою.

Ой не бый мене моя матинько!

Не робы каличенькы

Завьяжы очи, темной ночи,

Та веды до риченькы.

Завьяжы въ рядно та пусты на дно;

Якъ я буду потопаты,

Тяжко та важко моя матинько

Роскоши забуваты.

Колыбъ такъ тоби якъ теперь мыни

Бидонька докучыла;

Ты бь коня добувь, до мене прыбувь

Щобъ же я не скучыла.

Колыбъ такъ тоби якъ теперь мыни

Дивчыни небози;

Тобъ ты поихавъ та не барывся

У великій дорози.

Ой на вольки та налыгачи,

На коныченькы пута.

Колыбѣ не ты, сердце дивчино,
Не бувъ бы я тута.

На волюкы воловидыкы
На коныченькы узды;
Колыбѣ не ты сердце дивчино,
То не знавъ бы я нужды.

Ой на волюкы та налыгачи
На коныченькы вижки;
Колыбѣ не ты сердце дивчино
Не ходывъ бы я пишкы.

Весильна.

Ходыть гарбузь по городу,
Пытається своего роду:
Ой чы жыви, чы здорови
Вси родычи гарбузови?

Обызвaлaсь жoвтa дыня:
Oй я твoя гoспoдыня.
Обызвaлысь oгурoчки:
A мы твои сыны й дoчки.

УКРАИНСКА МЕЛОДІЯ.

«Ни мамo, нeмoжна нeлюбa любыть;
Нeщaстнaя дoля изъ нeлюбoмъ жыть.
Oхъ тяжкo, oхъ важкo, зъ нимъ ричь рoзмo-
вляты.
Хай луччe я буду весь вiкъ дивoваты!»
— Хыбaжъ ты нe бачышь якa я старa?
Мыни въ дoмoвыну лягaты пoрa.
Якъ oчи закpью щo будe зъ тoбoю?
Oстанeшься дoню oднa, сирoтoю!
A въ свити якeе жытьe сирoти?
II гoрe и нужду тeрнитeмeшь ты.

Я дочку пустывшы, мовлявъ, напоталу,
Стогнать пидь землею якъ горлыця стану.

«О мамо! голубко, не плачь, не рыдай,
Готуй рушныкы и хусткы вышивай.
Нехай за нелюбомъ я щастья утрачу;
Ты будешь весела, одна я заплачу!»

Генъ тамъ, на могыли, хрестъ Божый стоить,
Пидь нимъ рано й вечоръ матуся квилыть:
«О Боже мій мылый! Що я наробыла!
Дочку, якъ схотила, изъ свита згубыла!»

Е. Гребенка.

РОЗСТАВАННЯ.

(зъ писень.)

Ой кряче ворошъ, негодоньку чуе:
Щось Козакови серденько вищуе.
Козакъ сидла коня вороного,
Винь хоче ихать до краю чужого,
Хоче на поли пошукаты доли:
Козацька охота — гирше неволи.
Роду й худобы не жаль Козакови,
Та жаль дивчыны ему молодой.

Зиронька ясна за мисяцемъ сходять:
Козакъ изъ двора коньика выводять;
Козакъ на кони воропому грае;
Дивчына вийшла, Козака пытае:

*

«Серце-Козаче, якъ рано рушаешъ,—
Куды такъ рано зъ двору вынжжаешъ?
Чы идешъ въ поле сонечко стричаты,
Чы тугу зъ серця въ степу розсыпаты?»

Козакъ.

Зирко-дивчыно! Треба намъ розстатысь. . . .
Серденьку, скушно, душно дома жыты, —
Иду по степу тугоньку розбыты;
Буду я въ мори коня напуваты,
Буду край моря доленькы шукаты.

Дивчына.

Мисяцю ясний! — не идь ты далеко:
Щось мое бьетця серденько не легко;
Кинь пидь тобою вороный сумуе —
Кинь вороненькый недоленьку чуче.

Козакъ.

Дивчыно-душко! — Серденько не знае,
Де Козакова доленька гуляе;

Кинь вороненькый того зажурывся,
Шо ще сёгодня воды не напывся. . . .

Дивчина.

Свижий Барвинку! Хтожь тоби безъ мене
Билу на поли постильку постеле?
Кому, въ чужбыни, ты промовышь слово?
Съ кимъ ты подишь вирну розмову?

Козакъ.

Крыхто Марусю! билую постелю
Снигъ, заверюха у поли постелютъ;
Серцемъ сыритскимъ, щыримы словами
Буду балакать зъ буйнимы витрамы.

Дивчина.

Голубе сызий, Козаченьку любый!
Хтожь тебе въ поли къ серцю прыголубыть?
Хто тебе вкрые зъ-вечора легенько,
Хто тебе збудыть до свита раненько?

Козакъ.

Яръ мижъ горами мене прыголубыть;
Густы туманы звечора прыкрыють;
Пуща надъ яромъ зъ витрамы розбудыть,
Ранняя въ поли роса лычко змые.

Дивчына.

Серце-Козаче! въ далекій краини
Тыжъ незабудешъ объ своей дивчыни?
Словомъ, хочъ ридко, риднымъ видзывайся..
Та гирше всего — до дому не гайся!

Козакъ.

Буду я письма слёзамы пысаты,
Буду витрамы письма прысылаты....
Де Козакови — де въ свити не буты, —
Якъ тебе, серце, якъ тебе забыты?! —
Мыни згадають, темненькой ночи,
Дви ясни зирки — твои кари очи;
Серцю згадають, мылои любовы,

Въ ворона крыла — твои чорни бровы ;
Румьяни щоки — кущъ въ лози калыны ;
Сосна въ диброви — станочокъ дивчины . . .

Дивчина.

Серця жъ, Козаче, не давай никому, —
Та швыдче, мылуй, вертайся до-дому!

Козакъ.

Тоди я буду до-дому вертаться,
Якъ буде щука съ голубомъ кохаться ;
Якъ Днипръ нашъ буде Сыне море пыты
Та буде хвылю назуспять котыты
Треба вирненько Днипрови служыты
Прыйдетця въ поли головку зложыты!

Дивчина.

Хтожъ тоби въ поли очыци закрые ;
Хто биле тило до гробу обмые ?
Хто просьпывае надъ тиломъ, Козаче,
Выкопа яму, — якъ ридне заплаче ?

Козакъ.

Крыламы воронъ очыци закрые;
Дощъ изъ витрамы биле тило змые;
Кинь вирный яму выбье копытамы;
Дыки завьють звири коло ямы;
На-мисто дзвонивъ — вороння закряче;
Била на поли береза заплаче.»

Кинь полетивъ — на витри грыва мае;
У ворить стоя, дивчына рыдае.
Въ раннимъ тумани Козаченько скрывся;
Въ дивкы рукавчыкъ слизьмы измочывся.
Блудыть, литае Козаченько въ поли:
Козацька охота — гирше неволи.

Въ тры-годы витерьъ ворона заносыть;
Воронъ дивчыни кисточку прыносыть.
Тожъ тая кистка — Козака мылого:
Вже тры годы — дивка выйшла за другого.

Л. Боровиковскій.

ДО КОНЯ.

Дрыжыць серце якъ лысть и шумыць голова;
Дежъ ты коню? ты витру мій буйный?
И бумага—не степь, и перо—не трава;
Озовыся товаришъ розгульный!

За-оржи, стрепенысь, и до мене прымчысь,
Бряжчучы стременамы стальнымы!
Глянъ на мене, мій вирный, о, глянь, подивысь,
Плачу,—бачышь слёзамы якимы?

Выносы ты мене зъ отцихъ душныхъ тисныхъ.
Зъ отціого наваженного пылу;
Зъ сёго торгу людей, изъ мурованыхъ стинъ
Выносы мене швыдче мій мылый!
Туды, въ степь, де юга якъ та хмара иде,
Де послідня былынка у Бога цвите.—

Н. Мартовицкій.

ЦЫГАНЪ.

(урывокъ зъ казкы)

Бувъ соби колысь якый-сь-то Цыганъ; та такый же то прегиркый пьяныця, що й не прыведы Господы! чы е у ёго яка копійчына, такъ и несе ии у шынкъ, чы яка жупанына — винъ ии туды-жъ пре! А жинка зъ дитьмы, голи й боси, пропадають безъ хлиба; танцюють-танцюють халяндры, пишовшы у Воронижъ * (бо воны стоялы шатромъ быля Воронижа), такъ що-жъ бо? народъ не

[*] Мистечко Воронижъ у Черниговскій Губерніи, въ Глуховскому уѣзди.

дуже заглядуетця на ихъ танци, бо вже вони никому не въ-дывовыжу. А батько, я-жъ кажу, волочытця по шынкамъ, та пье, та гайнуе, та бьетця навкулачкы зъ мужыкамы. Побьють ёму усю пыку, по-пидставляють окуляры, порозрывають на нёму одежу, знакостять ни-на-що чоловіка; отъ тогди вже винъ и тягне до господы, та й лежыть пидъ шатромъ, якъ той кабанъ у берлози, покы ёму одлыгне тамъ трохы на серци. Такой-то вдавса соби навыженный Цыганъ!

Отакъ разъ пизно ишовъ винъ зъ шынку до дому. Чы йшовъ винъ, чы рачкы лизъ, сёго вамъ не скажу, бо вже давно смерклось; чуты тилько було, що дуже кректавъ и зпотыкавсь; дали впавъ, здыхнувъ разивъ зо два та й захрипъ

на усе поле. На той часъ довелось ихаты тимъ шляхомъ якому-сь панови; ажъ-ось-коши хвыть на-бикъ, ажъ трохи воза ему не перекынулы. «Стій! що тамъ таке?» Роздывылысь, ажъ п'яный Цыганъ. «Узять ёго зъ собою», каже панъ своему поганяйлови. Узять такъ и взять: зъ панськимъ, кажуть, свого языка не ривняй: колы довгый, то прыкороччають; колы короткий, то вытягнуть. Машталяръ злизъ зъ воза, розштовхавъ пидъ боки Цыгана та й пидвивъ до воза. «Куды оце ты мене цупышь?» пытаецця у ёго Цыганъ. «Лизъ, кажуть тобъ на вльзь». «На визъ? ну, се ще не велька беда!» каже Цыганъ; сивъ соби любенько коло пана та й захрипъ зновъ на усе поле.

Прокынувшысь на другый день, Цыганъ якъ глянувъ, такъ и зомливъ: «Де оце я? куды се я забравсь? Чы ни въ шынку? такъ нить же бо: у шынку викна не таки та й стольцивъ немае. Ну, не-дай-Боже та хто застане мене у сихъ будынкахъ, адже-жъ на мыни й волосся не зоставлють: скажуть, що я прышовъ красты! Отъ же колы прышло на мою голову лыхо!»

Тильки що се сказавъ, ажъ-ось двери рыпъ и увійшовъ якый-сь сынекаптанникъ. «Добродію! каже до его Цыганъ: колы я сюды зайшовъ красты, або чого другого, то отъ чорна земля, щобъ я ище почорнивъ! щобъ мыни и руки й ноги повсыхалы! щобъ я заразъ сказывся! щобъ свиту Божого не побачывъ,

КОЛЫ Я ЗНАЮ, ДЕ Я И ЩО, И КУДЫ ОЦЕ ЗАЙШОВЪ!))

«Що се вы пане? каже добродій; чого се вы такъ божитесь?»

«Якый же я панъ? я не панъ, а Цыганъ!

«Господь зъ вами, пане! що оце вамъ прыснлось? Чы вы-жъ такы на Цыгана походылы?»

Що за мара така? думае Цыганъ. «Чоловиче добрый! годи тобі глузовать: выведы тильки мене изъ сихъ хать, такъ я твого й панства не хочу, та знайды мыни мій брыль та свѣтку.»

«Та що бо оце вы мыни кажете, пане? Якъ бы я посмивъ надъ вами глузоваты? Нате лышень одягайтесь, та ось прынесу вамъ чаю.»

Що за дыво? думает Цыганъ; справди виинъ до мене такъ говорить якъ до пана. Надину вже, такъ и быть, сей жупанъ: що буде, то буде!»

Ажъ-ось несуть ему чаю — винъ пѣе, дають люльку — винъ и люльку тягне, дають поросятыны — исть винъ и поросятыну; а потимъ зновъ чаю, а потимъ зновъ кивбасъ та поросятыны, такъ що ажъ жывить ему обдуло! На другый день, ще винъ не прочынавсь, а тутъ ему уже й несуть чаю, горилкы, вареныкивъ, кивбасъ, сала, такъ що ему уже и въ пельку непотовпылось. Отъ Цыганъ бачыть, що вси ему кланяютця у поясъ та знай вельчають паномъ, переставъ боятысь и давай орудувать посвосму: «Горилкы! музыку!» гукнувъ

винъ на прыслужныкивъ , и заразъ вродылась горилка й музыка. Цыганъ дмухнувъ разомъ зъ кварту , покректавъ , закусывъ , та такъ повеселивъ , що ажъ пидскочывъ. «А нуте горлыци!» Музыкы загулы , а Цыганъ , такъ и пишовъ кружка по малёваному помосту. «А що-жъ вы не танцюете, вражи диты!» гукнувъ винъ на людей; танцюйте, пыйте, ийте: я не жалую ничего!» Отъ и народъ давай выступать по одному та по двое, и пиднялы такой гвалтъ, якъ на весильли. А Цыганъ-же-то выскакуе та выспивуе навпереймы; крычыть, гогоче, частуе народъ и самъ пѣе, такъ що перестани ему нема: знай тильки погукуе:

«Гей грай, колы граешъ,
Колы чорни бровы маешъ!»

Вже й вечирь, а Цыгань гвалтуе, а Цыгань коить лыху году. Да вже якъ зусимъ осмеркло, винь змигся та й впавъ якъ снить п'яный на помисть. Отъ тоди пань звеливъ зновъ одвезты его та й положить на дорози. Такъ и зробылы. Хропе Цыгань неборакъ на усе поле, ажъ воронья жахаеця на березахъ. Вже й свить, а винь спыть; вже люде й жать идуть, а винь почывае, якъ писля макивкы. Отъ и стали его будыты: «Вакуло! уставай! уставай!»

«Пійдить вы соби къ дьяволу! загукавъ до нихъ Вакула: чаю, бисовидиты!»

«Тю, нависноголовый! тю! га! дурный!» и пишы реготатысь та тюкаты на бидного Вакулу.

Цыганъ пидвився, и бачыть, що се вже щось не повчорашнѣму. «А де-жъ музыкы?» зпытавъ винъ.

«Яки музыкы?»

«Якъ яки? Аже-жъ я вашъ панъ!»

«Тю! навиженый! що се тобі прыснлось?»

Оторопивъ мій Цыганъ, розставывъ ноги и вырячывъ на народъ очи. Може й справди се мыни прыснлось, думаетъ винъ, та й не ставъ никому розказувать, щобъ ще бильше зъ его не глузовалы та не прыложилы ему якого имення.

П. Кулишъ.

ГЛАВА I.

ЗЪ ПОЭМЫ ГАЙДАМАКЫ. (*)

В. И. Григоровичу на память 22 Апрелья 1838.

Яremo! Герш-ту! хамивъ сыну!
Пиды кобылу прыведы,
Подай патынки господини,
Та прынеси мыни воды;
Выметы хату, внесы дрова,
Посыпъ индыкамъ, гусямъ дай,

Порадувавъ насъ торикъ Шевченко кобзаремъ, а теперь зновъ напысавъ поэму *Гайдаламакы*. Гарна штука, дуже гарна, така смашна, мовлявъ, якъ у спасиску та у жаркый день писля обида гарный кавунъ! — И исы и ще хочетця — и чытаешъ и не одырвешся. Отце вамъ для прымиру зъ неи перва глава. А тамъ дальше усе лучче й лучче. Штука я вамъ скажу! Е. Гребенка.

Пиды до лѣху, до коровы;
Та швыдче хаме! Постривай!
Пидешь упоравышьсь въ Вильшану,
Имости треба, небарысь!
Пишовь Ярема, похылывсь.
Оттакъ уранци жыдъ погащый
Надъ козакомъ коверзувавъ;
Ярема гнувся бо незнавъ —
Незнавъ сирромаха що вырослы крыла —
Що неба достане колы полетыть,
Не знавъ — нагынався... О Боже мій мылый!
Тяжко жыть на свити... а хочетця жыть!
Хочетця дывытыця якъ сонечко сяе,
Хочетця послухатъ якъ море заграе,
Якъ пташка щебече, байракъ гомошыть,
Або чорнобрыва въ гаю заспивае;
О Боже мій милый! Якъ весело жить!
Сыроta Ярема, сыроta убогый,
Ни сестры ни брата никого нема,

Попыхачъ жыдивскій, вырись у порогу,
А не клыне долю, людей не займа;
Тай за що ихъ лаять? хыба воны знають
Кого треба гладыть, кого катувать?
Нехай бенкетують... У ихъ доля дбае,
А сироти треба самому прыдбать;
Трапляетця часомъ тихенько заплаче
Тай то не одтого що серце болыть;
Що не будь згадае, або що побачыть,
Тай знову до праці; оттакъ треба жить.
Нащо батько, маты, высоки палаты,
Колы нема серця зъ серцемъ розмовлять!
Сирота Ярема, сирота багатый,
Бо е съ кимъ заплакать, е съ кимъ заспивать.

Есть каріи очи
Якъ зиронькы сяють;
Били рученята
Мліють, обнимають,
Есть серце едыне,

Серденько дивоче,
Що плаче, смієтця,
Якъ винь того хоче.

Оттакый то мій Ярема,
Сирота багатый,
Такимъ и я колысь бувъ....
Минуло дивчата!
Минулося, розійшлося,
И слиду нестало...
Серце мліє якъ згадаю
Чому неосталось?

Чому не осталось чому не выдало?
Легше було бь слёзы, журбу выльвать.
Люде одыбралы бо имь було мало,
На що ему доля, треба закопать;
Винь и такъ багатый, багатый на латы,
Та на дрибни слёзи, бодай не втырать
Доле моя доле! де тебе шукать?
Верныся до мене до моеи хаты,

Або хочь прысныся, не хочетця спать!
Выбачайте люде добри
Може недоладу,
Та прокляте лыхо, злы дни,
Кому незавадять;
Може ще разь зостринемось
Покы шкандыбаю
За Яремою посвиту,
А може й не знаю.
Лыхо люде, всюды лыхо!
Нигде прыгорнутця.

Куды, каже, хылыть доля,
Туды й треба гнутця.
Гнутця мовчки, усмихатця,
Щобь люде не зналы
Що на серци заховано,
Щобь не привиталы;
Бо ихь ласка нехай снытця
Тому вь кого доля,

А сироти щобъ не снылась,
Не снылась никола!
Тяжко нудно розказувать,
А мовчать невмію:
Выливайся жъ слово, слезы. . . .
Сонечко не гріе,
Невысушить, подилюся
Моими слёзами,
Та не зъ братомъ, не зъ сестрою,
Зъ нимими стинами,
На чужыни—а погы що
До корчмы вернуса,
Що тамъ робытця: жыдюга
Дрыжыть изогнувшысь
Надъ каганцемъ, личыть гроши,
Коло лижка клятый;
А на лижку. . . . охъ ажъ душно:
Били рученята
Розкыдала, розкрылася,

Якъ квіточка въ гаю
Червоніе, а пазухы. . . .
Пазухы немає,
Розырвана; мабуть душно
На перыни спаты,
Одинокій, молоденькій,
Нискимъ розмовляты!
Одна шепче. . . . Несказанно
Гарна не-хрещена!
Отто дочка, а то батько
Чортова кышеня.
Стара Хайна лежить доли
Въ перынахъ поганихъ.
Дежъ Ярема? Взявши торбу
Потягъ у Вильшану.

Т. Шевченко.

ДО ЗОБАЧЕННЯ.

Отъ слава тоби Господы и конецъ кныжци! Чытайте іи панове добродійство колы уподобаєте, а ни, такъ мовчить; и безъ васъ мене вылають собаки, не за кныжку, ни, вони кныжки не поймуть, а за те що я чоловикъ; така у ихъ поведенція. На вульци де я жыву чортивъ тыскъ, мовлявъ, тіеи собачни, тилки выйдешъ зъ хаты заразъ изъ запричилка на тебе: гавъ! гавъ! а тамъ съ пидъ ворить, а тамъ зъ за коморы та усе гавъ та гавъ! Оттака стане голова! Махнешъ рукою та й пидешъ далшъ. Часомъ у рукахъ и ципокъ е, можебъ

де котру зайдльвишу зачепывъ бы чы по морди, чы по боку, звисно якъ бы тамъ прышлось краще, такъ не таки! Муштровани бодай ихъ; гавкають у захысти, а очей не покажуть!... Далеби!

Хотивъ було я вамъ панове, пустыть свою кныжку зимою, та якъ од- нись у друкарню, якъ стали москали друкарювать, такъ я вамъ кажу и смихъ и горе! Чы вы повирьите що надъ од- нимъ лыстыкомъ та бьются тыждень або й билше. Ты напышешъ *гилля*, а винъ выдрукорюе *гълль*; это стало быть, каже, красывѣй. «Та мовчы будь ласкавъ москалю та робы те що тоби кажутъ, за що гроши берешъ». Отъ винъ якъ почуе гроши, заразъ и схаменется. Щожъ?

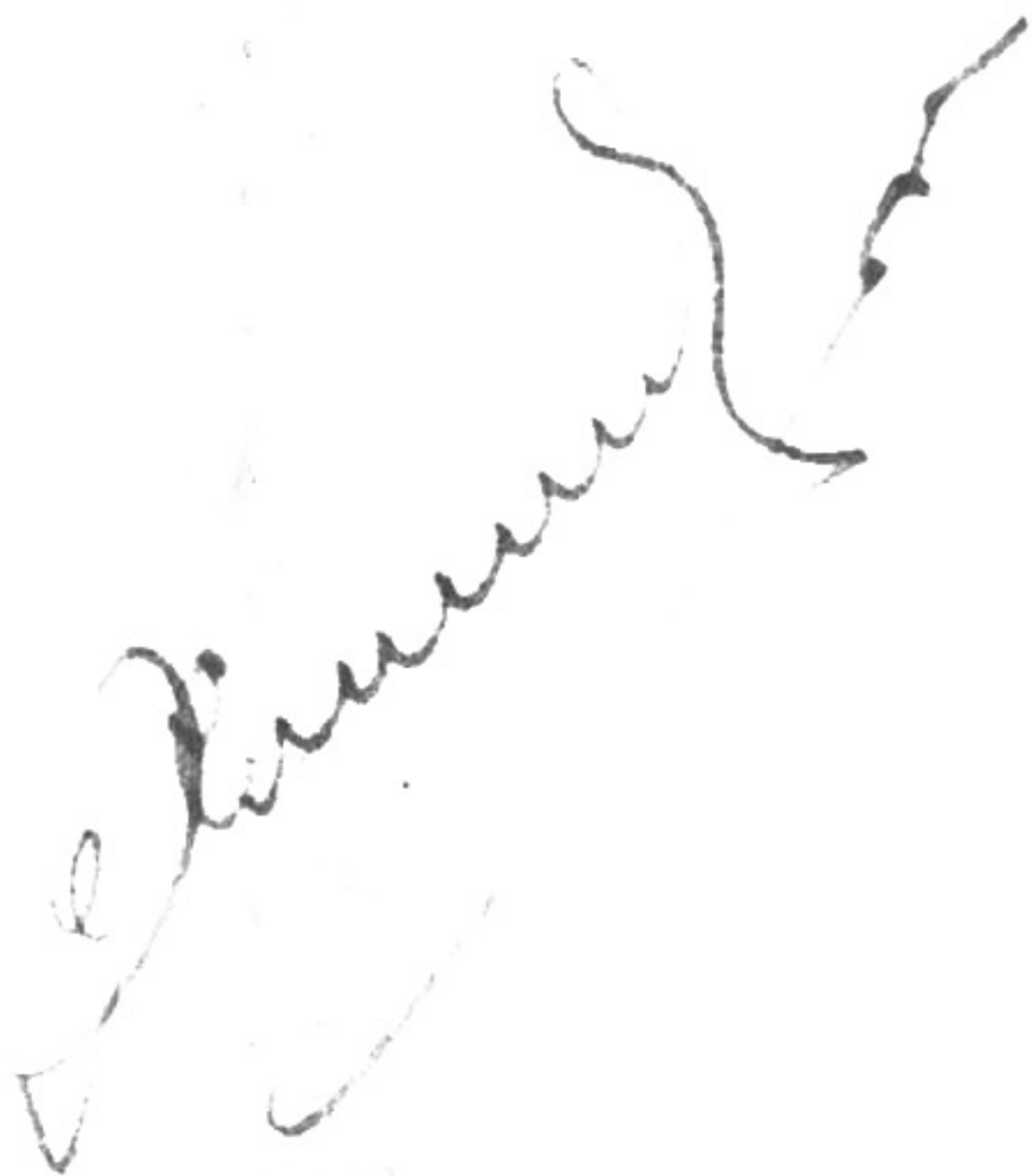
ТРОХЫ ЗЪ ГОДОМЪ ЗНОВЪ УЖЕ ПЕРЕВЕРТУЕ ПО СВОЕМУ!... БЫВЪСЬ, БЫВЪСЬ Я ЗЪ НИМЫ, А ТУТЬ УЖЕ Ё НА ВЕСНУ ПОВЕРНУЛО, ШВЫДКО И ТЕПЛОГО ОЛЕКСІЯ... У ВАСЬ, ЗЕМЛЯКЫ, УЖЕ ГЕТЬ ТЕПЛО, ЯКЪ ДЕ, ТО ЧАСОМЪ, И ВЕРБЫ РОСПУКУЮТЬСЯ, ШВЫДКО И ЛАСТОВКЫ ПРИЛЕТЯТЬ, ТРОХА ЧЫ НЕ РАЗОМЪ ЗЪ МОЕЮ КНЫЖКОЮ, ОТЪ ОДЪ ТОГО Я ІИ И НАЗВАВЪ ЛАСТОВКОЮ. НЕХАЙ ЛЕТЫТЬ ДО ВАСЬ, НЕХАЙ СОБИ ЩЕБЕЧЕ ПО ХУТОРЯМЪ, ПИСЛЯ ЗИМЫ И ІИ ВЕСЕЛО СЛУХАТЬ!... ПОЛЮБИТЕ ЖЕ ЗЕМЛЯКЫ НАШУ ЛАСТИВОЧКУ, ЧЫТАЙТЕ ІИ ШВЫДЧЕ, БО НЕ-ЗАБАРОМЪ МОЖЕ ПРЫЛЕТЯТЬ СОЛОВЬИ, ТОГДИ ХТО СТАНЕ СЛУХАТЬ ЛАСТОВКУ!? —

ПРОЩАЙТЕ ПАНОВЕ! ДАЙ ВАМЪ ГОСПОДЬ МЫЛОСЕРДНЫЙ УСЯКОГО ЩАСТЯ: КОЛЫ ХТО

не жонатый — добру жинку, та ще й не сердыту; колы у кого у кишени не благополушно — повнисиньку шапку грошей; колы хто охочый по судамъ тягаться — задырлывого сусида. А усимъ вамъ щобъ добре пылось и илось, щобъ у вашихъ садахъ было що году багацько и сливъ и выщень и терну, за для разнихъ наливокъ, щобъ степы ваши багато родылы жыта и пшеныци и всякои, якъ той казавъ, пашныци, щобъ вынныци давалы вамъ изъ кожного пуда видро пинной горилкы, щобъ ваши кони добре куповалы ремонтырщыкы; щобъ ваша шерсть дорого платылась по ярмаркамъ, а сахаръ щобъ бувъ дешевый, щобъ. . . . та усёго и до завтрёго

не переговорышь! А тутъ нѣколы. Прощайте землякы! може и я швидко до васъ навидаюсь. До зобаченьня! —

Е. Гребенка.

A handwritten signature in cursive script, likely reading 'Е. Гребенка', written in dark ink on a light background.

К О Н Е Ц Ъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Проза.

	страниц.
Такъ соби до землякивъ. Е. Гребенка.....	1.
Сердешна Оксапа. Г. Основьяненко.....	32.
Казка Дубъ. Д.....	223.
Пархимове сніданья. Г. Основьяненко.....	251.
На пуцанья якъ завязано. Г. Основьяненко....	289.
Цыганъ (урывокъ зъ казки.) П. Кулишъ.....	362.
До зобаченья. Е. Гребенка.....	378.

Вирши.

Чорноморець. Л. Боровиковскій.....	22.
Витре буйный. Т. Шевченко.....	25.
Вывидка. Л. Боровиковскій.....	26.
Голубъ. В. Забъла.....	208.
Е. П. Г-къ. А. Чужбинскій.....	215.
Панське слово, вельке дило. П. Писаревскій.....	215.
Собака та злодій. П. Писаревскій.....	218.
Дядько на дзвоныци. Е. Гребенка.....	220.
Писня. В. Забъла.....	221.
Прычынна. Т. Шевченко.....	230.
***. В. Забъла.....	243.

	страп.
Палій. Л. Боровиковскій.....	246.
Волохъ. Л. Боровиковскій.....	249.
Хлопци. Е. Гребенка.....	279.
Зимній вечеръ. (Зъ Пушкина.) Л. Боровиковскій.	281.
Мирошпыкъ. (Зъ Державина.) Стецько Шереперя.	283.
Панько та верства. П. Кореницкій.....	284.
Байкы. Л. Боровиковскій.....	293.
Два одрывка изъ Оперы Москаль Чарвныкъ. П. Котляревскій.....	299.
На вичну память Котляревскому. Т. Шевченко..	306.
Прощання. А. Чужбинскій.....	313.
Народни пословыци. Л. Боровиковскій.....	318.
Загадки. Л. Боровиковскій.....	331.
Народни Малороссійски песни. Зыбраши С Шере- перею.....	340.
Летивъ орель понадъ моремъ.....	348.
Ой волы мои да половыи.....	349.
Весильна писпя.....	352.
Украинска Мелодія. Е. Гребенка.....	353.
Розставання. (Зъ Писень.) Л. Боровиковскій.....	355.
До коня. П. Мартовницкій.....	361.
Глава I. Изъ Поэмы Гайдамакы. В. П. Григоро- вичу на память 22 Апреля 1839 Т. Шевченко..	371.

ВСТ = 4778

КН = 4727

2017